

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№1 2018

ISSN 0130-8173

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
В.И. Пестерев, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
К.В. Алексеев,
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 25.01.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

Память

Владислав АВДЕЕВ

«Но вздрогнет на небе,
С рожденья мне данная Богом,
Звезда!»

4

Проза

Николай ЛУГИНОВ

В преддверии
перемен

(Повесть третья)

8

Из писательского наследия

Иван ГОГОЛЕВ

Природа – мадонна
мадонн

38

Поэзия
Егор ПЕСТРЯКОВ
– Джэгёр Тюбэ

Дети войны

Стихи

46

Новые переводы

СЭМЭН ТУМАТ

Смертельный дрейф

Повесть

48

Новая книга

Тимофей СМЕТАНИН

Солдат Егор Чэрин

(Отрывок из повести)

69

Два рассказа
Анатолий СЛЕПЦОВ

Начало Ножницы

82

Поэзия

Альфред КУЛАЧИКОВ

«Там тишина
стояла в белом,
Вся ожиданием полна...»

86

Истоки

Валентина ЧУСОВСКАЯ

Знак Солнечного племени Айыы

89

Экскурс в историю

Владимир ПЕСТЕРЕВ

Экономический кризис
в Якутии 1920 года

92

Последний рубеж писателя

Владислав Авдеев...

Не хочется в это верить, но почему-то упорно лезет в голову мысль: в русскоязычной литературе Якутии вряд ли появится в обозримом будущем писатель такого же масштабного дарования, интеллекта и поистине неисчерпаемого творческого потенциала. Какой бы темы не касался в своих произведениях Владислав Авдеев, первым и главным условием для него было доскональное изучение предмета, о котором собирался писать: от эпохальных примет до самых мелких бытовых деталей. Ни один дотошный специалист-учёный не найдёт в его романах и повестях о «делах давно минувших дней» («Бараанчай – изгой небес», «Уйти, чтобы остаться», «Хорошие люди», «Повесть о первой любви...») малейшей исторической неточности, искажения факта или столь популярной ныне среди литераторов игры в поддавки с цифрами и датами.

Наверное, раз пять говорил ему, что я, как редактор, отдыхаю душой, получаю истинное наслаждение, когда читаю и готовлю к печати его произведения. А каков средний уровень поступающих в редакцию материалов, можно судить хотя бы по этому небольшому отрывку: «попавшиеся в сети окунь и щука ИМПУЛЬСИВНО ТРЕПЕТАЛИ...» (Речь идёт о переводе маститым московским писателем повести известного нашего прозаика.) И до жути хочется мне порой таким вот горе-мастерам слова дать... почитать романы Владислава Авдеева. Вдруг – да и поможет!

В наше подловатое время, когда всё вокруг постепенно превращается в нечто искусственно-безликое, серое, Владислав Авдеев чётко различал все оттенки бытия (только чёрное для него всегда оставалось чёрным, белое – белым). Был способен даже этот мир видеть в ярких красках, которые для него – как для настоящего человека и писателя – продолжали сохранять первоначальную свежесть и красоту. Он пытался противостоять своими талантливыми произведениями воинствующей серости – и ушёл непобеждённым. Вконец обессиленный, измождённый страшной болезнью до такой степени, что боязно было просто взглянуть на него, Владислав Иванович продолжал писать. Зная, что это его последний бой, последний рубеж.

И то, что первый номер «Полярной звезды» наступившего 2018-го года открывает большая подборка его стихов, – в высшей степени справедливо. Думаю, как никто другой из наших постоянных авторов, он заслужил это право.

**Иван Иннокентьев,
зам. главного редактора журнала «Полярная звезда».**

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. «НО ВЗДРОГНЕТ НА НЕБЕ, С РОЖДЕНЬЯ МНЕ ДАННАЯ БОГОМ, ЗВЕЗДА!»

Владислав АВДЕЕВ

«Но вздрогнет на небе, С рожденья мне данная Богом, Звезда!»

Поезд заставить нельзя
Полететь в поднебесье.
А самолёт кто принудит
По рельсам ползти?

Но почему человек
Соглашается часто,
Крылья отбросив,
По грязи с тоскою брести?

Песни ветра и эхо лесное
Всё тебе я могу подарить.
Только что же мне сделать такое,
Чтоб меня не смогла ты забыть?

Чтоб меня не смогла ты забыть,
Тёмной ночью во сне приходила,
Чтоб в мечтах моих вечно была,
Тишиною со мной говорила.

Дом построю, стихи напишу,
Для тебя я всё сделать смогу.

Могу месяц тебе приручить,
Чтоб меня не смогла ты забыть.

Чтоб меня не смогла ты забыть,
В каждой капле воды отражалась,
Чтоб звездой полуночной была,
Тёплым ветром ко мне прижималась.

Станешь бабушкой старою скоро –
Всё равно тебя буду любить.
Только что же мне сделать такое,
Чтоб меня не смогла ты забыть?

Чтоб меня не смогла ты забыть.
Чтоб меня не смогла ты забыть...

Потеряв Её,
Испытываем чувство
Непоправимой вины
И какой-то детской

Незащищённости.
И ночами немо кричим
В пугающую темноту:
«МАМА!»

Когда я умру, на Земле ничего не случится.
Не ахнут, забивших в рыданиях, берёзы.
И горы (ну, кто же до них достучится?),
И горы, увы, не прольют по мне слёзы.
Всё так же цветы красотой своей будут
Гордиться.
О, Боже, прости, но зачем тогда было
Родиться?
Когда я умру, на Земле ничего не случится.
А может, и вправду
 совсем небольшая беда?
Когда я умру, на Земле ничего не случится,
Но вздрогнет на небе,
С рожденья мне данная Богом,
Звезда!

Убеждать самих себя –
Дело нам привычное.
Убеждать – да пустяки,
Дело-то ведь личное.

Раз начальник накричал,
Как с цепи сорвался,
Видно, не узнал меня –
Просто обознался.

Друг вот предал!
Ну и что? Были обстоятельства.
Верю я, его заставил –
Важное сиятельство.

Убедить себя легко,
Только вот бессонница
Навалилась ни с чего
С хваткою покойницы.

Вот любимая – узнал –
Изменяет с кем-то.
Видно, я неласков был
И грубил – как с кентом.

Убедить себя легко,
Можно насобачиться.
Только сердце что-то вот
Плачет – не заплачется.

Убеждать самих себя –
Дело нам привычное.
Убеждать – да пустяки,
Дело-то ведь личное.

Кто-то скажет кому-то
Лишь слово одно,
Но достаточно, чтоб
На Земле пробудилось Зло.

Упал.
Никто поднять
Не сможет.
Жизнь бросила его.

В толпе почувствовал он
Радость единения.
Его найти не могут
До сих пор.

Вспоминая детство,
Говорили:
«Какими мы были дурами,

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. «НО ВЗДРОГНЕТ НА НЕБЕ, С РОЖДЕНЬЯ МНЕ ДАННАЯ БОГОМ, ЗВЕЗДА!»

И радовались, что были
Тогда дурами».

Переплетенье голых тел
В гарнире смятых простыней –
Обычное меню,
Предложенное Ночью.

Письмо друзьям

Побывал на далёкой планете:
Горы, реки – всё-всё, как у нас.
Но зимой там скучают о лете,
Ну а летом пьют бочками квас.

И живут на далёкой планете
Преужасные, ох, существа.
И хвостов у них, верите, нету,
И всего лишь одна голова.

Две руки, всего-навсего две,
Две ноги и два маленьких глаза.
Таких чудищ не видел нигде,
Не планета – пиратская база.

У чудовищ у этих густою
Голова вся покрыта травою,
Ту траву волосами зовут
И косилками часто стригут.

Среди чудищ я жил целый век,
Невидимкою рядом бродил.
Сколько было опасных помех –
Я от смерти не раз уходил.

А вчера я вернулся домой,
Со слезами встречала семья...

Вот на память, друзья, фотография,
Посмотрите – это я!

Порвали парус...
В. Высоцкий

Не порвали парус, не порвали!
Мы его не поднимали никогда.
Не порвали парус, не порвали!
Скучных дней не надоела череда.

Ну, а если даже надоела?
И мы это поняли давно?
Я уверен, что быстрее
Листьями распустится бревно.

Что случилось с нами, что случилось?
Догнивают в бухтах клипера.
И не смотрят в море наши женщины.
Нет, не рвут нам ветры паруса.

Но мечтали ведь, мечтали мы
О подвигах.
И душа была отвагою полна.
Только в чём-то главном уступили,
И в награду – вечная тоска.

Не порвали парус, не порвали!
Мы его не вынимали из чехла.
Не порвали парус, не порвали!
Скучных дней глухая череда.

И в подражание Высоцкому
Крикнуть хочется:
«Я каюсь, господа!»

Николай ЛУГИНОВ,
народный писатель РС(Я)

В преддверии перемен

(Повесть третья)

1. НОЧНЫЕ КОШМАРЫ ТУРАРА

Ему снился мучительно долгий, показавшийся бесконечным, сон. Вроде бы и понимал, что это сон, и терпеливо ожидал, что скоро, как только удастся проснуться, исчезнет этот давящий, удушающий туман, из-за которого ему не хватает воздуха. Ждал, что вот-вот проснется и тогда сможет вздохнуть полной грудью. Но сон продолжался. Зажатый пространством небытия со всех сторон, он с каждым мгновением все труднее дышал. Собрав последние силы, ему удалось вырваться из тисков, устремиться прочь и, казалось, спастись, если бы он неожиданно не провалился в пропасть, падал в которую бесконечно долго, набирая и набирая скорость, пока не засвистело в ушах.

Наконец, он упал. Приземлившись довольно мягко на неприятное склизкое дно, выбираясь на взгорок, запутался в высоких цепких кустарниках. Только прорвался сквозь них и попытался оглядеться, как на него набросился огромный неведомый зверь с разверстой пастью.

В последний миг, а чаще всего так и случается

во сне, он сумел увернуться, опередив хищника всего на мгновение, и нырнул назад в густые кусты. И так несколько раз: только высунет голову, тут же разинутая пасть нападает.

Вокруг него был отвратительный в человеческом понимании мир: смрадный запах витал повсюду, все было словно вымазано густой жижей, похожей на слизь. И в эту минуту он понял, что каким-то неведомым образом у него пропала память. Как ни старался, но вспомнить не мог: не только кто он был такой в оставленном за оболочкой сна божьем мире, но и сам этот мир.

В том же сне Турар впервые испытал до сих пор для него незнакомое чувство страха. Страх был животный, необъяснимый, пробирающий до мозга костей. Дрожала каждая клеточка тела: руки, ноги, зубы – всё ходило ходуном, он не мог даже губы свести.

Мучительное ожидание неминуемой смерти закончилось как-то очень просто – посреди неблагозвучной разноголосицы из мычаний, рычаний и завываний он услышал человеческую речь.

– Кто ты? – спросил грозный голос.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

Турар на секунду опешил, точно лишившись дара речи, настолько прежний ужас еще пронизывал его. «Я не помню... ничего... не знаю...» – наконец выдавил из себя, обрадовавшись, что понял слова, а еще оттого, что он не только понимает, но даже владеет этой речью, хотя совсем недавно не знал, кто он такой.

– Ну, что молчишь? Кто ты такой? Отвечай четко и ясно.

– Я, кажется, человек, если понимаю вашу речь, – он стал оглядываться по сторонам, но никого так и не увидел, а раскатистый голос продолжал доноситься со всех сторон:

– Смотрите, он ещё рассуждает, хотя ничего не помнит. Это неплохо.

– Рано радуешься! Если он придет в себя – еще неизвестно, до чего в итоге дорассуждается, – возразил ему другой, скрипучий, с присвистом голос, принадлежавший, видимо, старику.

– Никуда он не денется. Надо будет – образумим, найдем на него такие беды, что не скоро оправится.

– Ему всё нипочём, видно же, насколько он живучий. Опасность в том, что, спасаясь от очередной беды, он становится не только еще сильнее и крепче, но и хитрее, изворотливее...

– Ну и что тогда ты предлагаешь?

– Если хочешь побыстрее распознать его истинную суть, дай ему не просто силу, но преимущество над другими, превосходство во всём – он тут же выкажет все качества, дремлющие в нём до поры, и ты увидишь его истинную натуру.

– Хорошо, так тому и быть... – ответил раскатистый голос своему собеседнику и обратился к Турару:

– Эй ты, мыслитель, выйди из кустов, приведи себя в порядок, умойся, а то ты похож на посланца Аджарая¹...

– А выходить разве не опасно? Не съедят меня хищники?

Раскатистый гром пробежал по небу. Это невидимые собеседники рассмеялись над его словами.

– Не бойся, те страшилища давно съели друг друга. Теперь главный хищник здесь – ты. Так

что перестань дрожать от страха и живи вольно. Но знай меру. Отныне знай, что самый беспощадный и безжалостный твой враг – ты сам. Впредь следи за своими помыслами, за ними неотступно следуют твои деяния. С этого дня погубить себя можешь только ты сам. Запомни: главный твой враг – ты.

– Угу... – ответил он, хотя, если честно, ничего не понял.

Так и проснулся сёгун, ничуть не разобравшись в происходящем.

Во сне он так далеко ушел, так сильно впал в беспамятство, что, очнувшись, никак не мог прийти в себя. Даже увидев напротив себя в вышине круглое светящее отверстие, не мог понять, что это такое. Пришлось долго приглядываться, чтобы понять, что это «ураа» – верхняя отдушина урасы.

И, как по волшебству, следом сразу вспомнилось, что до сна он был человеком и принадлежал к самому грозному народу – хуннам. Вот это удача! Слово это знание было и вправду открытием для него – ему посчастливилось быть представителем самого могучего народа.

Такая удача выпадает не каждому!

Он очень четко помнил, что совсем недавно в странном своём сне впервые ощутил неведомое ему в здешней жизни – позорное, постыдное чувство страха, от которого руки-ноги у него дрожали.

С огромным удовлетворением вздохнул полной грудью – какое великое счастье быть в безопасности, отныне ничто и никто ему не угрожает... Он может жить как и прежде – почти никого не опасаясь.

Почему-то вспомнились слова: кроме себя самого врагов у тебя нет.

Как это понять? Значит ли это, что отныне он всемогущий? Что ему некого опасаться? Что он самый сильный? Хорошо, если так. С самим собой всегда можно договориться. Лишь бы опасности извне не было.

Всё-таки, оказалось, что чувство страха не

¹ Аджарай – Сатана.

полностью покинуло его, оно притаилось в неизвестных ему прежде закоулках души. Он отчетливо ощутил присутствие этого чуждого ему чувства, когда вспомнил свою родовую хуннскую принадлежность.

Страх для хунна – совершенно неведомое, незнакомое ощущение.

Все прежние почти безнадёжные обстоятельства в жизни он помнил отчетливо. Бывало, в бою оказывался перед превосходящим по силам противником: в эти минуты в хунне вместо страха и паники просыпается бравада, и он, сразив первого врага, кричит: «О, удача! Наконец, нашел долгожданную постель! Следующий станет мне подушкой, а уж третий, такова воля Тэнгри – саваном! А ну, подходи! Смелее! Ну, кто следующий?!»

И часто на врагов нападала оторопь – ошарашенные неукротимостью хуннского духа, они в замешательстве расступались, а иногда и вовсе обращались в бегство.

После ухода в паломничество внука сёгун совсем раскис. Никогда прежде он и подумать не мог, что такой обыденный повод вызовет в его жизни столько перемен: пропал не только сон, но и аппетит. Да что там еда – вкус жизни перестал ощущаться. От возникшего внутреннего беспокойства пропал покой, он бесцельно метался по сурту и никак не мог вспомнить, что же заставило его проснуться и встать. Ничего иного, кроме постоянных нервических разговоров о походе Акола, он и помыслить теперь не мог. И всё потому, что ощущение неминуемо надвигающейся беды преследовало его днем и ночью. Пробовал спастись привычными армейскими делами, но и это занятие не шло на ум. Все было не то. Но чем он мог самому себе помочь?

Ничем и никак... полная беспросветность завтрашнего дня, словно туча навалилась на день текущий.

Самой страшной оказалась невозможность что-либо изменить, вынужденная

беспомощность, необходимость бездействовать и неизвестно чего ждать. Ждать, когда придет донесение? Какое оно будет? Мысли почему-то были недобрые. Черная весть казалась самой вероятной.

Впервые почувствовал он, что с таким трудом годами обретаемый полезный жизненный опыт в одночасье может оказаться дурным подарком... Потому что, опираясь на свои знания, он почти наверняка знает, что случится завтра с его внуком, а значит, и с ним самим... Опыт, а в его непреходящее значение еще недавно он верил безоговорочно, лишил его надежды на благоприятный исход предпринятого внуком путешествия. Всё твердило только об одном – на чудо надежды нет. К тому же за столько лет службы он убедился, что чудес в жизни не бывает. Этот глупый самообман для женщин и неумных людей.

Как ни крути – верная погибель внука неотвратимо приближалась... И все свои силы сегуну пришлось пустить на то, чтобы принять столь печальное предположение как данность, на которую он никак не сможет повлиять. Надо смириться и покорно ждать неотвратимого конца этой безрассудной затее внука.

А тут еще навалились на него странные сны. Они овладевали вполне здоровым прежде сознанием, день за днем мучая и без того заблудившуюся во всевозможных догадках душу.

2. КАК БЫТЬ? ЛУЧШЕ НЕ ВМЕШИВАТЬСЯ

Когда сёгун Турар по совету У Хуана попросил саархаана на лето отпустить его с небольшим отрядом разведать обстановку на западных окраинах, тот, как всегда помедлив с ответом, уточнил:

– С небольшим, это сколько?

– Ну, сюн², а может и меньше, арбанов пять, пожалуй, хватит.

Через несколько дней он вызвал Турара и сказал:

– Хотя мне неуютно будет без сегуна, но,

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

понимая твое беспокойство о судьбе внука – разрешаю... Бери три мегена...

– Зачем так много? – неожиданно для себя перебил речь саархаана Турар.

– У меня будет к тебе две просьбы, – словно не заметив вопроса, продолжил саархаан.

– Слушаю... – тут же, словно очнувшись и поняв свою ошибку, сказал сегун.

– Прошу сделать крюк – взять южнее, выйти к подножию Алашаня и малыми отрядами разведать состояние сил и положения государства в землях нашего великого китайского соседа. По обрывочным сведениям, у них не просто неспокойно, а все еще продолжается противостояние нескольких царств, рассорившихся несколько лет назад.

– Это же хорошо. Пусть грызутся и дальше.

– Ну, как сказать... – многозначительно вздохнул саархаан. – Неизвестно, чем это отзовется для нас, когда вместо шести малых царств образуются один или два сверхмощных ила.

– А это разве возможно? – удивленно воскликнул Турар.

– Почему бы и нет? Народу у них много, земли обширные и богатые. Восстановиться смогут очень быстро, если воевать перестанут.

– Да... Тогда стоит нам задуматься. Может, вмешаться, спутать их замыслы? – простодушно вымолвил сегун.

– Никоим образом! Все наши вмешательства в прежние времена оборачивались только против нас.

– Значит, надо вмешиваться с умом, с оглядкой...

– По мне так лучше совсем отстраниться. Мы никогда не поймем сути их противостояния. А раз так – зачем наживать врагов? Лучше наблюдать со стороны, притом издалека, не давая знать о себе. Это первое поручение. Второе я сообщу позже, через сорук уола³.

Этот разговор не только крепко запал в память старого сегуна, но и заставил многое переосмыслить.

Обычно он подавлял всех своим превосходством в возрасте и опыте, а тут молодой саархаан оказался намного мудрее. И это хорошо!.. С таким правителем не пропадешь.

Управлять Хуннским илом – дело непростое. Надо дено и ночью решать невообразимое для обычного смертного количество государственных вопросов, тем самым предотвращая превращение мелких трудностей в тяжелейшую головную боль.

Теперь ему стало понятно, почему саархаан почти полностью отстранился от армейских дел, целиком возложив их на сегуна. Зря он обижался порой на саархаана за кажущееся равнодушие. Он давно должен был понять, признав свою неправоту, что армейские дела решаются много проще гражданских, где житейские, бытовые, государственные и многие другие сложности переплетены в единый клубок. Попробуй распутать и не нарушить личностные, родственные и родовые интересы огромного народа.

Саархаан Усуман – удивительный человек. Вот уже семнадцать лет он тихо, мирно и без всяких распрей правит Хуннской империей. Многие его считают слишком осторожным, даже слабым правителем. А оказалось, что он просто очень разумный. Особенно раздражала всех его медлительность, но всё потому, что он любые решения принимал основываясь не на чувствах, а досконально, разносторонне изучив дело. Вот и теперь он заранее пытается узнать о назревающем у китайцев раздоре, чтобы успеть подготовиться или хотя бы не подтолкнуть своими необдуманными действиями скорейшее его развитие.

Со стороны и правда непонятно, отчего вдруг так неожиданно передрались до того худобедно уживавшиеся друг с другом китайские государи. Что могло произойти, что однажды начав воевать, никак не могут остановиться?

О причинах их противостояния ничего толком неизвестно. Кто там прав, кто виноват? А если так, то незачем и вмешиваться. Никто не может предсказать, чем такое вмешательство обернется в будущем. Саархаан прав, что мы привыкли везде, где надо и не надо, проявлять

³ Сорук уол – порученец.

свою волю, и это часто оказывалось неверным решением.

Значит, от такой «помощи» вреда больше, чем от бездействия хуннов.

Признаться, излишняя самоуверенность – одна из главных черт хуннского характера. Поэтому мы и процветаем при спокойном и рассудительном правлении Усумана. Бывало и наоборот, к примеру, при Саламане – младшем брате Усумана. Тогда повышенная «боевитость» неминуемо навлекла беды на весь народ, это долго еще будет слышно.

Поворотные моменты всегда запечатлеваются в памяти. Потому памятна и неожиданная смерть саархаана Абылхая. До сих пор всё отчетливо помнится, хотя погиб он семнадцать лет назад.

Тогда придворный клан в нарушение многовековой традиции по каким-то своим соображениям вместо законного наследника выдвинул в саархааны семнадцатилетнего Саламана.

Быть бы беде – внутренней распри, но, к счастью, Усуман не стал предъявлять никаких наследственных притязаний. Саламан же, помолодецки, только сев на трон, сразу отстранил всех опытных советников, приведших его к власти, с готовностью принял отставку и старого сегуна Турара, назначив вместо отца – сына, своего ровесника, семнадцатилетнего Арслана. Турар и обижался и радовался одновременно. Странная штука – человеческий характер.

Юноши, получив неограниченную власть, сразу развили бурную деятельность. За неполных пять месяцев провели несколько крупных походов, тяжёлые последствия которых сказываются до сих пор. Мальчишки в одночасье разрушили хрупкий мир, который огромными усилиями и терпением предшественников сохранялся столько лет.

Позже они бы образумились и принялись исправлять свои ошибки, но этого не случилось – смерть прервала их ретивые юные жизни.

После брата, нехотя, вынужден был сесть на трон Усуман. Он сразу отозвал из вынужденной отставки Турара, упросив его год-другой послужить, но эта временная служба длится

до сих пор. За семнадцать лет ожидания заслуженного отдыха родившийся в год гибели отца Бабыр дослужился до генеральского чина. До сих пор саархаан повторяет слово в слово свое обещание отпустить Турара в ближайшее время.

3. МЕЖДОУСОБИЦА У СОСЕДЕЙ

О государственных раздорах внутри огромного Китая можно услышать всякие мнения. Точно известно одно, что началось у них это давно. Но хунны в те годы не придавали этому никакого значения, относились отстранённо-поверхностно. Как сказал тогда саархаан сегуну:

– Пусть грызутся между собой, меньше будут встывать в наши дела.

– Надо бы помочь своим, да поставить там близких нам правителей.

– Надо поочередно всем помогать, чтобы они довели себя до окончательной разрухи, после которой не оправились бы никогда.

– Иметь слабого соседа выгодно?

– Когда грабить станет некого, тоже не очень хорошо.

– Ничего, как успокоятся, мы там сразу наладим жизнь. Они быстро придут в себя.

– Разбогатеют? Богатство – это сила, а всякая сила опасна для соседей. Вообще, всякие изменения влекут за собой новые отношения, которые надо снова выстраивать: заново договариваться, находить общие интересы, а это сложно, такие дела быстро не делаются. Очень часто к правильным решениям приходится идти через военные столкновения – хорошо, если мелкие.

Жаль, что ни разумное слово мудрых переговорщиков становится решающим доводом, а лишь дурная воля, опирающаяся на мощь армии. Вроде бы всё можно решать просто и полюбовно: без жертв и разорений. Взвесь все «за» и «против», заранее прикинь силы свои и противника, рассчитай взаимные потери. Нет, обязательно всё доводится до крайности, и война становится неизбежна.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

Сколько раз так было... видеть, и впредь человечество не образумится.

Мы – старые, доживающие свой век, скоро оставим этот мир и уйдем. Но какой мир достанется нашим потомкам после многочисленных распрей, затеянных нами? Мысли эти печалют... и страшат – до трепета, до дрожи во всем теле.

С этим неведомым прежде чувством Турар познакомился после страшного сна о жестоких нравах изначальных времен, когда человек еще не выделился из животного мира и не стал мыслящим существом. В том мире выживал только тот, кто успел убежать и спрятаться в густых зарослях, или кто смог выгадать миг и первым схватить за горло соперника...

Прошло много времени, пока человек окончательно вышел из животного мира, встав во главе. Но если вдуматься, что изменилось? Опять – соперничество, беспощадная борьба за лучшие земли ведется любыми возможными средствами, под прикрытием якобы благих намерений. Но последствия сейчас куда ужаснее, чем в те времена, когда кто-то кого-то просто съедал. За великими войнами обязательно наступает великая разруха, грядут голод и тысяча других несчастий. Но главное, они приводят к огромному количеству бесполезных, совсем ненужных жертв.

Как жить в этом грозном мире человеку, не принадлежащему к народу хуннов, – народу, заслуженно считающемуся сильнейшим «двуногим хищником»?

«А не зря ли и мы кичимся якобы вечным превосходством над своими соседями? На деле так ли неизбежно это превосходство? Оно зиждется всего лишь на лошадиной силе, на веками совершенствующемся умении выращивать скотину в благоухающих зелеными травами степях и в тенистых предгорьях. Случись многолетняя засуха или несколько лет подряд суровая снежная зима – страшная беда обрушится на хуннов. Обессилят они от падежа скота и неурожая...

Мы в одночасье останемся пешими, потеряв все боевое превосходство. Нас тут же сомнут

противники. Не зря же ходит в народе горькая и очень емкая присказка: «Пеший хунн – пропащий».

Так что насчет хуннского превосходства можно однозначно сказать лишь одно – оно неизбежно, но, в действительности, это величие покоится на зыбких ножках степных трав...».

Сёгун был очень доволен тем, что в свое время сумел-таки уговорить У Хуана отправиться в этот поход. Но тот согласился только потому, что заранее – после разведки обстановки в Китае – оговорил с Тураром, что отряд направится на запад к Куньлуню в поисках следов паломников. У Хуан очень прикипел к Аолу. С этим удивительным мальчиком у него сложились особые отношения. И теперь он впервые после пленения приблизился к границам Китая, оказавшись всего-то на расстоянии десяти кес от северо-западной излучины Хуанхэ.

Когда из разведки вглубь китайских царств стала возвращаться основная группа подвижных отрядов, он отдельно самым подробным образом расспросил каждого участника вылазки. На взгляд непосвященных, не знающих поставленной задачи, У Хуан выспрашивал у них, казалось бы, о второстепенных вещах.

Но, благодаря своей дотошности, он всё же понял подоплёку китайского противостояния. Хунны равнодушно следили за ходом длительных междоусобиц, которые вначале шли вяло, без видимых итогов, то затухая, то возгораясь вновь. Бои шли с переменным успехом для той и другой стороны. Но, в конце концов, противостояния стали острее, борьба непримиримее.

Хунны издавна, особо не вникая в подробности жизни царств, просто следили, какие именно изменения в китайскую жизнь приносят очередные сражения. Спустя годы царства Хань, Чжао, Вэй, Чу и Янь окончательно пали под натиском сильнейшего государства Цинь, признав его верховенство. Теперь Цинь, укрепившийся за счет побежденных, завоевывал уже Царство Ци.

Это означало, что Цинь за последние годы сумел сломить сопротивление всех своих противников. Единственный вопрос мучил сейчас хуннов: «Что будет делать Цинь, когда падет Ци? Как поведут себя его правители?»

На первый взгляд ответ казался простым: наведут порядок внутри Китая и восстановят разрушенное хозяйство. На это уйдет не один год. Но если они сумеют удержать власть на десятилетия, если огромное государство не распадется вновь, то объединенный в единый кулак огромный Китай станет Великим Илом – могучей Империей, собрав воедино немыслимые богатства. И тогда он сможет содержать огромную армию.

Когда Ин Чжен станет владыкой огромного государства, обретя великие возможности, куда направит он свои помыслы? Правило одно для всех в мире царств: армия существует для войны...

Именно это, прежде всего, и беспокоило теперь хуннов. Не надо быть особо талантливым стратегом, чтобы догадаться, кого постарается отодвинуть от своих границ новый император. Хотя лично с ним и с Царством Цинь особых столкновений у хуннов не было. Только единичные мелкие стычки, на которые и внимание бы не стоило обращать. Причина такого равновесия проста до банальности. Почти половина циньцев – выходцы из родственных хуннам племен, то есть они не совсем китайцы, а полукровки. Из-за этого многие хуннские командиры без особой охоты вторгались в земли родственных племен.

Но теперь может стать и так, что эта кровная близость не будет вовсе ничего значить. Циньцы – безраздельные хозяева всего Китая, почувствовали вкус побед. И совсем скоро их поведение докажет, что они стали самыми настоящими китайцами, порой даже более любящими отечество, чем коренные народы.

Замечено, что когда, по их выражению, «внешние хунны» вторгаются в Китай, то именно хунны-полукровки, называемые «внутренними хуннами», особенно непримиримо и жестче отстаивают свои земли.

Получается, что как бы сильны ни были кровные узы хуннов, но на поверку – долг для них превыше всего, как у всякого исконно ратного народа.

Турар помнит то время, когда Ордосские рода, живущие за Хуанхэ, в ее излучине, раз в несколько лет устраивали огромные праздники, на которые приглашали гостей из всех китайских царств и, конечно, высокопоставленных хуннских представителей.

Сам саархаан ни разу на праздниках не побывал, но своих представителей, особенно старейшин родов, отправлял обязательно. Сегун Турар два раза ездил. Именно там он познакомился со всеми китайскими царями теперь уже несуществующих царств.

Серьезное противостояние между этими царствами началось уже тогда. Но на празднике все они были чрезвычайно любезны и учтивы друг с другом. Со стороны невозможно было понять меру их озлобленности, серьезность противоречий и степень воинственности.

Ин Чжен тогда был самым младшим из них, большинство же были в почтенном возрасте. По складу характера он чаще отмалчивался, никак не проявляя себя. Хотя заметно было, что он очень внимательно следит за всем происходящим, слушает все разговоры и запоминает мельчайшие подробности.

По праву родового главенства старшие по возрасту цари относились несколько свысока к Ин Чжену, часто подтрунивая над ним. Тогда никто не мог предположить, что спустя несколько лет этот мальчик сможет покорить почти весь древний Китай.

Поход выдался тяжелым из-за необходимости сделать громадный крюк в пути, а совершили его, конечно, по приказу саархаана.

Когда хунны вышли к подножию Алашаня, весна была на исходе, и летняя жара начинала вступать в свои права.

Через несколько дней, лишь только воины успели передохнуть, Турар снарядил более

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

трех десятков подвижных отрядов по десять-двадцать человек. Они должны были незаметно переправиться через бурные воды желтой Хуанхэ, проникнуть вглубь китайских царств и там досконально ознакомиться с государственными делами каждого из них. При этом разведчики получили строгое предписание: продвигаться быстро, по мере возможности избегая встреч с китайцами.

Как и предполагали, они не вызвали никакого подозрения у местного населения – хунны в этих местах жили повсюду. Общась с ними, оказалось довольно просто выяснить все необходимые сведения о положении дел в царствах.

Единственная опасность для разведчиков исходила от множества повстанческих отрядов, которые, как грибы после дождя, появлялись во время любой смуты и рыскали всюду. В составе этих отрядов хунны почти не встречались, потому что повстанцы защищали права китайцев. Для них стало правилом: три хунна рядом – опасность. Ибо восстали они против государственного строя, защищала который армия, состоящая почти наполовину из хуннов.

Видимо, по этой причине, наскочив на повстанцев, пропали два отряда из тридцати. Разведка принесла неутешительные новости. В царствах Вэй, Хань, Чжао, Чу и Янь не было никакой власти вообще. Государство Цинь, уничтожившее их армии, было занято борьбой с последним уцелевшим пока царством Ци и еще не приступило к наведению единого порядка. Для восстановления нормальной жизни по всему обширному Китаю понадобится немало лет. А пока повсюду орудовали разрозненные банды. От них пытались защищаться местными силами самообороны, а чаще – кто как мог.

Везде царили разруха, голод, произвол. Народ кочевал с одного места на другое в поисках пропитания и безопасности. Вся знать и чиновничество, да и все более-менее состоятельные роды, побросав все нажитое, спрятались в недоступных местах, чаще в горах, забившись в глухомань подальше от людей. Всякий, как мог, искал спасения для себя и своего семейства.

Всегда отличавшийся простоватым нравом Батамай с явным сожалением сказал:

– Всё, там ничего интересного не осталось. Даже грабить некого и нечего.

– Очень добрый человек наш Батамай. Ему на самом деле не людей голодающих жалко, а что они не скоро сумеют наладить свое хозяйство, чтобы можно было снова хоть немножко их пограбить.

4. У ХУАН – СЮНЯЙ, КОТОРОМУ ПОДЧИНЯЮТСЯ ГЕНЕРАЛЫ

У Хуан очень не хотел ехать на юг, долго отказывал настойчивым просьбам сегуна, а согласился только из-за того, что смог выговорить себе право, сразу же после кратковременной разведки в Китае, направиться на запад, к окрестностям Куньлуня, на поиски следов паломников. И это была жизненно важная, почти кровная причина для похода.

Алашань, конечно, далеко не Китай, но всё же это совсем рядом с его северными окраинами, где довелось ему служить в крепости Уай. Казалось, что воздух был пропитан почти забытыми родными запахами и ароматами, пробуждавшими в нём мысли о прошлом.

Нахлынуло вдруг множество мельчайших подробностей, казалось бы, оставшихся в его китайской жизни вместе с отрубленной рукой.

Как главный знаток китайских земель, он сам наметил, куда направиться всем тридцати разведывательным отрядам. Нарочно сделав так, чтобы группы, которыми руководили его сыновья, прошли по родным местам отца, попутно выведав, как сложилась жизнь его китайской семьи, а при возможности и убедиться воочию в верности слухов об их благополучии.

Отправив сыновей, сам с волнением стал ожидать их возвращения, размышляя над неутешительными донесениями о Царстве Чжао. Там господствовал полнейший хаос. Существовали только те городки, которые успели организовать свои силы самообороны, способные отражать нападения свободно

шастающих по стране банд повстанцев и шаек разбойников.

Мальчики даже не смогли узнать о судьбе своих родных. Ибо все мало-мальски состоятельные семьи, опасаясь грабителей, убежали в горы и леса – подальше от мест скопления людей, столь привлекательных для мародеров. Им смогли показать только разграбленные руины дома. Все уже успело зарости бурьяном, видимо, не один год минул со дня их отъезда.

Ното, что никого не было, совсем не означало, что они спаслись и, укрывшись, живут где-то. В таких условиях возможностей выжить было немного.

У Хуан принял это известие, как и подобало китайцу, молча, внешне не проявив чувств. Он не мог показать даже перед сыновьями боль от сообщения, ранившего его в самое сердце,

С бывшей его семьей могло случиться всё что угодно.

В пути они могли попасться в руки грабителям. А могли примкнуть к повстанцам. Ведь многие богатые люди так и поступили. Если так, то неизвестно, как к этому отнесутся новые власти, которые рано или поздно обязательно начнут наказывать «неверных». Часто это приносит больше несчастий, чем безвластие. Можно ожидать чего угодно. Единственная надежда на то, что новому государству, пришедшему на эти руины в итоге кровопролитных, изнурительных войн, нужна будет семья национального героя и, чтобы использовать ее для поднятия своего влияния и веса, могут сохранить всю семью, и даже оказать помощь в восстановлении хозяйства.

Но при такой смуте ни на что нельзя надеяться. Слишком многое зависит от хрупкого и непредсказуемого человеческого подхода к событиям.

Однажды вечером к У Хуану обратился один из двух мегенеев – Батамай.

– Дорогой, у меня к тебе одна щепетильная

просьба... – начав, вдруг замялся старый полководец, хотя всегда отличался излишней прямолинейностью суждений.

– Слушаю тебя, говори. Мы же с тобой почти целую жизнь рядом прожили. Мог бы без оговорок прямо сказать...

– Да дело-то простое. Как бы тебе...

– Ну, в чём дело? Говори прямо, – подбодрил У Хуан старого сослуживца.

– Вчера ко мне прискакал гонец.

– Какой-такой гонец? Чей? – сразу же перебил его У Хуан.

– Дело в том, что это гонец из государства Ци...

– Ци? Это же далеко отсюда, за царствами Чжао и Янь, на побережье моря.

– Да. И этот гонец, получив мое согласие, привел ко мне своего сегуна.

– Сегуна?! Да ты что, в своем уме? Какое ты имеешь право принимать китайского сегуна? Ты – простой мегеней... – начальственно удивился У Хуан.

– Ладно, не кипятись – поздно теперь... дело сделано, ты дослушай. Так вот, этот сегун утверждает, что все царства, кроме Ци, полностью разбиты Царством Цинь, и прямо умоляет устроить встречу с сегуном Тураром.

– А не сказал – зачем?

– Он хочет просить помощи.

– А ты почему сразу не согласился помочь хорошему человеку? – съязвил У Хуан. – Сам бы решил вопрос на месте, зачем ему еще с сегуном встречаться...

– Я к тебе с полным доверием за помощью пришел, а ты издеваешься. Конечно, я человек маленький, не разбираюсь в ваших высоких государственных делах, – обиделся Батамай.

– Говоришь, «маленький человек», а влез в международные отношения. Как мог ты, дурило, принять чужого сегуна, не имея на то никаких полномочий? Это же – Китай! Тут привыкли обо всем докладывать, значит, ни от кого ничего не утаишь. Завтра же донесут, что хунны вмешиваются в их дела, значит. Ты, возможно, уже испортил будущие взаимоотношения с победителем. Понял?

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

– Теперь понял, что натворил дел... Но так далеко я и думать не мог.

– Вот так дела... Недаром у нас в Китае была присказка: «В неведомое разуму – не вмешивайся». Но что делать теперь, когда ты уже вовлек себя, а вместе с собой и всех нас, в никому не нужную историю... А главное, обнадежил «больших» людей из чужой страны.

– Дорогой У Хуан, очень прошу тебя, прости мою глупость и постарайся помочь этим несчастным... – умолял Батамай.

– Мы с тобой не имеем права ничего решать. Всё, что я могу – уговорить сегуна принять китайского посланца. А что он решит – предсказать затруднительно.

К изумлению У Хуана, сегун Турар с интересом воспринял весть о сегуне Ци, и почти сразу согласился принять его, хотя не без некоторого замешательства.

Турар был чрезвычайно обескуражен итогами разведки, из донесений выяснилось, что якобы воюющих между собой китайских царств на самом деле вот уже несколько лет не было. Цинь разбила всех, кроме Ци. Остались только разрозненные очаги сопротивления, у которых не могло быть будущего.

В китайских государствах такие огромные перемены, а хунны об этом до сих пор не имели никакого представления. Если бы не случайность, точнее, ниспосланный Вышними силами паломнический поход Акола, так бы они в неведении и жили. Вовремя даровал Тэнгри хуннам пронизательного саархаана! Теперь даже смешно вспоминать, что многие укоряли его за неуверенность, нерешительность. А вот как вышло: осторожный саархаан не зря снарядил поисково-разведывательную войсковую группу. Если бы не она, чем бы это неведение обернулось в будущем для Ила, нетрудно предположить.

Так получилось, что хунны, вольно кочующие по своим излюбленным пастбищам, не знали, какие беды постигли великого соседа. Они довольствовались единичными донесениями

отдельных отрядов из определенных краев. Кстати сказать, все они отмечали жестокие междоусобицы, разруху и даже голод. Но на этой основе невозможно было сложить целостную картину. Известий о положении правителей не поступало.

Многие хуннские командиры были даже рады внутренним раздорам в Китае, считая, что ослабевший сосед безопаснее сильного.

В ближайшие годы, скорее всего, так и случится. Но особого ума не надо, чтобы понять, что произойдет, когда весь огромный, богатейший Китай окажется под пятой одного Царства Цинь.

Что будет с миром, когда вся эта громадина поднимется после разрухи и раздора, отряхнется и оглянется вокруг...

Пока хунны, ничего не зная об истинном положении дел, беззаботно кочевали, царства Чжао, Янь, Вэй, Хань – с каждым из которых были многолетние деловые, военные, торговые да и просто дружеские связи – уже давно пали под ударами Цинь.

Между китайскими царствами внутренние разборки были всегда, это была борьба за лучшие земли, за плантации шелкопряда или месторождения ископаемых, но в обозримом прошлом они никогда не доводили дело до полного завоевания всех царств кем-то одним. А тут – такие всеобъемлющие изменения.

Видимо, похожие рассуждения и подтолкнули сегуна Турара поговорить с сегуном Царства Ци – последнего, противостоящего Цинь.

5. РАЗГОВОР С СУ ХУ – СЕГУНОМ ЦАРСТВА ЦИ

Сёгун Турар в важных случаях привык принимать быстрые решения. Так и на этот раз он мгновенно решил принять сегуна Ци. Хотя поводы для сомнений были.

Китайцы, в отличие от хуннов, каждое маломальски значимое дело обычно обставляют множеством церемониальных правил: сначала посылают незначительного вестника, который объявляет о желании провести встречу, затем

прибывает посланник рангом повыше, подтверждающий намерение, и лишь тогда – сам посол с группой помощников, чтобы обговорить все тонкости переговоров.

А тут всё наперекосяк, и военное время тому причиной. Сегун – чуть ли не второй по значимости человек в государстве после царя – собственной персоной заявляется без ритуалов и церемоний. В иное время китайцы этого бы не допустили. С другой стороны, это подтверждает остроту происходящего: значит, положение Ци совсем безнадежно, и сторонняя помощь для них – последняя надежда. Судя по тому, что Ци находится далеко на берегу моря за прежде богатым, обширным Царством Чжао, они, должно быть, заранее ожидали хуннов. И как только узнали о появлении войск соседа, сразу без долгих раздумий направили к ним посланца-сегуна.

Турар сначала решил поговорить с гостем один на один, чтобы лишних ушей не было. Но затем, обдумав, решил пригласить кроме переводчика У Хуана и двух сопровождавших его мегенеев – Батамая и Бабыра.

Турара предупредили, что сегун Ци родом из внутренних хуннов, но в каком поколении – никто не знал, потому, если даже он владеет языком предков, может так оказаться, что понять его будет не просто. Вроде бы мог переводить У Хуан, но сделать это прилюдно пока невозможно – он продолжает скрываться. Но его незаметное присутствие позволит потом растолковать многие непонятые во время встречи вопросы и смыслы. А Батамай и Бабыр – мегенеи, пусть и они будут осведомлены о ходе событий. Особенно это полезно для Бабыра – будет внуку память и урок на всю жизнь. Наверняка ему придется и самому когда-нибудь проводить такие переговоры.

Сегун оказался молодым человеком – на вид ему было чуть больше тридцати. А такой стремительный ратный рост никогда просто так не случается. По всему было видно, что Су Ху, как его представили, прошел хорошую школу воинского мастерства за свою недолгую жизнь. Это можно было «прочитать» по множеству зарубцевавшихся шрамов на его лице, по отсутствующим двум пальцам на правой руке.

Левая же была все время полусогнутой, видимо, после ранения не выпрямлялась.

Сначала Су Ху познакомил собравшихся с общим положением, сложившимся в Китае почти двадцать лет назад, когда четыре государства, граничащие с Цинь, заключили между собой союз против него. Но войну это не остановило. В итоге непрекращавшихся войн все эти государства друг за другом пали под натиском набравшего силу противника. Многие из состава побежденных армий теперь уже служат Цинь.

В конце рассказа Су Ху направил на сегуна Турара свой пронзительный тяжелый взгляд, в котором, казалось, был сосредоточен весь набор человеческих чувств – от крайней степени отчаяния до надежды.

Много повидавший на своем веку старый сегун быстро отвел глаза в сторону. Ему стало неприятно смотреть на лицо молодого еще, но явно обреченного на скорую гибель собрата-воина. А обнадежить его он не мог.

Если Су Ху выживет после падения Ци, его всё равно спустя какое-то время казнят как непримиримого врага. Но по нему сразу видно, что он не из тех, кто сдается на милость победителя, слишком много в нем осталось родового – хуннского, а для хуннов, пусть даже и полукровок, самая желанная доля – славная гибель в бою.

Погруженный в раздумья долгим рассказом, сегун Турар рассматривал крапинки на войлоке, устилавшем пол в шатре: «Хороший полководец. Но родился он под несчастной звездой. Не та судьба, не то предназначение...».

Всё ещё не поднимая глаз, он обратился сам к себе, словно кто-то чужой и строгий: «А ты сам-то, старый, доволен своей судьбой?» И ответил: «Я-то доволен... Пора бы достойно завершить ее, да не позволяют. А тут еще и тревога за судьбу слепого внука, тоже, видимо, обреченного. Вообще не люблю обреченность... Я бы...»

– Да, старый, дай тебе волю, ты бы все преграды отменил... А этого никогда нельзя делать... Надо уметь покоряться судьбе, верить в Провидение и ни в коем случае нельзя проявлять своеволие.... Неужели до сих пор не понял?!»

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

– Понял... – вслух ответил своему внутреннему собеседнику Турар и сам удивился сказанному: так стар стал, что уже заговариваться начал, отчего, немного смутившись, сказал прямо:

– Время сложное, поэтому оставим церемониал. Вы приехали ко мне без предупреждения. Я понял, что ваш правитель послал вас к нам просить помощи. Не так ли?

– Да, почтенный... Вы точно поняли. Действительно, ваша помощь – для нас последняя надежда на спасение. Иначе – пропадем. Они нас уже почти уничтожили.

– Я так и думал.

– Скажите, уважаемый, что мне передать правителю? Мы можем надеяться на помощь?

– Это не в моей власти решить. Я сегун, а не правитель. Такого рода решения может принять только сам саархаан. Я же могу пообещать вам передать все новости и вашу просьбу как можно скорее...

Турар опять тяжело вздохнул и на прощание еще раз посмотрел в глаза молодого сёгуна: теперь они были полны лишь горечью безнадежности.

Когда Су Ху ушел, никто не шелохнулся. Но чувствовалось, что оба мегенея – старый Батамай и молодой Бабыр – остались недовольны отказом сегуна.

– Правильное решение... Хотя по-человечески жалко его и всё царство их, – твердо сказал У Хуан. – Но в государственных делах нельзя примешивать личные чувства. Во-первых, мы ничего не знаем об их истинных намерениях и планируемых действиях, поэтому лучше вообще не вмешиваться, как предписал нам саархаан.

Тяжело, ох, как тяжело старому сегуну было отказывать молодому и уже обреченному. Сказал ему честно, и словно груз тяжелый взвалил на плечи. А ведь он ответил, принял решение как сегун, которому Генеральный штаб и саархаан строго приказали: в Китае ни в коем случае ни во что не вмешиваться.

Так-то оно так... Но все естество старого сегуна сопротивлялось такому жестокому решению. Разве могут понять погибающие от огня войны и мечей завоевателей, что главной причиной отказа в помощи стал приказ «не вмешиваться»? А они так надеялись на могучих хуннов...

Каково Турару оставлять в беде такого же, как он сам, сёгуна? Но мог ли он принять другое решение? Еще как мог...

Что из того, что у него мало сил... Ничего подобного! При умелой организации, а Турар умел это делать, два мегена⁴ и четыре сюна его личной гвардии могли многое сделать... Ведь умения и опыта боев с китайскими армиями у него за долгую жизнь накоплено с избытком.

Главное, сумеет обойти с фланга или с тыла многотысячные пешие армии, сумеет отсечь и затем разбить конницу. В отличие от хуннов, имевших по три лошади на подмену, у китайцев всегда только по одной, что делает их крайне ограниченными в действиях и быстроте передвижения.

Воображение стало рисовать красочные картины возможных действий, пока обескураженный таким дерзким полётом воображения, он сам себя не одернул: «Вот что значит служба, когда должность и звание ломают натуру человека. Ты обязан всегда помнить, что существуешь не сам по себе, за тобой – армия, от действий которой напрямую зависит благополучие государства».

Это решение касается именно будущего, тех времён, когда начнут слаживаться новые отношения с неведомым еще никому новым великим соседом. На взгляд «негосударственной мысли» человека, ради странного слова «будущее» он совершил этот недопустимый для хунна поступок – оставил в беде человека, в руках которого судьбы огромного количества людей. А ведь каждый хунн, ощущая свое превосходство над остальными народами, мнит себя, прежде всего, спасителем всех и вся, обязанным восстанавливать справедливость, защищать обиженных...

Сегуну Турару стало крайне неприятно от этих мыслей. Но от них просто так не отмахнешься,

⁴ Меген – тысяча.

это же не мухи, а его собственные переживания, а значит – он сам.

– Да... Будь я странствующим в поисках подвигов вольным воином или просто – охотником, или ни перед кем и ни перед чем не обязанным лихим рубакой, для которого кроме совести и чести ничто и никто не указ... Тогда я бы принимал решения, соответствующие внутренним ощущениям, опираясь на честь и совесть... А так – весь закован крепчайшими цепями присяги, долга, указаниями Генерального штаба и божественной волей саархаана. Что я – сегун Турар – могу в таком случае сделать? Что? Ничего не имею права делать по своей воле. Ничего! Я имею право лишь подчиняться приказам...

Турар вызвал к себе У Хуана.

– Срочно собери командиров сюнов, обозных и передай мой приказ: завтра с восходом солнца трогаемся в путь...

– Вы сказали, я услышал!.. Все будет сделано в лучшем виде, – радостно воскликнул У Хуан, затем после паузы уточнил: – На запад? К Куньлуню?

– Да... Но не сразу, а с остановками, мы еще второго приказа от саархаана не получили.

– Хорошо, что не торопясь. По пути нас ждут места, богатые травами для лошадей и скота, а для нас – дичью и рыбой...

6. СТРАННЫЙ СОН

Если раньше его сны были простоваты, и в них было лишь частичное отражение действительности, но многие намеки прочитывались сами собой, а другие требовали некоторой степени догадливости от него, то теперь сны приносили с собой совершенно непонятное чувство, вызывая внутреннее напряжение и порождая нешуточные опасения, выражаемые в словах: что-то будет! Но что конкретно – он понять не мог, тем более, что поводов для опасений было множество. Всё же

самым главным оставался уход в паломничество слепого внука.

Совершенно подкосило деда решение Акола, от которого его никто не смог отговорить. При всей бессмысленности последних снов, настораживала в них удивительная живость голосов, неестественная подлинность обстановки, излишние для сна подробности, четкость запоминания происходившего.

Отпустив У Хуана, после привычного раннего сытного ужина Турар прилег. Хотел ненадолго, но неожиданно окунулся в глубокий и продолжительный сон. Просыпался же не как обычно – сразу возвращаясь в действительность, а долго и медленно приходя в себя.

Видимо, во сне душа его слишком далеко ушла в иные миры, и брэнное тело с трудом принимало собственную душу назад.

Отчаянно колотилось в груди сердце. Все тело неприятно-томяще ныло, а суставы онемели. Старик, тяжело постанывая, разминал руки, ноги, шею.

Станный оказался сон. Черным вороном летал он над жаркими полуденными красными песками... И вдруг увидел, как двое путников бредут по пустыне. Удивился и обрадовался, но одновременно и ужаснулся, узнав внука Акола с поводырем Хойгуром, который, вместо того, чтобы вести слепого, сам держался за его посох и еле брел за слепцом. Неизбывная боль не отпускала деда и во сне.

Во сне он ощущал себя сразу в двух ипостасях. Пребывая в теле ворона, Турар, как и в прошлый раз, помнил, что он – сегун хуннского войска, поэтому донельзя возмутившись поведением негодного поводыря, коршуном налетел на него и, когтями вцепившись в волосы, ударил клювом по его макушке. И закричал-закаркал, совсем забыв, что он в той действительности не человек, а ворон. Поводырь схватился за голову, повалился на песок, заплакал, запричитал, из его макушки брызнула кровь.

– Никчемный человек! Зачем ты нанялся поводырем, если слепой тебя самого ведет! Я тебе, бессовестному и бесчувственному, сейчас выключу глаза и съем их, так я зол на тебя!

Слепой внук будто понял его воронье

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

карканье и стал защищать своего поводыря – отгоняя птицу посохом, больно попал по крылу.

– Что ты делаешь, я же твой дед! Как ты смеешь поднимать руку на деда?! – возмутился Турар-ворон.

– Не дед ты мне, а черный ворон! Уходи отсюда! Мы дружно живем! Не лезь к нам со своим уставом.

– Родненький мой! Кровиночка моя, поперечина своевольная, надежда и несчастье моё, награда и проклятье! Как же ты не признал родного деда своего? Думы о тебе не выходят из моей головы. Нет ни дня, чтобы я не плакал о твоей участи, не молился за тебя Всевышнему Тэнгри... – Казалось Турару, именно так говорил он Аолу.

– Нет, черный ворон, улетай отсюда прочь. Кышь! И не возвращайся! Я не верю тебе. Ты не мой несчастный дед, а черный кровожадный ворон.

– Да, милёночек мой, наказание мое, я действительно очень, очень несчастен из-за твоей слепоты. Белый свет мне не мил из-за твоей тяжкой участи, в чем, может быть, есть и моя вина. Возможно, за мои грехи эта страшная кара постигла тебя.

– Перестань... Я вовсе не слеп, я более вас всех вижу, точнее и полнее постигаю мир. Это он – поводырь мой – слеп, поэтому я веду его, а не он меня. А ты, старый, хоть и мудрый, да ничего не видишь и не понимаешь, что происходит вокруг в этом мире. Прочь от нас убирайся! Улетай за горизонт сна своего и не возвращайся ко мне. И знай, что дед мой – не кровожадный ворон, а самый грозный хуннский сегун. Он могучий и почти всесильный. В Саратай – на жаркий юг – повел он непобедимые войска свои на усмирение разбойников ...

– Внучек ты мой дорогой, выслушай, не гони.

– Нет, уходи подобру-поздорову, а то мой дед грозный сегун Турар – многомогущий – пронзит тебя железной стрелой!.. Рассечет тебя острым мечом!

– Уходи, старый болтун! Уходи, негодный летун! – зачирикали откуда-то взявшиеся серые птички-падальщицы пустыни, дразня ворона.

– Старый и глупый, старый и негодный! Триста лет жил, а ума не нажил – старый и глупый. Ничего не нажил, не добыл – старый и негодный. Никому не нужен ты в этом мире. Прочь!

Удивительное дело – сон. Чаще всего он кажется пустым отражением бытия. Но случается – намекает о грядущем. И попробуй после таких мыслей пойми, предопределяет он вообще что-то или нет. И так всякий раз. Ох, непросто понять, что сокрыто во снах. И продолжаешь мучиться, принимаясь разгадывать ночные загадки. Сколько не живи на свете, а науку эту разве удастся постичь?

Очередной раз он так далеко «ушел» во сне, что, когда проснулся, в первое мгновение не мог сообразить: кто он такой и кем же на самом деле является... Смешно? Не до смеха! Если ворон, то не человек. А если человек, то какой? Не странно ли, что «там» знают: он сёгун, и притом «многомогущий» – вот ведь придумал словечко внук. Ему виднее, по его словам он зрячее нас всех. Вот и подсказал он мне, каким меня другие со стороны видят. А сам разве поймёшь! Да и по человеческой природе всегда ты слегка недоволен своим положением, и «многомогущество» свое совсем почти не ощущаешь, скорее наоборот, еще неотступнее мучает чувство беспомощности, когда перед тобой возникает множество неподъёмных дел. А еще неуютнее и обиднее, что ты – такой «многомогущий» – в простых вроде вопросах всё чаще ничего изменить не можешь. Ну, вспомни хотя бы свою последнюю женитьбу или свадьбу Бабыра...

Турару прежде редко снились сны. А если и снились, то обычно в них все было настолько приблизительно и нечетко, что утром никаких подробностей он вспомнить не мог. Только на самое короткое время запоминался смысл разговоров или несвязные обрывки увиденного. Хотя скоренько и то и другое тут же забывалось. Навсегда. И никогда не мучило его потом.

Обычно спокойный даже перед трудными походами, Турар, из-за смертельно опасного паломничества внука, был во взбудораженном состоянии. А к этому примешивалось ещё и беспокойство. В итоге он был непривычно

напряжен: со всех сторон ожидал беду, словно попал в окружение, потому в малейшем намеке видел опасность не только для себя, но и всех близких.

Удивительное, до сего времени совершенно неизвестное, неведомое и сложное ощущение овладело его по-солдатски простоватым и не отзывчивым на внешние раздражения заскорузлым нутром.

А что для хунна опасность? Знакомое, питанное чуть ли не с молоком матери, и может, потому – почти родное ощущение. Потому оно для хунна как бы управляемо, словно лошадь... С этим чувством опасности обычно изнутри поднималось и ощущение некоей дерзкой бравады, помогающей превзойти собственные возможности, придающей непонятно откуда берущиеся силы и уверенность, что ты сильнее всех препон и обстоятельств, хитрее опасности, и даже можешь управлять судьбой. Получалось, что именно опасность воодушевляла хунна и дает ему возможность проявить себя.

Оттого ты и хладнокровен и спокоен, ибо не боишься смерти. Куда страшнее трусость. Потому хунн тогда лишь переживает, если угроза его гибели вдруг возникла до завершения задания. Еще хуже не исполнить свой долг и при этом выжить.

Более беспомощного и оскорбительного состояния хунну и пожелать было нельзя.

Но всё это – ужасное прежде для Турара – теперь потеряло свою грозность. Лично ему невозможно было угрожать так, чтобы он ощутил тот же ужас, который переживал теперь из-за внука. Непереносимым оказался страх за других: за детей, за внуков, за семью. Когда ты беспомощен что-либо предпринять, когда от тебя ничего не зависит, когда ты ничего не можешь изменить...

Турар много горького вкусил в этой жизни. Пережил и смерть всех пятерых сыновей. Каждый раз тяжесть казалась невыносимой. Хорошо, если пустоту, возникавшую после гибели продолжателя твоего рода, заполняли внуки. Они почти полностью вытесняли боль потери. Ему повезло.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

Справиться с горем хунну помогает и традиционное народное представление о смерти в бою – как об изначально predetermined и естественном предназначении мужчины. Оно помогает справиться с горем и смириться с потерей. Невосстать всем существом своим против воли Тэнгри, а смириться и принять тяжкую, но героическую долю... Предназначение не изменить, всё – счастье и несчастье – предначертано свыше. Он теперь там наш заступник, защита и надежда на прощение грехов.

Отправляя родного человека на войну, хунн все надежды возлагает на бога, на предназначенную близкому судьбу, этим заранее допускает любое возможное развитие событий. Или он счастливый вернется с добычей, или же могут привести его коня с пустым седлом, где приторочено его оружие и свисает походное снаряжение...

Тяжело, но что делать... Дело привычное.

Но отпустить в путешествие по неведомым тропам слепого внука оказалось очень трудно... Так тяжело было это известие, что оно принесло всей семье невыносимые прежде страдания...

Конечно, хунны народ набожный, почитающий Всевышнего бога Тэнгри – единого, всемогущего... Но подобных обстоятельств, когда совершенно слепой отрок вдруг решается идти на поклон к святым местам Куньлуня – такого не то что не было, но даже никто и не слышал до той поры о подобном.

Тяжело и во всех смыслах дико было отпускать на явную погибель слепого – пешком, безо всякого оружия и с одним таким же безоружным поводырём ...

Турар, а вслед за ним и остальные, смирились только потому, что всем стало понятно – это было угодно Всевышнему, позволившему Аколу решиться на этот поступок. Небеса восприняли деяние его как жертву...

7. МЫСЛИ О ВНУКАХ

Как всегда после таких запутанных снов, стараешься разгадать смысл, пытаешься угадать

потайные ходы, но тщетно. Слишком много загадок задано. Одно только ясно, что слепой ведет за посох поводыря по пустыне. При этом внук не признает деда в облики ворона и гонит его прочь. До сих пор в ушах стоят его безжалостные слова: «Уходи и не возвращайся... не дед ты мне, а черный ворон»... И что значит эта странная угроза в адрес неузнанного деда-ворона: «Мой дед грозный сегун Турар пронзит тебя железной стрелой»?

К чему все это? Что сокрыто за этими словами? Ясно как белый день, что сон этот непростой...

Сложнейшие намеки еще надобно правильно растолковать, а уж потом пытаться понять, что за ними стоит. Не новая беда ли? Не дай Бог! Слишком душа болит за внука, который ушел через пустыню к горам с сомнительным поводырем-проходивцем. Ушёл поклониться святым местам, которые находятся где-то далеко-далеко за отрогами Куньлуня.

Горытакдалеко, что даже сегуну, проездившему за свою жизнь много тысяч кёс, трудно представить этот путь. Потому что осложняет всё требование к паломникам – быть пешими. А это явно не хуннский путь, потому что истинного хунна невозможно представить без лошади. Как добраться до тех дальних мест за широкими пустынями, за быстрыми реками, за высокими горами? Точно как в сказке все эти препятствия повыстроились... Туда пешком и зрячему не добраться, потому что много ли воды и еды возьмешь в котомке? А слепому?.. Верная гибель. Одно только остается – уповать на Всевышнего.

«О, Тэнгри Всемогущий! На все Твоя неоспоримая воля! С глубокими поклонами сгибаюсь до земли с великой мольбой, слезно умоляя, Всемогущий, помоги моему слепому внуку, который зорче зрячих грешных узрел что-то важное во тьме небытия. Наверное, узрел Величие твоё и потому непременно пешком пошел поклониться и помолиться в святых местах не за себя, а за нас, грешных, за свой темный хуннский народ, а может, и за всех людей на земле...».

Не хотел он отпускать внука. До сих пор кажется, что на верную погибель ушел Акол... Да

разве можно идти в неизведанные дали с таким прохиндеем-поводырем, который ни черта, ни бога не признает, и потому ради малой выгоды может предать любого.

Если, не дай Бог, что-то случится с Аколом в долгой дороге, вдоль которой рыщут разбойники, то старый сегун этого никому не простит – покарает всех, кто под руку попадется. Понимает, конечно, дед, что задним числом этой карой внука не вернешь, а лишь умножишь грех и неправедность, ибо под горячую руку вряд ли попадут виновные, скорее, достанется посторонним, случайно подвернувшимся по стечению обстоятельств или из-за любопытства. Этого бы не хотелось. Но будет именно так.

Ох, как не хочется ему умножать несправедливость, против которой боролся покойный саархаан Абылхай... Этот мир настолько полон несправедливости, что борьба с нею порой кажется бессмысленной. Неужели, в конце концов, восторжествуют грех и зло?.. Нет, Всевышний не должен этого допустить. Ибо Акол – отпрыск великого народа хуннов, чьими руками Тэнгри управляет миром.

Ещё грудными внуки-двойняшки резко отличались от своих сверстников взрослым и печальным взором. Эту детскую печаль заметили многие. Неизвестно и сегодня, ради какой особой цели они были посланы в наш средний мир, но еще до их рождения шаманы напророчили им великие свершения.

Старый Турар, знавший и понимавший истинную цену и значение избранных на великие дела, вовсе не обрадовался этому «подарку» судьбы. В нем жило опасение, что обычно это бывает непосильная задача, такая, что ради нее внукам надо будет совершить поступки нечеловеческого напряжения, а то и пожертвовать чем-то важным, чуть ли ни самой жизнью... Великие дела требуют великих жертв. И не только земными человеческими радостями, но и жизнью платят порой.

Такова, например, судьба уханов, всей ханской семьи, даже их приближенных. Тяжела печать избранности, сколько ни молились: «Пронеси мимо, о Господи, такую участь!», – досталась она им, ничего изменить невозможно...

Видит Бог, как он не хотел связывать свой род с ханским, потому что он на собственной шкуре прочувствовал, каково просто находиться рядом, быть непосредственным исполнителем их высокой воли, возможно, исходящей от тех Вышних сил, которые восседают на небесном троне.

А вступление с ними в кровное родство – означало свой род, себя, свое потомство положить на жертвенный алтарь высокого служения. Но obstоятельства, как всегда, оказались намного сильнее его желаний остаться в стороне – прожить простым смертным. Всё случилось, будто заранее было предопределено: жить будете так, и никак иначе. Но главное в том, что предопределённости никакими предосторожностями не избежать.

Страшным подтверждением этому стала весть о гибели сына – правой руки саархаана. А затем один из внуков, родившихся после гибели отца, оказался слепым, вскоре, так и не оправившись от горя по мужу, умерла родовитая невестка, оставив сыновей круглыми сиротами. Получается, именно она и её родовитость принесли в их семью столько несчастий и страданий.

По достижении мальчиками семи лет главными воспитателями стали для них дед и его помощник – китаец У Хуан. Они брали ребят с собой в походы почти всегда.

Потому Бабыр, младший из мальчиков, рано втянулся в воинскую жизнь. Он – сам, без помощи деда, только опираясь на свою врождённую незаурядность, успешно продвигался по службе. В четырнадцать его назначили арбанаем, в пятнадцать – сюняем, а в этом году хан доверил ему – семнадцатилетнему – меген.

Как ни странно, но дед не проявил радости по этому поводу. Радости совсем не было. А были – опасение и вопросы: «К чему готовят Небеса мальчика? Не слишком ли рановато требовать им от него служения? Что вообще ждет его впереди? На подвиги или преступления пошлют его?» Бабыр, может, и с ясным, быстрым умом, да ещё превосходящий силой многих, всё же ведь незрелый человек, и доверенная ему власть может навредить. Ему придётся отдавать приказы, распоряжаться... В его руках тысяча

воинов в строю и столько же обслуги обоза – это же по-настоящему самостоятельная армия. «Какие народы ему надо будет покорить? Какие освободить? В какие мелочные и вселенские столкновения будет он втянут? – терзался Турар. – Смолоду всякое можно натворить, это происходит в юности просто и легко. Еще хуже потом вспоминать об этом, думать о содеянном горяча и страдать».

Голова кругом идет от таких мыслей. От слишком сложных поворотов возможной судьбы внука нехорошо становится у деда на душе. Рождается в нем чувство неуверенности, а старик не любит такое зыбкое состояние. Как хорошо, что его дело – ратное – простое. Пошлут – пойдешь, отзовут – вернешься. Верно предки говорили, что служивому вдаваться в размышления опасно, появляется неуверенность, а это значит, что со временем теряется врожденная привычка к четким и ясным действиям. Эх, внуки... Взвалил бы на себя их «груз», да разве такое возможно...

8. БОЛЬ ДУШИ

И всё-таки сильнее болит душа по старшему – слепому внуку. Что ждет Акола? К чему готовят его небеса? К каким испытаниям? Дед нутром чует опасность. Он никак не может понять, почему убогого и почти беспомощного избрали для исполнения такого ответственного предназначения? По всем признакам – и его ждёт непростое, даже особенное, высокое деяние. Но какое? Этого никто не ведает. Значимость его ощущает только дед, но и он объяснить не может.

С малых лет Акол оживлялся при разговорах о высших духовных служителях. И сразу начинал выпрашивать подробности совершения обрядов. Незрячие глаза его в тот миг загорались странным блеском.

Еще в детстве узнал он множество алгысов-молитв – произносимых по разному поводу благословений и заклинаний, потому что старался участвовать во всех обрядах, соверша-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

емых не только в определённое время года, но и по различным житейским случаям или в честь важных событий.

До поры до времени никто этому особого значения не придавал. Пока лет в пять вдруг не стал он с удивительной точностью предсказывать многие события. А на вопрос «Откуда это тебе ведомо?» нехотя отвечал, пожимая плечами: «Просто мне так кажется». И это его «кажется» всякий раз совпадало с произошедшим позже.

А нынешней весной, когда снег еще не растаял в степи, он огорошил всю семью, заявив, что ему необходимо совершить обряд поклонения, отправившись в паломничество к горным обителям Тэнгри, очень ему надо именно там помолиться.

По его словам, он должен будет идти туда пешком, и только вдвоем с поводырем. Это и показалось всем невозможным. Конечно, страшная тревога обуяла семью: как это, слепой с поводырем пустится в такой дальний путь...

Дед нашел хороший ход – стал уговаривать, что сопровождать его будет брат Бабыр, что это он будет командовать мегеном, тысяча воинов которого вовсе не помешают его походу. Но он был неумолим. Мол, тогда это будет самое обычное путешествие пресыщенного баловня, а не истинно верующего паломника.

Как бы ни было страшно отпускать его в путь, но, полагаясь на Создателя, пришлось согласиться. Все бросились искать подходящего надежного поводыря. Вскоре нашли пятерых, но Акол всех их отверг. Самый ненадежный выбор, по мнению всех, сделал он, остановившись на своем одногодке, единственном сыне женщины, прислуживающей при кухне. Акол знал его с малых лет, они часто играли вместе. Звали его Хойгур.

Когда его представили деду, тот совсем не понравился ему. Кого-то он ему напоминал, но кого... Турар не смог вспомнить.

– Почему выбрали именно его? – строго спросил дед у Бабыра. – Я думал, хоть троих-четверых представите, чтобы какой-никакой выбор был. А тут приводят всего одного. И тот – подозрительный какой-то, прохиндейского вида. Чем именно он оказался предпочтительнее?

– Так мы же вместе росли. Акол всегда выделял его и приближал к себе, – сказал Бабыр.

– Так, значит, ты хорошо его знаешь? Ты за него ручаешься?

Бабыр замялся, не зная, что ответить деду.

– Признаться, я особо ничего не могу о нем сказать. Ни хорошего, ни плохого. Просто брат меня очень просил, чтобы я поручился за него.

– Странно. У него на лице написано, что из этого типа со временем может выйти отменный лжец.

– Так он же совсем еще мальчик. Как можно так говорить о нем? Может, не таким путем пойдет.

– Мальчик... Дело не в том, что мальчик. Мы же хотим ему доверить такое дело... А то, что он еще мальчик – наоборот, должно вызывать опасение, потому что неизвестно, как и когда проявятся дремлющие в нем отрицательные качества. Кто знает... Но явно нехорошие зачатки отражаются у него на лице. А какие обстоятельства сложатся во время этого странного пути, мы с тобой не можем предвидеть... Вот в чем дело. Ты – мегеней теперь, и должен учиться видеть, предугадывать, какие поступки кроются в повадках, взгляде у молодого еще человека.

Если бы вместо тебя мне представлял его учитель, который денно и ночью следил за ним в течение всего взросления, и он поручился бы за него – я мог бы довериться. А тебе самому надо еще многое узнать... Потому не поручайся впредь за тех, кого сам не знаешь.

– Хорошо бы обрести такого учителя. А то мы воспитаны только денщиками.

– Ты не путай... Учитель – это совсем другое, может быть, для нас с тобой недоступное понятие. У меня тоже никогда не было Учителя... Может, нам, простым ратникам, и не нужен учитель, а достаточно иметь хорошего командира и мудрого денщика, которые наставляют на верный путь служения.

– Как мой У Хуан. По моей просьбе он постоянно приезжает и дает советы, подсказывает, объясняет.

– А ты во всем с его наставлениями согласен?

– Ну, бывает, что... – запнулся Бабыр, почему-

то вдруг покраснел и смущенно почесал затылок. – Бывает, что не соглашаюсь. Но всегда внимательно слушаю. И если даже не принимаю сказанное, стараюсь обдумать услышанное, и часто, благодаря этому, удается глубже проникнуть в суть дела.

– Вот-вот! Это хорошо ты сказал. Очень хорошо. Пойми, умный человек – это тот, который постоянно учится, умеет слушать, вникать. А очень умный – учится, даже споря, не соглашаясь. Умей учиться у своего противника. Твой тэнсик⁵ был для меня всегда мудрым советчиком. С ним до сих пор многие советуются.

– Тогда почему же он остался в сюнях? Могли же его выдвинуть в мегеней?

– Это дело тонкое. По некоторым обстоятельствам он предпочитает всегда оставаться в тени. Все люди разные.

– А почему же?

– Так получилось, что у него сложная судьба. Вот отчего твой друг Батамай – мегеней с молодых лет? Что он, умнее У Хуана? Да он же прост, как полый бамбук.

– Но, тем не менее, он не хуже других управляет своей тысячей, – Бабыр горячо заступился за своего напарника.

– В том-то и дело. Другие, даже намного моложе его, давно ушли на покой, а он до сих пор востребован. В чем тут дело? Трудно объяснить. Каким-то образом он умеет быть нужным, потому и в строю до сих пор.

После ухода внука старый сегун, глядя в темноту, долго улыбался. Надо же, как быстротечно время... Семнадцать лет назад... всего семнадцать лет назад... Словно вчера было – сквозь слезы горечи дед глотал слезы радости и восторга, думая о двух любимых внучатах, таких в то время малюсеньких, и невероятно дорогих все эти годы, что словами не описать. И вот, они уже взрослые... Наравне со старшими рассуждают о сложнейших вещах. Бабыр – уже командующий самостоятельным войском в тысячу воинов. А Акол – давно всех их перерос, о таких заумных вещах рассуждает, что и не поймешь сразу, что же он говорит...

Его опасения насчет поводыря не поддержал

только У Хуан, воспитывавший внуков с малолетства. Турара многие побаивались за излишнюю прямолинейность в суждениях. И, то ли заискивая перед влиятельным стариком, то ли немного почтительно подшучивая над ним, обратился к нему У Хуан: «Нет, почтенный, на мой взгляд, он не так прост, как кажется. В нем дремлют разные, совершенно неожиданные для него самого, возможности. Вот увидите, придет время, и вы убедитесь в правильности выбора Акола. И тогда вспомните меня». Эти слова стали определяющим доводом. Хотя и с сомнением, но сегуну Турару пришлось согласиться с мнением У Хуана, которого, кстати сказать, на китайский манер звали Хуан-Цзы, а по-хуннски Хуан-Сэсэн, – на его глазах выросли мальчишки. В итоге Хойгура утвердили поводырем.

Но теперь, когда следы путников затерялись в предгорьях Куньлуня, бывшие сомнения опять овладели им: «Что с ними? Как они там? Не случилось ли чего?»

Плохо знать о жизни много дурного, начинаешь превратно толковать самые обыденные вещи и поступки. Этот опыт плохих примеров начинает взращивать в тебе неведомые прежде опасения. А в свете таких опасений за судьбу с рождения убогого и почти беспомощного, но поэтому самого дорогого внука, ты особенно уязвим. Стало понятно, что ощущение беды поселилось в душе надолго и не даст ему покоя до возвращения Акола домой. Из-за неотступного беспокойства пропал сон, даже вкус еды перестал чувствоваться... О чем бы ни думал, мысль упорно возвращалась к несчастному внуку: «Как он там? Вдруг с ним что-то случилось... Думай, старик, что-то обязательно можно придумать, чтобы помочь!»

Замечено – в семьях, где много детей, особое внимание уделяется, как ни странно, не здоровым и преуспевающим, а убогому, обделённому судьбой. В случае Турара – это был слепой внук Акол.

Душа болит о нем постоянно с того мгновения, когда ему сообщили, что старший из мальчиков оказался слепым. Тревога за него, лишь временами утихая, навсегда поселилась в его старческой груди, трижды простреленной вражьей стрелой, дважды колотой и четырежды

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

рубленой мечом. Все раны зажили, а эта постоянно кровоточит вот уже семнадцать лет.

Теперь она, эта боль, поднялась с новой силой и отодвинула в тень все остальные тревоги.

Хотелось верить, что случилось это с Аколом не из-за его, Турара, неправильных поступков. Видит Бог, как он и себя сдерживал, и воинам своим не позволял бессмысленное кровопролитие, запрещал измываться над беспомощным и безоружным народом, порой жестоко наказывая зарвавшихся нукеров и даже их командиров.

Но теперь, если случится что-то с внуком, он не может поручиться за себя. Не знает он, что предпримет, как поведет себя. Потому и молит: «Не дай Бог! Тэнгри, пусть минует меня эта горькая чаша! Мимо, молю...»

9. В ОЖИДАНИИ ПРИКАЗА

Саархаан Усуман, в отличие от отца и своего брата, был далек от армейских дел. Думали, что он со временем привыкнет, вникнет и втянется в них. Но этого не случилось. Наоборот, Турару в последнее время казалось, что саархаан совсем перестал интересоваться делами армии, полностью возложив их на сегуна. Это было нехорошо, с точки зрения хуннов – неправильно. Главные решения и приказы по армии должны исходить всё же от саархаана. Армия – от командующих до последнего нукера – должна понимать, что исполняет его волю. Так было издревле, так и должно быть в будущем. Ведь всё хуннское благополучие держалось века и теперь держится на силе и мощи армии.

Долгое время сегун Турар делал вид, что все решения принимает не сам, а только после согласования с саархааном... Хотя ведь от пытливых, завистливых глаз немного сокроешь.

Саархаан, нынешним летом оставшись без сегуна, всё-таки вынужден будет заниматься делами армии самостоятельно. А потом об этом обязательно будет высказано сегуну, даже если он не задержится в походе и вернется вовремя.

Но сейчас мысли Турара заняты совсем

другим, озабочен он догадками о содержании второго приказа саархаана. Скорее всего, речь идет об уничтожении беглых разбойников, постоянно нападающих на караваны. Кстати, это многовековая обязанность Хуннской империи перед китайскими царствами, за это все царства платили им очень даже солидную плату. Поэтому нынешнее оживление грабителей шло вразрез и с договоренностями, и с обоюдными интересами. Но в появлении разбойников виноват был сам Китай, который год ведущий свои кровопролитные междоусобные войны.

Уезжая, Турар схитрил. Опытный сёгун нарочно оставил вместо себя бестолковых и неуверенных в себе заместителей, рассчитывая, что они своими ежедневными обращениями к саархаану не только введут его в курс дела, но и в итоге втянут его в армейские дела. Турар каждый раз, вспоминая саархаана в походе, повторял: «Дай бог, надеюсь, втянется...» А то он слишком отстранился от важнейшей части хуннского государства. Это и для него опасно. Конечно, он очень занят государственными делами, но корень этого «зла» в том, что он полностью доверяет своему сегуну... А это нехорошо – с Тураром в любое время может случиться несчастье, старый же человек! И тогда мгновенно армия окажется обезглавленной. Это самые предсказуемые последствия. Надеялся Турар, что за время его отсутствия саархаан поймет, что в государстве главным все-таки является сила и мощь армии, именно на этот стержень и следует нанизывать все остальные внешние и внутренние дела, какие бы важные они ни были.

Может, конечно, и не так... Чем бы ни занялся человек, ему искренне кажется, что это самое важное в мире занятие. Молодого Турара готовили в сегуны интересным способом: ему почти ежегодно меняли место службы, гоняя по всем дальним и ближним родам. Трудно это было? Неимоверно. Особенно, в первые годы. Только втянется, вникнет в местные особенности, в характер подчиненных, как его тут же переводили на другое место. Вот тогда он поймал себя на мысли, что ему всякий раз искренне казалось:

значение именно этого рода для хуннской армии самое важное. В итоге несомненной для него стала мысль, что в многонациональном государстве каждый род занимает свое исключительное, неповторимое место. Но это постигается лишь с опытом жизни в каждом из них, когда проникнешь в суть их характера, в особенности сознания. А когда перед армией встает сложная задача, ты, как умелый и знающий свои войска сёгун, направляешь для ее решения воинов из рода, подходящего по характеру, привычкам и особенностям поведения.

Например, в густых лесах, когда ничего не видно вокруг, многие степные рода теряются. Поэтому впереди обычно ставят урянхайцев. А когда требуются терпение и выносливость, то лучше выбрать усуней – с виду медлительных, но всегда выдержанных и достигающих поставленных целей.

Во время горячих схваток, для прорыва или неожиданного удара несравненны жуны, выходцы с западных горных окраин. Между прочим, двенадцать жунских племен некогда вошли в состав Циньского царства. Многие объясняют именно этим усиление боеспособности и нынешний успех циньцев в завоевании соседей. Хотя жуны составляют мизерную часть в общей численности их армии. Но это их свойство духа – переть на рожон, использованное в нужном месте и в правильную минуту, дает удивительные итоги даже при малой численности.

Турар снарядил гонца и отправил с ним донесение о результатах разведки. Главной новостью в нем было известие о развале китайских царств Чжао, Янь, Вей, Хань и Чу... Не преминул он сообщить и о переговорах с Су Ху – сегуном Царства Ци.

Для саархаана Усумана это донесение окажется явно неожиданным, а новость – неприятной. Слишком много усилий было приложено, чтобы наладить с каждым по отдельности царством многолетние межгосударственные отношения. Сколько

было проведено переговоров... Как непросто порой достигались договоренности... И вдруг оказалось, что все это было сделано впустую!

Станным кажется и другое: по полученным сведениям и свидетельству сегуна Ци, уже несколько лет назад пали царства Хань, Чжао и Вей, но подношения от их имени, согласно договору по охране караванов, исправно поступали. Как это так? Если государств давно нет, то кто отправляет подношения? Неужели царь Ин Чжен – правитель Цинь? Если так, то зачем он это делает? Самый простой ответ: чтобы хунны подольше не подозревали о падении завоеванных им царств, опасаясь их вмешательства.

Может быть... Но слишком уж великоумен такой вывод. Ведь повсюду идет кровопролитная война. До таких ли тонкостей, когда везде разруха и развал?

Несоответствий много. Есть о чем поразмышлять саархаану.

Опечалило и другое – опытные разведчики саархаана, которых он постоянно посылал в Китай, не смогли понять главного. Да, в их сообщениях были схожие донесения о междоусобице, которая длилась уже десятки лет, но не было сведений об усилении царства Цинь.

Тем не менее, саархаан Усуман заподозрил неладное и поручил сегуну Турару всё разузнать. Но вряд ли ему будет приятно узнать, что опасения подтвердились.

Надо же, каким удивительным провидцем оказался Усуман, вот и полагайся на мнение о нем многих старейшин, до сих пор недовольных им и шепчущихся по углам про его излишнюю нерешительность.

Быстро забыли, сколько его самоуверенный предшественник – семнадцатилетний Саламан – натворил бед за неполный год. Последствия ощущаются и спустя семнадцать лет.

И «хороши» оказались деятели из его – сегуна Турара – Генерального штаба. Вместо того, чтобы сделать выводы из донесений разведчиков о китайских событиях, заставить их вызнаться на месте правду о подлинной обстановке, ограничились тем, что просто радовались междоусобице.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

Из уважения к званиям, язык не поворачивается обозвать их дураками, хотя, несомненно, так и есть. Но кто виноват? Кто подобрал руководство Генштаба? Не он ли сам? Конечно, он. Хотя их утвердил саархаан, но с подачи сегуна.

Получается, сам ты старый – дурак. Ведь ты тоже не придал значения этим новостям, одобряя китайскую междоусобицу. Давно следует поменять его на молодого, вьедливого.

Есть недовольство, но есть и итог. Одно задание выполнено. Теперь надо дожидаться второго.

Пора бы уже прибыть вестовому саархаана. А пока его не было, Турар решил отправить вперед – на запад – двух командующих с их армиями. В боевых условиях обычно это делает особый передовой отряд под руководством опытных ветеранов. Они выбирают места стоянок, сообразуясь с обстановкой и учетом не только близости воды и возможности выпаса лошадей, но и скрытности размещения. А сегодня можно позволить молодым учиться – пусть места стоянок выбирают сами. Хорошее время для передачи опыта.

Сам же, чтобы не разминуться с вестовым, остался со своими четырьмя сотнями на месте.

10. «СТАРЫЙ МАЛЬЧИК» БАТАМАЙ

Турар предоставил Батамаю и другим опытным командующим право самим выбрать путь и места для стоянок. А потом удивился, почему так обрадовался этому старый вояка. На что тот ответил: «Почтенный, вы же дали мне возможность свободного передвижения, а это для ратного человека великое благо! Я могу дневать и ночевать где захочу, где понравится, где будет вольготно и лошадям, и нукерам... Сам помнишь, сколько бывало в нашей жизни, когда, не задерживаясь, проходили мимо прекрасных мест, ибо нельзя было отклоняться от установленного пути. Так и вся жизнь прошла мимо... Вспомнишь и невольно расстроишься. Ведь получается – всю жизнь жили мы по

приказу очередного самодура, и никогда – по собственному хотению».

– Ладно-ладно, старый, ты сейчас тут договоришься до того, что вся твоя жизнь в неволе прошла, под руководством одних самодуров. Что зря ее прожил, – попытался остановить его Турар, подумав про себя: «А самодур – это, видимо, я».

– Ну, зря – не зря, и все же... – тут старый Батамай запнулся, замялся, но еле слышно вымолвил: – Все-таки... получается, и правда – в неволе. Так получается, если по-честному.

– Как это – в неволе?! – заорал сегун. – Что ты болтаешь несусветное, старый?!

– Я же не прилюдно. Между нами с глазу на глаз можно же иногда по-честному поговорить, – Батамаю теперь ничего не оставалось, как упорно оправдываться, чтобы окончательно не рассердить сегуна. Только под конец он все испортил очередными «открытиями»: – Сам-то тоже хорош. Первый среди невольников. Самый главный послушник, а еще и других учит, обуздывает, воспитывает. Да так, что сил никаких нет терпеть...

– Я тебе покажу волю... Вот, дай Бог, вернемся – первым делом отпущу тебя на волю, в отставку. Гуляй и не смей потом проситься назад, в «неволю». Я посмотрю, как ты там от такой «воли» волком завоеешь.

– Напугал... Сам не хочу... Сам уйду... Надоело... Вот только вернусь!

– Ну, я тебе этого не забуду. Не упростишь. Хоть слезно и на коленях... Ни за что обратно не приму... – сказал Турар, а в мыслях проговорил: «Ведь он прав, старый, еще как прав. И правотой этой задел за большое». Потому и обиделся главный невольник и вспомнил свой свербящий душу отказ на просьбу о помощи обреченного сегуна царства Ци – Су Ху.

Ушел Батамай, а Турар так и продолжал сидеть, и не шелохнулся, когда неуверенно и робко вошли молодые тойоны, приглашенные денщиком. Конечно, они не могли не слышать последние слова громкого разговора. И это должно было их дополнительно выбить из колеи.

Молодых тойонов в этот раз было трое. Они командовали первой отборной тысячей – мегеном. Отборность состояла в том, что если обычный меген Батамая имел на каждого воина по одной запасной лошади, то в этих было по две заводных. В бою – это прибавляло мощи, но в их случае, когда не хватало пастбищ, такая запасливость оборачивалась лишней головной болью.

Командующий отборным мегеном – Бабыр – кратко изложил план передвижения армии. Двое других, его заместители, были сыновьями саархаана Усумана. Они к пятнадцати годам стали приобщаться к ратному делу, что явно поздновато, поэтому были несколько растеряны из-за недостаточной опытности. Но, благодаря старательности и добросовестности, уже добились многого. Служба им необходима по положению ханских сыновей – обязаны они на себе испытать, изнутри познать все тяготы и премудрости ратного дела... Видимо, в этом походе премудростей они хватили с лишком. Бедные мальчишки еле держались на ногах от усталости. От этого вполуха слушали распоряжения сегуна. Но всё же, через «не могу», старались ничего не упустить. Ох, и тяжела же ханская доля – днем и ночью под неусыпным контролем.

Было время, когда их отец, саархаан Усуман, так же, как они, не раз побывал заместителем в разных армиях, участвуя в походах. Как быстро летит время. Плохо жить слишком долго. Жизнь повторяется в разных возрастных и телесных ипостасях. А это печально, потому что постоянно напоминает о том, что хотелось бы забыть...

Станным показалось сегуну и то, что ему впервые было жаль ханских отпрысков. Для них воинская служба – временная. Промелькнет как весна. Поэтому им особенно тяжело. А собственного внука ему совсем не было жаль. Чего его жалеть? Это его родовое, потомственное предназначение. Он не только должен, а обязан служить. Пусть служит. Тяжело будет – пусть терпит. Его жалеть совсем не надо, он – служивый. Это его и моя судьба. Это наша общая доля – служить саархаану. Наше пред-

назначение – наилучшим образом воплощать в жизнь высочайшие повеления.

Ханским сыновьям надо не только многому научиться, но и успеть не просто узнать, а испытать на своей шкуре все воинские трудности, чтобы затем грамотно управлять государством и войсками, безошибочно принимать решения, повелевать жизнью многих родов, племен, народов.

А принимать решения – это вовсе не удовольствие, а тяжкая доля правителя. И всё равно надо будет поговорить с денщиками, чтобы особенно постарались для них, где-то освобождая от ненужных трудностей. Пусть жизнь походная не сильно их мордует, чтобы они не возненавидели ратное дело. Иначе беда случится. Всего должно быть в меру. Излишне перегнешь палку – сломаешь.

Весь поход он пристально наблюдал за ними и обнаружил, что они очень похожи на своих предков, начиная с походки, привычек теревить полы одежды, подкручивать пальцами подвязки-тимэх. Да и чертами лица схожи с отцом, и даже с давным-давно умершими дедом, прадедом, дядьями... Сколь же многих пережил Турар!

– Подойдите поближе... Вы не обращайте внимания на наши стариковские перепалки. Это у нас хоть и редко, но бывает. Мы же тоже люди! Но это не ссора, и даже не взаимные разносогласия, а просто выражение досады по поводу дел, совершенно далеких от сегодняшних трудностей. Так тоже бывает, когда долго живешь, как мы с Батамаем. Накапливается множество привычек, с которыми приходится мириться, и правил – подчиняться им порой против воли, сдерживая себя через силу... Вот недовольство иногда и прорывается наружу неожиданно-негаданно... Много лет копится и вдруг – вовсе не к месту – выскакивает. Понятно вам?

– Понятно, – покорно отозвались мальчишки. Хотя по ним было видно: слова поняли, а внутренне далеки – мало пожили еще.

– Ну, ничего, потом поймете, – старый сегун снисходительно улыбнулся. – Всему свое время. Но умный человек обычно все понимает вовремя, а который не очень с умом дружит –

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

осознает правоту чужих предостережений после того, как наделает своих ошибок и наломает дров. Беда в том, что умных – единицы, а нас, задним умом крепких, которые шумят опосля – все остальные.

– Да? – усталые глаза ханских сыновей сразу оживились.

Сёгун остался доволен: мальчики надолго запомнят этот разговор, как ни странно – именно благодаря вспыльчивости Батамая. Это не всякий раз случается, чтобы плохое принесло пользу. Им и их поколению предназначено вершить великие дела: от их деяний совсем скоро будет зависеть судьба Империи.

Когда мальчики, получив задание, ушли, Турар от души широко улыбнулся, благо никто не видел его в этот миг. Он с неким злорадством представил себе старого Батамая, вымаливающего у него очередное прощение, чтобы увязаться с ним в следующий поход. Сколько раз так было, и на этот раз, несомненно, будет так же.

Вернутся из похода, и первые три месяца старый чудака даже не покажется Турару на глаза. А потом под любым предлогом начнет кружить вокруг, при встрече заглядывать в глаза, заискивая и не понимая этого. Как бы ни старался старый Турар нагонять на себя суровую неприступность, в конце концов он не выдерживал и сдавался, ему всегда было очень жалко чудика, с которым всю жизнь прожил рядом. Ну, дурачина он... Что с него возьмешь, если с годами он не меняется? Его уже не исправишь. Такой уж уродился.

По всей имперской армии в составе высшего командования их сверстников, способных участвовать в трудных походах, осталось только двое. Подавляющее большинство погибло на поле боя, а те, кто выжил, – сидят в Генштабе или давно разбрелись по родам. Так получилось, что еще мальчишками они с Батамаем начали вместе ходить в дальние походы. Всю жизнь

вместе. Даже при полной их разности во всем, давно прикипели друг к другу.

Да и жалко на старости лет насильно отлучать его от армии. Еще умрет от обиды. Зачем Турару лишний грех... Батамай же всю жизнь так себя ведет: в войсках ему тяжело от неволи, а на воле скучно даже не от безделья, а от ощущения ненужности, от домашней невостремленности. Бедный, там он тяготится хозяйственными делами. Особенно сильно ему докучают жены. Каждая день-деньской пристает со своими нуждами. А куда от них деться – не знает. Убежать от них можно только на службу. Хунны не придумали еще другого уважительного повода, чтобы улизнуть мужчине из дому.

Потому, сколько он не бурчи, уютнее всего ему в войсках, а не дома. Просто такой он человек – нытик. Ноет и ноет. Сил порою никаких нет терпеть это нытье. Он и мальчишкой был таким. И не изменился, хотя дожил до преклонных лет. Удивительный случай.

Все эти сложности во взаимоотношениях друг с другом не помешали старым друзьям продолжать службу в армии плечом к плечу и наравне со всеми ездить в дальние походы. Кто еще из ровесников сегодня на такое способен?

И, скажите, разве это не великое везение? Две такие непохожие судьбы, две различные натуры – а каждой нашлось своё место под небом.

Если Турар всю жизнь был способен быстро меняться, мужая в боях и походах, став в итоге командующим огромной армией, то Батамай словно и не замечал прошедших лет – оставаясь юношей по своей внутренней мыслительной сути, и изменялся он лишь внешне. Сколько над ним не подшучивали все вокруг – был он всё такой же обидчивый и одновременно – доверчивый. Одним словом – ребенок: порывистые, резкие движения, всегда и везде почти бегом. Детские противоречивые сочетания заметны у него во всём. Например, та самая порывистость при губительной неловкости.

Сорок лет назад он дружил с Тураром. А сегодня с такой же детской непосредственностью корешится, как с равным, с его внуком – Бабыром. И поразительно, насколько подростковые мысли

и интересы не изменяются от опыта долгой жизни.

Ему самому будто не видно, что семнадцатилетний Бабыр намного степеннее и рассудительнее его. Удивительный, странный «старый мальчик» Батамай.

11. СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА – ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ

– Судьба до поры до времени скрывает от человека множество сокровенных тайн о грядущих событиях. Говорят, Усун Джурантай – писарь Всевышнего, начальник его небесной канцелярии – еще до рождения человека высекает надпись на священном столбе, в которой отмечены все вехи его будущей земной судьбы. Значит, судьба человека планируется заранее, и вышними силами уже предначертано, какое место она займет в сонме судеб других людей. И каждая отдельная судьба множеством нитей переплетается с судьбами великих империй и малых государств, родов и племен. Но теснее всего человек связан со своей родней. Его удачи и неудачи могут принести радость или горе не только ему, но всем, чьи судьбы переплетаются с ним. К сожалению, земным сознанием нельзя постигнуть Божий замысел. Потому и не понять, следуя каким мерилам-показателям заранее прописываются события в судьбе человека? Одни, как мы с Батамаем, доживают до преклонных лет, а иные, ничем не хуже нас, а то и намного лучше – погибают в пору цветущей молодости. Надо полагать, в угоду общего замысла, но этого нам не дано знать... – оставшись один, сегун Турар опять углубился в глубокомысленные рассуждения.

«Человеческое сознание никак не может объяснить это. Моё – старого воина, тем более. Иногда кажется, хотя и грех так думать, что в тамошней канцелярии часто по какому-то недоразумению вершится великая несправедливость. Почему и на каком основании один живет настолько долго, что и жить-то ему надоедает, и он искренне желает достойно уйти,

но ему не даётся эта радость. А иной – только начинает жить, только разворачиваются его недюжинные способности и талант, как, оставив безутешных родных, он уходит... Куда уходит, зачем, почему? Неужто, и эта беда тоже заранее начертана Усун Джурантаем на хрустальном столбе? Представляю себе, как устает от обилия дел даже этот верзила, и тогда он путает, что и для кого надо было записать. Трудно смириться с тяжестью пяты предопределенности, особенно, когда это касается конкретно тебя, лично твоей судьбы и, несомненно, затем твоих близких, детей, внуков... Угнетает невозможность оспорить, изменить или хотя бы смягчить судьбу. С тебя требуются только покорность и смирение, чтобы принять то, что дано. С одной стороны, человек поставлен в условия отсутствия выбора перед опасностью, тогда как любой зверь способен убежать, спрятаться. А человек должен пройти все жизненные невзгоды, потому что от судьбы не убежишь», – как иначе остается думать старому философу, когда вдруг, без всякой причины на то, перед глазами из небытия, как наяву, встает сын Арслан, погибший семнадцать лет назад... Вот он несётся во весь опор во главе передового мегена в сверкающих на солнце доспехах... И на его лице – такая дорогая для отца улыбка счастья. А золотистые кудри озорно треплет ветер...

В большой семье всякое бывает, тем более, когда семья такая огромная, как Хуннский ил. Часто случаются недоразумения, которые со временем забываются. Но упаси Тэнгри свой народ от междоусобицы! Не дай Бог хуннам заболеть китайской болезнью – воевать со своими братьями. Правитель никогда не должен доводить внутренние мелкие недоразумения до подлинного военного противостояния. Трудно даже представить, какая нужда смогла довести такую могучую страну, как Китай, до братоубийственной войны и разрухи. Непредставимо и то, какие еще потребуются усилия, чтобы зарубцевалась эта глубокая кровоточащая рана

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

на теле единой страны. Ведь всегда существует великое множество возможностей не довести разногласия до точки невозврата. Легко, конечно, принять решение, сгоряча наделав бед, но последствия такой скоропалительности быстро не исправишь, ошибочно казненных – не воскресишь.

Кто-кто, а Турар точно знает, какой глубокий след оставляет в памяти нескольких поколений даже самый незначительный раздор между своими. Такое было с усунами и уеджи... Турар хорошо помнит последствия...

Очень надеется Турар, что саархаан Усуман крепко усвоил этот горький урок. Не должен он повторить ошибку вспыльчивого и горячего племянника – покойного саархаана Саламана, склонного рубить с плеча.

Служить Турар начинал еще при Атамае – дедушке нынешнего саархаана Усумана и покойного Саламана. Продолжил – при Абылхаете, при нем и стал сегуном.

О-о, так давно это было, из очевидцев тех дней в живых никого не осталось! Но ему кажется, что всё это было только вчера...

Во всех отношениях Абылхай был достойнейший человек и незаурядный саархаан. Он мало говорил, поэтому ставил задачу, как бы недоговаривая некоторые подробности, чтобы ты сам додумал, отталкиваясь от конкретного положения дел. Он определял всегда только главные направления, никогда не мельчил, стараясь заставить исполнителя почувствовать себя скованным.

Это принеся сложились нынешние доблестные хуннские войска. Он смог преодолеть явный упадок ила, о чем существует множество свидетельств. Как много он умел предвидеть, когда исподволь добивался взаимопонимания между воинами и отдельными командирами, что в итоге скрепляло прежде разрозненные воинские части, объединяющие внутри себя несколько родов. При нем было легко и радостно служить. В чем выражалась радость служения, было непонятно и необъяснимо, но это было. Может, это из-за главного требования Абылхаета – всегда и везде поступать по справедливости? И тогда каждый хунн ощущал себя спасителем,

освободителем, защитником, а не разбойником и грабителем, как на самом деле иной раз случалось. Всякое бывало.

Служба – нелегкое дело. Часто, когда человек не видит не только главного смысла, но просто – любого смысла, ему трудно найти объяснение, ради чего он денно и нощно несет службу, ради чего он должен жертвовать собой, чтобы отвести беду от всего ила. Без радости обретенного смысла служба воспринимается как тяжелая, вынужденная повинность. Так было всегда. Но при Атамае и его сыне Абылхаете всё было ясно и без лишних вопросов к себе самому. Не было необходимости задаваться вопросом: «Зачем и во имя чего служим?» Значит, тогда всем всё было ясно. А вот при Усумане воины, привыкшие к обстоятельности Атамая, а затем Абылхаета, потеряли прежнюю бесспорную уверенность. Почему так случилось, никто до сих пор не может понять. Значит, произошло нечто, отчего воины превратились в безучастных исполнителей. А этого допускать никогда нельзя. Но это произошло. Кто виноват? Может, это он, постаревший сегун, виноват? Сегун, который должен с полуслова, по выражению лиц понимать своих воинов и командиров. Возможно, из-за существенной разницы в возрасте он перестал их понимать. Всё-всё доказывает, что ему давно пора на покой...

И на слове «покой» Сегун забылся беспокойным сном.

12. ДОЛГОЖДАННЫЙ ПОСЫЛЬНЫЙ

Утром, когда остывшее за ночь солнце стало тяжело подниматься над горизонтом, в воздухе вдруг повисла странная тишина: все, кто в тот миг были рядом с кёс-сегуном⁶, разом замолчали и, как по команде, повернулись лицом к северу.

Именно оттуда вот уже более десяти дней тщетно ждали всадника на пегом коне. Сегодня горизонт подарил ожидаемое: с той стороны кто-то приближался. Их было двое. Но пока масть лошадей нельзя было различить.

Наконец, остроглазый юный охранник возбужденно воскликнул:

⁶ Кёс-сегун – походный командующий.

– Да, кажется, он... Посыльный.

– А почему именно он? С чего ты решил? – спросил востроглазого старик, давно уже плохо видевший.

– А конь-то у переднего пегий... пегий... – не удостоив ответом любопытствующего, выкрикнул вновь охранник.

– Наконец-то... – тяжело вздохнул старик, на этот раз поверив. – Тэнгри всемогущий, испытай наше терпение, соизволил-таки снизить до нас своей милостью.

– Доложите сёгуну!..

– Есть доложить...

Турар, сидя в шелковом шатре, прекрасно слышал эти разговоры. Но не спешил выходить. После слов о масти коня терпение покинуло и его.

Как полагалось, охрана остановила всадников на почтительном расстоянии. Те спешились. Переминаясь с ноги на ногу, сначала медленно, из-за непослушного, затекшего от долгой езды тела, а потом убыстряя шаги, пошли к сёгуну.

– Как долго добирались! – в сердцах воскликнул начальник охраны. – Мы тут все глаза проглядели, ожидая...

– Я-то что... Я не виноват. Когда дали команду, тогда и отправился! Скакал, как мог быстро. Не шутка – 50 кёс за трое суток.

Пользуясь случаем, начальник охраны не преминул громко съязвить насчёт всего Генерального штаба:

– Там, наверху, всегда так. Никто ни в чем не виноват. Киваете друг на друга. А в итоге – всегда посыльный виноват.

Подойдя к белому шёлковому шатру кёс-сёгуна, гонец привёл себя в порядок, отряхнувшись от дорожной пыли. В то время начальник охраны, по обычаю, обошел сурт с тыльной стороны и доложил:

– Господин кёс-сёгун, из Уорука⁷ прибыл посыльный с серебряным ярлыком.

– Проводи.

Посыльный, весь погруженный в свое ответственное поручение, даже не стал лично представляться, видимо, полагая, что старый командующий его и так хорошо знает, и сразу приступил к делу от имени исполняющего

обязанности бас-сёгуна⁸: «Я – Мандай-Баатыр, оставленный замещать Вас, после долгих совещаний со сведущими, по утверждению саархаана, повелеваю: по получении данного донесения незамедлительно выйти к саратаям и окружить их...

Задача – вытребовать у них возмещения недоимок за последние три года. Брать только золотом и серебром. Ничего другого в оплату долга не принимать. Если казны не хватит, недостатку собрать у состоятельных горожан. Купцов не трогать. Малейшее сопротивление или изъятие непокорности – карать беспощадно... Я сказал...»

– Вы сказали... я услышал... – ответил Турар, сглатывая слова, и печально вздохнул.

Хорошо уже то, что ему не придется влезать в стычки со своими единокровными братьями, живущими пусть и на китайской стороне, чего он очень опасался. На старости лет не хотелось ввязываться в сомнительное, грязное, греховное дело, за которое «там» – на небесах – придется держать ответ.

Когда все стремится к естественному жизненному концу, не хочется отягощать себя грехами участия в новых межродовых войнах. Грехов, должно быть, и так много накопилось за жизнь. Да и как без них ратному человеку?.. Хотя, и в этом он давно убеждал себя, для нашего брата должны быть предусмотрены «боевые» льготы. Без них нас всех поголовно ждет преисподняя, владения Аджарая...

Помолчав еще немного, поймав вопросительный взгляд посыльного, Турар вызвал начальника охраны:

– Долгожданного, дорогого посланника принять на высшем уровне: угостить, чем можем, уложить в мягкую постель, отблагодарить достойными подарками...

– Вы сказали...

13. ВСЕ ПРОЯСНИЛОСЬ

Таков был второй приказ. И сразу Турар избавился от сомнений и тревог. Словно вдруг рас-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

⁷ Уорук – Главная ханская ставка.

⁸ Бас-сёгун – главнокомандующий.

сеялся густой туман, и стало далеко видно. Еще вчера головоломка казалась неразрешимой. Он не смог даже приблизиться к ее отгадке. А сейчас стало ясно, что саархаан выбрал из множества сложных задач-замок, обрушившихся на хуннов из Китая, самую животрепещущую. Смысл второго поручения оказался простым и очевидным.

Теперь уже начало казаться странным, почему они так тянули с приказом. С чего бы им так долго сомневаться? Вполне могли бы определиться быстрее, и посылного прислали бы дней на десять раньше. Видимо, были причины. Наверное, спорили-рядили, не поздновато ли, и, всё-таки, решились. Для ожидающих приказа и застрявших в самом пекле пустынного жара – поздновато, но для принимающих судьбоносное решение на основании противоречивых доводов – в самый раз. Теперь, когда всё прояснилось, принять хорошо взвешенное, досконально обдуманное решение стало намного проще.

Удивительное существо человек: он – опытный сегун, ныне временно исполняющий обязанности кёс-сёгуна – походного командующего, в очередной раз поразился своей собственной предвзятости. Стоило только мысленно принять возможность иного выбора, предложенного начальниками, и тут же изменился не только взгляд на событие, но и его человеческая позиция. И в итоге – он уже другой человек, у него не просто другая точка зрения, но она стала критической и недружелюбной по отношению к его же вчерашней...

Как тут не поражаться...

Ведь саархаан оставил ему должность бас-сёгуна... После этого, как не понимать состояние подчинённых, на много ступеней ниже его стоящих, вынужденных беспрекословно выполнять не только иногда сомнительные в их глазах приказы, но даже терпеть и явный произвол вышестоящих. Ведь он не один... Понукающих, следящих за всем и вся и иных командиров множество. У него одного, как командующего всеми походными армиями, аж девять заместителей. А у тех еще больше. И каждый приступает к исполнению его приказа,

привнося свое понимание, а оно бывает не всегда правильным. В итоге этой путаницы порой не понять, кто и как повлиял на неверное исполнение.

Для ратного человека привычно выполнять простые и ясные приказы, если они не расходятся с его возможностями. А когда командующие оторваны от действительности и перегибают палку, вынужденно ошибаясь, ошибки вышестоящих особенно видны как раз «снизу». И потом спрашиваешь себя, как же они там, наверху, не углядели? Надо было просто дать возможность командующему принимать решение на месте... Так нет же – гнут свою линию.

Печально. Даже очень. Всю сознательную жизнь Турар был на высоких командных должностях, а в такие тонкости особо не вникал. Не задумывался над этими хитросплетениями. И постиг их суть только нынче. Ох, не поздновато ли?! Конечно, относительно всего совершённого получается поздно. Было бы полезнее, пойми он это раньше.

«Признаться, я был и есть суховатый командующий, простой вояка, особенно не вникающий в тонкости, невнимающий настроениям подчиненных, а надо бы...»

Ох, как расстроила Турара запоздалость этих откровений. Лет тридцать назад, а может, и без малого сорок, надо было серьезно задуматься над этим. Да где там! Что теперь локти кусать? Жизнь прожита. Горько осознавать это, но теперь главное – успеть рассказать молодым про эти открытия. Постараться пересилить их нежелание, может, и принудить – иначе это их «сами с усами» обернется повторением ошибок Турара. Он давно заметил, что подчиненные перестали доверять ему свои сомнения. Они сухо, по-казённому, отстранённо стали относиться к нему. С понятной ему опаской... Менее опытный человек воспринимает это как уважение. Кто-кто, а он-то знает, что на самом деле это далеко не так.

А вот к его покойному сыну Арслану отношение было восторженно доверительное. Он умел быть везде в доску своим, с каждым был свой – независимо от возраста, положения

в обществе, звания и должности... Непонятно Турару, как он без всякого напряжения, одинаково свободно умел общаться и с родовым старейшиной, и с генералом. Это отмечали многие. Поистине удивительный был мальчик. Почти каждого встречного он умел сразу, с первых слов, расположить к себе, вызывая на доверительное, свойское отношение к нему. Где и когда он научился этому, отцу и сейчас было непонятно. О чем он со всяким мог поговорить? Ведь был совсем мальчиком, почти никакого жизненного опыта.

Бывало, скачет Арслан вместе с передовым охранением по далеким окраинам ничейных степей, увидит отару овец с одиноким чабаном, спешится, поздороваётся, сядет с ним рядом на землю, поговорит об овцах, о пастбище, о погоде. Пастух, вместо того, чтобы насторожиться из-за появления неизвестного вооруженного человека, доверится ему и выложит всё об округе: где и кто живет, что и как управляется. С каждым Арслан умел быть наравне: с пастухом – пастух, с охотником – охотник, с пахарем – пахарь.

Был бы постарше, поопытнее, а тут – совсем безусый юноша. И откуда в нем взялись такой такт, такая тонкость подхода к людям? Видимо, это было врожденное. С малых лет такой.

Старый сегун, как отец, хорошо знает, откуда у сына такой талант. Но разве от этого ему становится легче? Наоборот, постоянно чувствуется давление предопределенности. Обрекающей предопределенности, против которой человек бессилён, она опирается на родословные великих правителей, откуда была родом его жена, мать Арслана.

Представители великого рода наделяются самыми разными человеческими достоинствами. А за это на них возлагается обязанность решения труднодостижимых для обыкновенного смертного задач. Во исполнение возложенного свыше и наделяются они теми удивительными способностями, без которых невозможно править миром.

Тяжкая их доля: быть изначально нацеленными только на исполнение предназначенного. И никакого самоволия... Жизнь их похожа на летя-

щую стрелу, выпущенную Тэнгри в цель, ведомую только ему...

А все, кто имеет несчастье оказаться вовлеченным в высшее делание, теряет всякую личную волю, свободу, возможно, меняется даже их судьба, они становятся только слугами небес, рабами на всю жизнь, а если повезёт – и после...

Теперь, на склоне лет, оглядываясь назад, он понимает, что там, в прожитой долгой жизни, всё было сделано по велению высших сил: ничего личного – и в мелких и крупных делах, и в праведном и неправедном, в любых заслугах и провинностях перед ближними и дальними...

Хвала Ему за то, что всё удалось доделать, не сойдя с предназначенного пути. За то, что верша поручаемые ему, обычные для ратного человека, неправедные дела, не переусердствовал, не добавил своего собственного зла.

Он всю жизнь мечтал пожить где-то на краю мира – у Синих Озер, рыбачить, охотиться, пасти овец... Хоть немного, год-другой, пожить только своими маленькими интересами, вдали от великих событий, на отшибе, за околицей обжитого края.

Почти полвека – военачальник, но душа так и не смирилась с ратной судьбой, избранной не им. Видимо, послался он в мир человеком мирным, мягким, податливым и, в общем-то, не сильным, а скорее – даже слабым...

Всё случилось помимо его воли и жизненных обстоятельств. Скорее – вопреки, по какому-то великому предписанию.

Ох, тяжка была его ноша. Начнешь вспоминать о своих деяниях, размышлять – и не только запутаешься в правых и виноватых, но и сам себе перестанешь верить – с тобой ли всё это было.

Всевышний знает – не моя вина, что выбор пал на меня, я тут ни при чём. Не я выбирал путь воина. А в том, что избрали меня, я не виноват. Просто я не посмел послушаться и подчинился, а покоровшись, превратился в безропотного исполнителя чужой воли...

Турар зажмурился... и возникла перед ним извилистая равнинная речка... и волны, шустро бегущие к берегу...

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

Нечего и мечтать... никогда ничего еще в его долгой жизни не было по его воле.

Он и не знает, что такое своя воля... Не знал никогда, но печальнее то, что так никогда и не узнает, что такое настоящее, истинное собственное волеизъявление. Столько пришлось пережить потерь близких и родных людей. Не в оплату ли за это безличие?

Как же человек бессилён перед судьбой, предопределённой небесным Сугулааном⁹ Тэнгри! Из-за этого иногда возникают только жгучая обида и вопросы без ответа: почему? за что?.. Недоступен небесный Сугулаан, туда не достучишься. Как было предопределено, так и случилось. Не раз и не два в голову сёгуна закрадывалась крамольная мысль, что временами и там случается неразбериха, подобная тем, что бывают у них в Генеральном штабе... А значит, и там могут перепутать, забрать у одного и отдать другому. Конечно, грешно

такое и подумать. Но чем иначе объяснишь наш земной бардак?

Смысл жизни недоступен никому на Земле. Он находится вне пределов земного мироустройства и человеческого понимания... Поэтому всем ныне живущим остается только терпеть, постоянно пытаясь самим найти пути преодоления посланных испытаний. Нам только на это предоставлена свободная воля. Из всех сил преодолевать препятствия, во что бы то ни стало достигать поставленной цели! А в остальном главенствует неоспоримая и незыблемая воля Всевышнего Тэнгри.

(Окончание следует)

**Перевод с якутского
Владимира Крупина.**

⁹ Сугулаан – (здесь) Высший Совет.

Иван Гоголев, известный как поэт, прозаик и драматург, в представленной здесь статье выступает и как яркий публицист, болюющий за страну, природу, ее людей. Вдохновенный певец Якутии, ее природы, он, как подчеркивает народный писатель Николай Лугинов, «как никто другой, умел создать возвышенный, романтический лик родного края». Поэт и гражданин не только воспевал ее, но и призывал к защите, охране, относиться к ней с любовью и заботой, как к матери, и при этом беспощадно разоблачал все то, что вредит ей, а значит, и нам. Ведь жителям Севера, живущим среди природы, особенно важно сохранить в благополучии среду, потому что от нее зависит здоровье и благосостояние.

А поскольку у вод нет границ, то значит, их нет и для всего человечества, тем более, что каждый человек, как известно, состоит на 70 процентов из воды. И важно, чтобы вода, которую он пьет, пища, которую потребляет, была качественной и полноценной. Но природа не только материальное явление, но и духовное, об этом знали еще наши предки. Но со временем мы как-то забыли об этом, если в нашей жизни происходили, происходят и сейчас негативные явления, разрушающие среду, несмотря на то, что многие реалии того времени изменились, ведомства сменили названия и т.п. Поэтому то, о чем говорится в статье, актуально, значимо и теперь.

Все мы и словом и делом в ответе за нашу жизнь в настоящем, опираясь на прошлое, чтобы сохранить ее и в будущем.

Анна Ленская,
писатель, дочь И. Гоголева

Природа- мадонна мадонн

У человечества в его многотрудном, многострадальном пути было два мощных моральных стимула: первый – святая вера в бессмертие природы. Мы свято верили, что над могилами наших предков, над колыбелями наших детей, над крышами домов наших потомков будет «равнодушная природа красую вечною сиять», – как сказал великий Пушкин.

Второй – святая вера в человеческое бессмертие. Отец и мать семьи спокойно умирали в кругу своих родных и свято верили, что их жизнь будет продолжаться в их детях, внуках и правнуках. «Смерти нет!» – восклицал мудрец Лев Толстой, наверно, имея в виду бессмертие, заложенное в человеческих генах, в человеческих делах. Но, увы, в последние годы мы с ужасом увидели, что эти два могучих, незыблемых столпа нашей духовной опоры рухнули. Сейчас мы говорим об этом довольно спокойно, ибо еще до конца не осознали всю бездну этой нашей колоссальной потери. Мы также не знаем, какими «комплексами» обернется это в психологии наших потомков, как отразится в их сознании, морали, нравственности.

Из писательского наследия

У Вселенной есть своя радость – планета Земля. У Земли есть своя скорбь, свое горе. Горе и скорбь принесли ей мы – люди: людская глупость и самомнение, невежество и амбиции. Плачет Земля, но не слезами, а пьяницами, больными, калеками, уродами, искалеченными детьми. Ни для кого не секрет, что число тяжело больных, уродливых детей становится все больше. Может, скорбными глазами этих детей на нас осуждающе смотрит наш век? Может, они и есть главные свидетели обвинения нас в преступном, жестоком отношении ко всему окружающему?

В результате производственной деятельности – без бережного отношения к климатическим условиям той или иной среды – медленно, но неуклонно изменяется климат планеты, идет постепенное потепление, в результате так называемого «парникового эффекта». Казалось бы, слово «потепление» звучит даже ласково. Чего греха таить, в глубине души я был даже рад этому, надеясь, что наша суровая якутская зима станет чуть-чуть мягче. Но даже незначительное потепление температуры в глобальном масштабе, оказывается, приносит большое бедствие – в виде опустошения, опустынивания зеленых массивов. Ныне в среднем за год миллионы гектаров превращаются в желтую, непригодную для жизни пустыню. Если такой «парниковый эффект» будет продолжаться, то нашу «зеленую планету» будут называть «желтой планетой». Промышленные отходы, попадая в стратосферу, в результате фотохимических реакций, уничтожают молекулы озона. А тончайший озоновый слой задерживает губительное для всего живого ультрафиолетовое излучение Солнца. Рассчитано, что каждый процент уменьшения озонового слоя приводит к увеличению заболеваний раком кожи на 5–7 процентов. Недавно ученые обнаружили громадную «озонную дыру» над Антарктидой. О том, чем чревата эта дьявольская дыра, можно только догадываться. Так за наше экологическое преступление природа мстит не только на Земле, даже небо грозит нам возмездием.

Издравле привычное, такое желанное природное явление, как дождь, ныне сулит нам не-

ожиданные, коварные бедствия. Какими только ласковыми эпитетами мы его не награждали: живительный дождь, благодатный, прохладный, теплый, ласковый, грибной, спасительный. Но в последние годы над планетой идут так называемые «кислотные дожди». Их число резко увеличивается из года в год, кислотными, ядовитыми стали не только дожди, но и снега, туманы – в результате выброса в атмосферу огромного количества двуокиси серы и окислов азота, которые образуются от сгорания топлива.

Они снижают урожай, губят растительность, уничтожают жизнь в пресных водоемах, разрушают даже железобетонные здания, что говорить о хрупком человеческом организме.

Кислотные дожди, шумящие где-то в Скандинавии, Великобритании, Западной Европе, не знают границ и переносятся ветрами на огромные расстояния. В этих странах от кислотных дождей погибла жизнь во многих озерах, пострадали леса. Мне порой кажется, что мы, люди, вооруженные до зубов современной сверхмощной техникой, давно объявили беспощадную, тотальную, всемирную войну нашему зеленому другу, бескорыстному, великодушному защитнику – лесу. Мы его рубим, сжигаем, кромсаем, отравляем, топим, топчем железной пятой техники, обрекаем на долгую, мучительную смерть, как некогда, в тяжкие времена, гноили в тюрьмах беззащитных, безвинных людей. Так беспощадно расправлялись огнем и мечом испанские инквизиторы с еретиками в былые времена.

Известно, что жизнь сначала появилась в воде. Недаром во всех религиях водой освящают дома, храмы, иконы, реликвии. Мировой океан – колыбель человечества. А мы, люди, эту свою священную колыбель давно осквернили своими отходами. Это святотатство продолжается поистине в дьявольских масштабах и с завидным упорством. Сейчас в мировой океан ежегодно сваливают несколько миллиардов тонн жидких и твердых отходов. В результате накопления в живых организмах химических соединений балтийская треска, например, может содержать до 800 мг ртути на килограмм массы. Это означает, что съев 5–8 таких рыб, человек может получить

количество ртути, равное с её содержанием в медицинских термометрах. В тушах погибших тюленей находят до 750 видов различных отравляющих веществ. Не так давно в магазинах Якутска была редкостью наша озерная и речная рыба, зато прилавки были завалены диковинной заморской живностью. Съедая такую рыбу, человек поглощает изрядную долю отравляющих веществ. Только одно утешает: наш неприхотливый, северный организм, может, выработает какое-то противоядие.

На нашей планете катастрофически сокращается биологическое разнообразие. Сейчас ежедневно в мире гибнет в среднем несколько видов животных и растений, и темпы этого вымирания растут. Уничтожение биологического разнообразия гораздо более опасно для человечества, чем даже изменение климата или сокращение слоя озона – так утверждают биологи. Я, охотник-любитель, как о личной горькой потере думаю об исчезновении замечательной перелетной птицы – мородушки. Хорошо было весной сидеть в засидке и слушать неумолкаемый гомон этой славной птицы, голосистого пернатого. А сейчас ее нигде не слышно, и озера словно осиротели... Такова краткая, неполная экологическая информация в глобальном масштабе. Мое поколение советской эпохи выросло на громких, бодрых лозунгах. Мы твердо верили, что наша природа расцветает вместе с нами, ибо мы самый передовой в мире народ, который вдохновенно строит коммунизм – земной рай.

А вот прошедший пленум Союза писателей СССР убедительно показал, что мы давно подошли к критическому экологическому рубежу. Если нашу родную природу сравнивать с отчим домом, то, к сожалению, этот дом обветшал, крыша стала дырявая, пол гнивает, а стены дома покрыты плесенью – одним словом, дом этот давно нуждается в капитальном ремонте. Если его не сделать, то дом рухнет. Мы себя показали нерадивыми, бездумными, расточительными хозяевами. А хозяева ли мы в своем родном доме? Такой прямой вопрос был поставлен в докладе Юрия Черниченко «Земля, экология, перестройка». Оказывается, мы в своем доме обжи-

ваемся вовсе не как хозяева, а в лучшем случае, как квартиросъемщики. А дом-то наш громадный, у нас 14 морей, половина чернозема планеты, практически все почвенно-климатические зоны мира... Кто же, в конце - концов, хозяин в нашем общем доме? Оказывается, подлинными хозяевами являются всемогущие министерства и ведомства, которые не подчиняются даже государству и нашим законам. По выражению Валентина Распутина, «это чудовищные создания под благородной вывеской». Но кто же они.

В первую очередь, Министерство водного хозяйства – Минводхоз и Минэнерго. Эти чудовищные создания, оказывается, наделены действительно чудовищной силой – но не созидания, а разрушения. Они, в угоду своим узковедомственным интересам, на глазах всего народа попирают правовые, экономические, моральные и социальные основы нашей страны. К удивлению, министр водного хозяйства был награжден орденом. Спрашивается, за какие заслуги? Может, за то, что Минводхоз собирался повернуть северные реки, якобы для того, чтобы спасти от обмеления Каспий? И с помощью мощных каналов собирался перекачивать волжскую воду на Дон и Урал для орошения полей. Уже затоплено более 2600 сел и более 165 городов. В природе уже нет залива Кара-Богаз, реки древних цивилизаций Сырдарья и великая Амударья больше не впадают в Арал, а некогда изобильное Аральское море уже не море, а незаживающая рана и вечная боль многострадального кара-калпакского народа. В некогда знаменитом своим рыбным богатством Азовском море рыбы убавилось в 25 раз. К этому еще надо добавить смертоносную химию, убившую в водоемах Молдавии 150 видов живых существ, в 20 раз сократившееся число насекомых.

По ретивости пресловутого министерства затоплены миллионы гектаров плодородных земель, а тонкий плодородный слой земли в цивилизованных странах ценится дороже золота, алмазов. Даже людоед Гитлер понимал это. По его приказу фашисты целыми вагонами по железной дороге увозили этот бесценный груз из оккупированных земель Украины и России в

ИВАН ГОГОЛЕВ. ПРИРОДА – МАДОННА МАДОНН.

Из писательского наследия

Германию. Пожалуй, это был самый бесчеловечный грабеж века. Этот тонкий слой по-научному называется гумус, а гумус и гомос, оказывается, однокоренные слова, они происходят от индоевропейского обозначения земли. Значит, понятия земля и человек имели общее звучание. Это символично. Не говорят ли это о том, что цена жизни человека и цена тонкого плодородного слоя земли – почти равноценны? Человек может жить только до ста лет и более, а над созданием тонкого плодородного слоя земли природа трудится несколько веков, даже тысячелетия. А мы по причине своего невежества, безответственности беспощадно губим его в грандиозных масштабах, особенно в этом деле отличается тот же Минводхоз. От своего собрата не отстают Минэнерго. Мы еще не оправившись от адского взрыва в Чернобыле. Экономический ущерб от аварии в 4-ом блоке АЭС оценивается в 8 миллиардов рублей, это без учета многих косвенных потерь, главная из которых – подорванное доверие к ядерной энергетике.

Говорят, что нет альтернативы атомной энергетике в ближайшем будущем. А есть ли альтернатива страху, что надолго внушил нам этот взрыв? Ограждены ли мы от повторного взрыва из-за халатности, бескультурья? Многоведомственность разрывает нашу страну. Прав Распутин, когда говорит, что «наше общее тело покрыто раковыми опухолями этих образований».

Десятки лет строятся гиганты – гидроэлектростанции и прочие грандиозные объекты, и десятки лет они не дают ни копейки прибыли народному хозяйству, и на это строительство идут и идут наши трудовые деньги. Одним словом, экологические бедствия разрушают страну. Почему мы это допускаем? В первые годы Советской власти наши безграмотные деды и бабушки учились писать наполненные глубоким смыслом слова: «мы – не рабы». Дети этих людей, которые таким словами открыли новую эру в истории, казалось бы, должны были сметать с лица земли духовное и прочее рабство во всех его проявлениях. Но случилось невероятное – в какой-то степени мы все оказались духовными рабами. Самое страшное то, что мы долго об этом даже

не подозревали и громко пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Не это ли является главной причиной того позорного факта, что у нас отняли священное право быть хозяевами в своей стране?

Мы стали равнодушными к труду, потому что материальное благо, созданное руками народа, распределяет громадный бюрократический аппарат. Конечно, самые жирные куски он присваивает себе, а нам подбрасывает по «остаточному принципу». Утратив чувство хозяина, мы утратили многое, даже любовь к земле, к родной природе. Пользуясь этим, бессовестные рвачи, хапуги, временщики почти разорили многие регионы, даже в считанные десятилетия, по словам того же Распутина, «успели выпотрошить Сибирь – этого великана». Михаил Горбачев при встрече с трудящимися на Красноярской земле сказал на это: «Как будто пришли сюда какие-то колонизаторы, за один год вырвать ресурсы, отвезти их куда-то и на этом конец. А дальше хоть трава не расти».

После этих справедливых слов я подумал о нашей алмазной Якутии, потому что очень схожи наши беды, наши раны, нанесенные родной земле повсюду. Наш легендарный предок Омогой-бай, видимо, был неглупым человеком, раз выбрал для местожительства такое благодатное во всех отношениях место для обитания – долину Туймаада. Другой наш легендарный предок – Элэй, пришедший издалека, наверно, не зря решил остаться тут навсегда. Верно, его заворожило все это великолепии. Наверно, умирая, он завещал своим потомкам беречь, хранить эту красоту, как самое дорогое, сокровенное достояние. Если бы он воскрес, то непременно, по якутски заложив руки за спину, прошелся бы по родной, любимой Туймааде, чтобы насладиться ее несравненной, неповторимой красотой. Но наверняка в изумлении остановился бы при виде бледных остовов высохших берез, которые в немом укорке застыли, как призраки. Покачив головой, он пошел бы дальше, и непременно бы наткнулся на огромные свалки, которые смрадными буграми высятся, грозя перекинуться в робко притихший Чочур Муран.

От страшного зловония зажав нос, наш предок, наверно бы, кинулся прочь, но спотыкался бы на каждом шагу о выброшенный металлолом и, наконец, угодил бы в яму, наполненную бурокоричневой зловонной жижей. Еле выбравшись оттуда, он, удрученный, подошел бы к окраине нашей любимой столицы, но, оглушенный шумом и грохотом, зажал бы теперь уши. У него сразу бы поднялось давление, хотя гипертоником он, наверно, не был. Ведь из-за шума у человека повышается давление, шум, превышающий допустимые 20–30 децибел, сокращает жизнь человека на 8–12 лет. А наша столица по части шума, грохота может состязаться с любым великим городом.

Наш спокойный, уравновешенный предок преобразился бы и начал ругаться, хотя не так смачно и изощренно, как мы, его цивилизованные потомки, ведь интенсивный звук усиливает гормоны стресса. Наш оглушенный предок наверняка стал бы и задыхаться от загрязненного воздуха, ведь в атмосфере нашей столицы обнаружили бензапирен – опасный канцероген, во много раз превышающий допустимые нормы.

Пытаясь успокоиться, наш измученный предок, наверно, захотел бы искупаться и направился к озеру, но, наверно, какой-нибудь сознательный, очень вежливый и бдительный потомок сказал бы ему, что в этом озере опасно купаться. Совершенно обалдев, ибо от шума резко снижается умственная деятельность человека, наш предок подался бы к Зеленому лугу, о котором когда-то благодарно слагал песни. При виде его он не поверил бы своим глазам, что это памятное зеленое диво, милостиво дарованное природой, засыпано многометровым слоем мертвого сыпучего песка. Да, он бы не поверил своим глазам, ибо на такое не решатся благоразумные, нормальные люди.

Потрясенный всем этим, наш предок понуро бы поплелся куда глаза глядят, но ноги сами бы его привели к желанной, благословенной, священной Лене-матушке. Но и тут он бы получил очередной удар по сердцу, он стал бы свидетелем, как рычат железные чудовищные машины, по очереди сливая и сливая нечистоты,

по-научному – фекалии, прямо в матушку-Лену. Не выдержав того, что наша священная река постепенно превращается в отхожее место, наш несчастный предок получил бы инфаркт, хотя в его время вряд ли кто-то умирал от этой распространенной сейчас болезни нашей цивилизации. Угасающий взор наш предок невольно устремил бы в сторону Якутска, который зимой покрывается туманом-смогом, а летом – грязными лужами. Его последний прощальный взор вряд ли обрадовали бы каменные, серые коробки зданий, удручающе однообразные, построенные даже без намека на какой-то вкус.

У каждого народа есть свои святыни, олицетворяющие его национальное достоинство, которые являются его гордостью. Не считается с этим – значит, унижить и оскорбить народ. Такой святыней у нашего народа является река Лена. На ее берегах живут не только якуты, но и представители многих национальностей, и все они считают Лену своей родной колыбелью. Таким образом, Лена является нашей интернациональной святыней, нашей интернациональной гордостью, и охрана ее – наш интернациональный долг. Сейчас, когда в мире становится все меньшей пригодной для питья воды, рек с чистой водой, она приобретает особенную ценность. Ведутся войны за обладание чистой водой, в рядах стран правительства не жалеют средств на строительство сооружений для очистки воды – воду можно пить прямо из-под крана, и она целебна. Как, например, во Франции, городах и селениях в горных местностях Альп.

Реки, как известно, питаются притоками. И наша Лена великой и многоводной стала потому, что ее издревле питают многочисленные притоки. Одним из главных притоков Лены является знаменитая река Вилюй. Река Вилюй – главная водная магистраль ряда улусов: Мирнинского, Верхневилуйского, Вилюйского, частично Кобяйского. Она играет важную, основную роль в жизненной и хозяйственной деятельности этих улусов. Чистотой своих вод река Вилюй могла соперничать даже с родниковыми ключами, а сейчас вышла на одно из первых мест чуть ли во всем мире по степени загрязненности. С карье-

ИВАН ГОГОЛЕВ. ПРИРОДА – МАДОННА МАДОНН.

Из писательского наследия

ров алмазных трубок «Мир», «Удачный» в притоки перекачивают огромные массы зараженной сероводородом воды. Город Мирный, поселки добытчиков алмазов Айхал, Удачный, Полярный, Светлый, Алмазный ежедневно вливают в притоки Вилюя сотни тысяч кубических метров не очищенной канализационной жижи.

Экологии реки Вилюй был нанесен громадный урон при строительстве Вилюйских ГЭС – 1 и ГЭС – 2. Вилюйское водохранилище возникло в мае 1967 года. Под водой оказалось 1900 кв. км покрытой лесом территории. Общая масса погибшей деловой древесины – около трех с половиной миллионов кубометров. Лес был полностью затоплен на корню, доля затопленного леса здесь оказалась самой высокой по Сибири. Водоохранилище постепенно претерпевает сложные гидрологические, гидрохимические и биологические изменения. Трудно предсказать, чем все это отзовется в будущем на экологии всего региона. Основная масса затопленного леса – лиственница, которая не всплывает, гниение древесины идет медленно, в течение очень длительного периода. При гниении высокосмолистого лиственничного леса образуются сероводород и фенол, и сейчас содержание в воде этих вредных веществ превышает уже в несколько раз допустимые нормы.

При затоплении под водой оказались горные породы, богатые сульфидными минералами, содержащие медь и цинк, выходы бурого и каменного угля, очень высока здесь концентрация цинка. Все это пагубно сказалось и на популяции рыб. Вилюй уже потерял такие ценные породы рыб, как осетр, нельма, чир, муксун. Остались лишь щука и налим, пугающие рыбаков своим видом – уродливым от пребывания в отравленной воде. Население Вилюя, подавляя тошноту, вынуждено пить эту отравленную воду, некоторые жители вынуждены привозить воду для питья из других отдаленных водоемов. Ущерб только водной среде за десятки лет работы Вилюйской ГЭС оценивается в сотни миллионов рублей. При этом за первые десять лет нет данных. Наверно, даже эти цифры при нашем очковтирательстве, занижены. Ущерб, нанесен-

ный лесному хозяйству в 1968 году, составлял 38 миллионов рублей. Не поддается никакой денежной оценке тот факт, что при затоплении под воду ушло больше десяти месторождений каменного угля, оценочные запасы которых составляют 50 миллиардов тонн. Навсегда захоронено под водой уникальное месторождение редких минералов, в том числе единственное в мире месторождение вилюнита и других ценных минералов.

Нельзя сказать, что не принимаются никакие меры по спасению реки Вилюй. На тревожные письма жителей один высокопоставленный начальник ответил обещанием, что сброс неочищенных сточных вод объединение «Якуталмаз» прекратит в 1993 году. Но беспокоит такое явление, как «васькизм». Мы все знаем басню Крылова о поваре-грамотее и прожорливом коте Ваське, все мы знаем, что Васька слушает, да ест. Вот такая «васькинская» реакция на острые сигналы граждан продолжается.

«Рыба гниет с головы», – гласит якутская поговорка. Болезни рек и медленная их смерть начинается с притоков. Как видим, один из главных притоков Лены в критическом состоянии. Это опасный симптом, грозящий экологии нашей матушки-Лены, и это должно встревожить всю общественность. Слишком надеяться на обещания начальников разного ранга пресловутых «ведомств» не стоит. Тем более, что когда их слушаешь, создается впечатление, что они денно и ночью радеют за родную природу, за народное добро и напрасно их обижают неблагодарные писатели. Не будет преувеличением, если скажу, что наиболее уязвимым и беззащитным перед всемогуществом НТР и бесконтрольностью ведомств является наш Север, который называют суровым. А на самом деле он хрупок, нежен, слишком доверчив. По громким докладам высокопоставленных чиновников, по оптимистическим отчетам некоторых специалистов по Северу, по романам некоторых писателей мы привыкли думать, что коренные жители Севера прямо-таки благоденствуют. У нас сложилось представление о Севере как о некоем экзотическом, красочном, умиротворенном уголке зем-

ли. А в действительности, картина там не такая, напротив, внушающая боль, даже возмущение.

В августе 1988 года на расширенном заседании Секретариата правления Союза писателей РСФСР шел тревожный разговор о проблемах экономического, социального развития Севера в условиях интенсивного промышленного освоения этих районов. Писатели России обратились к рабочим, геологам, строителям, золото и алмазо-добытчикам, речникам и авиаторам – ко всем, кто участвует в освоении природных богатств Севера – с призывом разорвать порочные пути ведомственной круговой поруки,

объявить войну временщикам и бездумным поденщикам, сказать решительно «Нет!» техническому и технологическому варварству. Уровень жизни коренного населения значительно хуже, чем у приезжего. Социально-бытовые условия их жизни наиболее неблагоприятны по сравнению с таковыми всех национальностей и народностей Союза. Наблюдается острая нехватка жилья, отсутствуют элементарные бытовые удобства, жилой фонд – ветхий, постройки 50–60-ых годов.

Политика перевода на оседлость научно не обоснована и ведет к разрушению традиционного хозяйственного комплекса, а с ним – к растворению коренного населения, его постепенному исчезновению. Продолжается интенсивная деградация пастбищ и промысловых угодий под воздействием промышленности. Коренные жители – эти дети природы – на своей исконной земле уже чувствуют себя чужаками, их земля уже не принадлежит им, там хозяевами являются различные ведомства – Госагропром, Минрыбхоз, Райпотребсоюз и другие. Эти достопочтенные организации руководствуются узковедомственными, сиюминутными интересами, они удивительно равнодушны к насущным жизненным интересам северных народов. Под страхом привлечения к уголовной ответственности им фактически запрещено свободно заниматься охотой, рыболовством даже для пропитания. И вот они дошли до того, что радуются, что им в год продают в магазинах, как деля великую милость, по 500 граммов капусты,

по одному килограмму муки, изредка по полкилограмма мяса. Даже консервные продукты там исчезли с прилавков. Об этом писал в газете один старейший житель Анабара.

Из года в год угрожающе сокращается численность народностей Севера. Например, в нашей республике живут исконные жители Севера юкагиры. Чистокровных юкагиров осталось всего 13 человек. Число 13 считается роковым, несчастливым, оно, мне кажется, символично говорит о многом, о критическом состоянии не только юкагирского народа. Ни для кого не секрет, что молодежь народностей Севера забывает, а часть уже забыла или совсем не знает свой родной язык. Среди них наблюдается рост пьянства и агрессивности, как следствие падения социально-психологической адаптации к быстроменяющимся условиям жизни. Я недавно в Москве встретился со своим давнишним хорошим знакомым – эвенкийским писателем Алитом Нептушкиным, который был делегатом XIX партконференции. Он мне рассказал о судьбе своего маленького народа, с горестью говорил о том, что если будет построена Туруханская ГЭС, то будут затоплены лучшие промысловые угодья, олени пастбища, другими словами, будет лишен жизненной основы целый народ. Тогда постепенно исчезнет этот народ, его культура, язык, его генофонд. Это будет невосполнимой потерей для всего человечества. В связи с этим он сообщил, что будет просить у правительства создания чего-то вроде резервации, где этот народ мог бы свободно заниматься своими традиционными ремеслами, оленеводством, охотой, рыболовством, смог бы сохранить свой этнический облик, язык, самобытный национальный характер, культуру. Может быть, в этом есть резон...

Мы все ищем конкретных виновников надвигающейся экологической катастрофы. Никто не хочет признаться в этом. Но все-таки есть один конкретный виновник-невидимка – это наше вопиющее всенародное экологическое невежество. Немедленно нам нужны ликбезы по ликвидации нашей экологической безграмотности, а чтобы ликвидировать эту безграмотность, нам

ИВАН ГОГОЛЕВ. ПРИРОДА – МАДОННА МАДОНН.

Из писательского наследия

нужна честная, правдивая экологическая информация. Недавно был произведен атомный взрыв в одном из районов Виллюйска.

Мы не знаем экологических последствий этого взрыва, чем непредвиденным грозит и обернется такой взрыв на вечной мерзлоте. По слухам, охотники находили дохлых лосей и медведей в этой зоне, а в Кырдыгайском наслеге пал целый табун лошадей, якобы от сибирской язвы. Как говорится, свежо предание, да верится с трудом. Это говорит о том, что нам нужна систематическая, достоверная экологическая информация. Народ должен знать, кто и как обращается с его бесценным достоянием – родной природой. А она – родная природа – в опасности. Недавно создан Республиканский комитет охраны природы. Для того, чтобы он не стал очередным бюрократическим органом, комитет должен регулярно отчитываться перед народом. Там должны работать смелые, энергичные, компетентные люди, болеющие за свою родную землю, народ, способные словом и делом охранять природу.

До сих пор мы на природу смотрели как на источник материальных благ, образно говоря, как на дойную корову или тягловую лошадь. А природа – прекрасная мадонна, облагораживающая, вдохновляющая нас эстетически. Мы все

восхищаемся мадоннами Рафаэля, бессмертной Джокондой Леонардо да Винчи. А природа – мадонна мадонн. Когда мы забываем об этом, то саморазоблачаем во вселенском масштабе в своем дремучем бескультурии, варварстве.

Я знаю, в деле охраны природы нам будет трудно, потому что у нас нет передового опыта по охране природы, особенно трудно будет бороться с таким социальным явлением, как «временщики». Очень опасным явлением стала «психология временщиков», что появилась давно, но об этом, по известным причинам, не принято было открыто говорить.

Это явление особенно расцветает в северных районах, где не хватает своих рабочих рук. Но время не ждет. Надо бороться за наше выживание. Другого нам не дано! Природа – наша родная мать и мы все ее дети. Это очевидный бесспорный факт, и потому надругательство над природой – это надругательство над человеком. Разрушение природы – это разрушение человеческой личности, смерть природы – это наша смерть.

**Иван ГОГОЛЕВ,
народный поэт РС(Я)**

Егор ПЕСТРЯКОВ
– Джэгёр Тюбэ

Дети войны

Дети Великой войны,
Очнитесь, взбодритесь!
Мы снова дети, взглянитесь
В наше имя – «Дети войны».

Вспомните, как водили
За кольцо быка ломового.
(Страдания, многие тяготы
Мы вынесли на себе, ребята!)
Руки мозолили о вилы и грабли,
Евражек «склады» искали.

На впалых грудях засверкали
Медали тех детских лет.
Мы лучшую жизнь искали,
Наша вера незыблема, нет.

Не печальтесь, друзья, не кручиньтесь,
Не бойтесь, не ждите беды.
В мирное небо взглянитесь:
Не будет больше войны!

Сегодня это прозвучит...

Чтобы встретить свое столетие,
Молнией сверкнув летнею,
Пришел сегодня Чагылган,
И мир тотчас светлее стал.

Вспомнил раны войны,
Как радостно славил народ,
Воинов и рабочий люд
За самоотверженный труд.

Победная песня о лыжниках
Будет сегодня звучать.
Счастьем и миром окутана,
Она будет петься в веках.

Словно молнии сполох –
Та тропинка лыжников.
Чуть враг приподнялся с земли –
Не скрыться от лыж вдали.

ЕГОР ПЕСТРЯКОВ. ДЕТИ ВОЙНЫ.

Храбрые наши орлы
Стальной стеной ограждая,
Поднялись к вершине Победы
Наступая – ступень за ступенью...

Стальная Сталинская Победа

Сталинской Стальной Победы
Развевается гордо флаг!
Фашистский крестовый стяг
Упал у подножья Кремля.

Сталинской Стальной Победы
Ярко памяти вечное пламя.
Сердца высекают искры,
Раны души вспоминая.

Сталинской Стальной Победы
Мы видим мощную твердь.
Укрепляя лучи надежды,
В пламень веры, мой друг, поверь.

Сталинской Стальной Победы
Твердеют стальные латы,
Счастливую жизнь утверждая,
Ликование в души вселяя.

Сталинской Стальной Победы
Взлетающее перо свободы
Открывает мира дорогу,
Приводит к счастья порогу.

Пушкину

Привет от уранхай-якута,
Пушкин, Великий поэт!
Ты человеческого рода
Ясный ум и высокий полет,
Ты Родины чувственность,

Великой Отчизны душа,
Немеркнущая вечность
Поэзии в сердцах,
Творчества бурного моря
Ты первый дед и отец.
С тех пор, как узнал о тебе я,
Я твой поклонник и чтец.
В сердце заря зародилась,
Душа моя заискрилась.
Острым клинком вдруг желание
Открыло дорогу к писанию.
Пушкин, Великий поэт,
Передаст от века векам
Твой язык и русский, и якут,
И калмык, и чукча.
Твои песни сегодня поются,
Твой язык звучит и сейчас.
Пусть живыми они остаются,
Закрепляясь в каждом из нас.
Ты еще споешь нам приветливо,
Твоя повесть будет продолжена,
Узоры судьбы причудливо
В легенды будут сложены.
Пушкин, Великий поэт,
Нашей жизни бессменный спутник,
И поэзии вечный путник,
Тебе якутский уруй-привет!
Дом! Дом! Дом!

**Перевод с якутского
Вероники Петровой.**

Сэмэн ТУМАТ,
народный писатель РС(Я)

Смертельный дрейф

Повесть

*С благодарностью Семёну Алексеевичу Собакину, без воспоминаний которого я бы никогда не узнал об этом случае из жизни моего отца – Андрея Фомича Попова.
Автор.*

С высоты птичьего полёта узкая полоска земли Быкова мыса напоминает мостик, брошенный прямо в свинцовые воды моря Лаптевых. Веками накатывают на мыс могучие волны, стараясь подмыть его берега и унести в пучину, но кусочек суши стойко противостоит стихии...

* * *

История, которую я хочу вам рассказать, произошла давно. В те времена люди выходили на рыбалку, как только прибрежный лёд начинал выдерживать вес гружёных собачьих нарт. Это

му есть простое объяснение. В мелководных нерестовых морских заливах многочисленная рыба жирела, набиралась сил, и вскоре после ледостава – всего за несколько дней – покидала их. Тому, кто не успевал воспользоваться моментом, оставалось только кусать локти – он надолго лишался свежей еды для семьи и корма для собак, не говоря уже о возможности заработать на продаже рыбы. Именно поэтому, невзирая на опасность, рыбаки торопились – выходили на лёд, долбили лунки и ставили свои длиннющие полотна сетей. Опытные рыбаки уезжали с ночёвкой на несколько дней на дальние заливы, поскольку вблизи жилья было не протолкнуться. Там промышляли и стар и млад.

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

На такую рыбалку в пору ряпушки и выехали однажды Усун Андрей с товарищами – всего девять человек. Было облачно и безветренно, что не могло не радовать рыбаков, ведь в такую погоду улов обычно бывает богатым. Но как бы они ни торопились – надо было засветло найти подходящее место, – никто из рыбаков, которые одновременно и опытные каюры, не гнал своих собак вскачь. Они внимательно следили за тем, чтобы их собаки бежали ровной плавной рысью, что позволяет надолго сохранить силы при дальних переходах. Во второй половине дня друзья обогнули очередной мыс и решили разбить лагерь на берегу приглянувшегося им морского залива. Быстро разгрузились, сложили вещи в одну кучу. Собаки раскрыли рты и начали прихватывать языками свежавывающий снег. Они не устали, просто сильных морозов ещё не было и поэтому они так охлаждались.

Все дружно взялись за привычные для бригады хлопоты: кто-то ставил палатку, другие готовили сети, а третьи возились с собаками. Хара Баттаху и Кырсалаху дали задание обеспечить бригаду ужином. Кырсалах тотчас загрузил в лёгкие сани на две собаки пару сетей, пешню, бечеву, лопату, топорик, прогонную жердь, разобранные киристиэбил – специальные крестообразные устройства, которые ставят над прорубью, решето для вычерпывания из проруби битого льда и направился вглубь залива. Хара Баттах, наоборот, взял ружьё и стал подниматься вверх по крутому склону. Все поняли, что он решил настрелять куропаток. За ним бежал Басыргас – неразлучный с хозяином старый пёс волчьего окраса с чёрными подпалинами.

* * *

Нынче Хара Баттах разменял седьмой десяток. Его имя в переводе с якутского языка означает Чёрные Волосы, И, действительно, у этого человека с круглым смуглым лицом с мелкими чертами и озорными глазами – иссиня-чёрные волосы. И его в Сагастыре за глаза только так и называют, хотя официально он Мэхэлэ. Он не

знает своих предков, что иногда служит предметом его переживаний. Его родителей не стало, когда Хара Баттах был ещё совсем маленьким, и потому он не ведаёт, откуда и как попал в эти края. Местные жители знают не больше, и потому считают его своим.

Хара Баттах любит одеваться красиво, можно даже сказать щеголевато: торбаза из мягкой ровдуги, или такие же добротные торбаза с высокими голенищами из шкуры весенних оленей, шапка с опушкой из шикарного песца. Немногие в те времена могли похвастаться наличием перчаток, а они у Хара Баттаха были. Причём, опять же не простые, а сшитые из тончайшей замши со вставками из красного сукна. О роскошной пыжиковой парке и говорить не приходится.

Прекрасный охотник и рыболов Хара Баттах заключил договор с рыбозаводом, находящимся в улусном центре, и постоянно ездит туда. Благодаря этому его односельчане всегда в курсе всех новостей района, а также знают, какие новые товары появились в местном магазине. Хозяйки ждут его с особым нетерпением. Кроме того, что Хара Баттах приезжает с ворохом свежих новостей и сообщениями от знакомых людей, он всегда привозит подарки, которые тщательно подбирает для каждого по отдельности. На Севере особое отношение к подаркам. Совсем не такое, как на Большой земле. Видимо, это объясняется тем, что люди тут живут изолированно, месяцами не видят друзей и родственников, и потому каждая привезённая весточка от них, каждый знак внимания в виде подарка приобретает особый смысл, ценится вдвойне.

Однажды Хара Баттах подрядился на перевозку груза для Тит-Арынского наслега. Надо было доставить туда продукты и кое-что по мелочи. И опять же ему повезло – в магазине районного центра продавали простые, но добротные вязаные перчатки, которые, как мы уже заметили, пользовались здесь особым спросом. Особо ценили их охотники и рыбаки, которые надевали их под свои тёплые меховые рукавицы, например, перчатки можно было не снимать, когда ты стреляешь. Хозяйственный

Хара Баттах купил сразу несколько пар – на подарки. Одну пару он сразу надел под свои большие тёплые рукавицы с песцовым мехом внутри. Приехав в Сагастыр, он остановил собак возле жилища Усун Андрея. Впрочем, мимо этого дома никто не проезжал, поскольку он располагался прямо возле дороги. Местные мальчишки ещё издали примечали приближающиеся нарты и кричали: «Едут! Едут!» И весть об этом моментально облетала маленькое село. Услышав это, Ааныс – жена хозяина дома – тут же ставила чайник на огонь. Путники всегда знали, что они тут отогреются с дальней дороги, попьют горячего чаю. Так было и в этот раз. Едва услышав крики мальчишек, Ааныс поставила чайник, но не успел он закипеть, как за стеной послышался скрип полозьев, лай собак и вскоре, отряхивая песцовую оторочку шапки от сосулек, в дом вошёл Хара Баттах.

– Здравствуйте, хозяйева! Как поживаете? – прозвучал традиционный в таких случаях вопрос со стороны гостя.

– Потихонечку, – не менее традиционно ответил ему Усун Андрей. – У тебя, убай* Мэхэлэ, наверняка, много новостей! Садись, согрейся с дороги, попей горячего чаю.

С этими словами хозяин принёс гостю стул и поставил его перед огнём. Хара Баттах снял и положил на стул большие рукавицы, подбитые мехом песца, и протянул руки в вязаных перчатках к огню: «Ычча!»** Его глаза хитровато щурились.

Хозяйка сразу заметила обнову гостя на руках, поняла его маленькую хитрость и подыграла ему:

– Оо, убай Мэхэлэ, да у тебя никак новые перчатки! Какие красивые! Сразу видно, что ты в райцентр ездил. Хорошо сидят?

– Да, прекрасно сидят! Совсем не чувствуется, что на руках что-то есть. Я сейчас даже не заметил, что, оказывается, греюсь в перчатках!

Немного погодя, довольный произведённым эффектом, он вытащил другую пару вязаных перчаток и протянул их хозяину: «Вот, догор*** Андрей, подарок тебе. Пригодится на охоте. А тебе, Ааныс, вот платок от меня».

Хозяева были чрезвычайно довольны. Пока Хара Баттах разговаривал с другом, новость о его приезде и подарках разнеслась по селу. Надо ли говорить, что все его тут любят и уважают, ждут с особым нетерпением,

А вот ещё другой случай. Однажды в начале февраля, когда начинается пора особо сильных ветров, в Сагастыре узнали, что Хара Баттах пропал. Все встревожились, забеспокоились. И хотя была такая пурга, когда казалось, что небо слилось с землёй, и было плохо видно на расстоянии вытянутой руки, люди решили ехать на поиски своего земляка. Снарядили шесть нарт, которые попарно разъехались в разные стороны. В центре села по давней традиции соорудили большой костёр. Мужчины несли дрова, а женщины тут же на месте кололи их на поленья. Время от времени в большой огонь подливали моржовый жир, чтобы наперекор стихии яркое пламя поднималось до небес, и огонь заплутавшему путнику был виден издалека. Костёр горел и днём и ночью. Таким способом была спасена не одна жизнь. Люди надеялись как на самого Хара Баттаха, так и на его верного пса Суолжута. Вскоре по всем приметам стало ясно, что пурга затягивается. Люди забеспокоились ещё больше, когда на третий день приехала пара первых гонцов и сообщила, что никаких следов пребывания человека в охотничьей избушке Хара Баттаха они не обнаружили. Басылай с Николаем сказали также, что его пасти – ловушки на песца – стоят пустые и разряженные. Костёр в центре Сагастыра разгорелся ещё больше...

Не выдержав тяжкого бремени ожидания Татыас, жена Хара Баттаха, решила сходить к Хотуннур эмэхсин – уважаемой всеми бабушке-старейшине наслега, у которой в роду были шаманки, и она сама тоже имела дар пророчества и предвидения. Все знали об этом, но вслух не говорили. К ней в особо тяжкие моменты жизни советоваться ходили многие, и многие находили душевное успокоение, ведь она никогда не ошибалась. Но были и те, кто воздерживался. Может, они просто боялись, что она увидит их насквозь, узнает их слабости и тайные помыслы. Люди везде люди...

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

* Убай – (здесь) уважительное обращение к старшему по возрасту человеку.

** Ычча – возглас замёрзшего человека.

*** Догор – друг.

– Жив наш Хара Баттах. Удивляюсь я вам, нынешним женщинам, нет у вас терпения. Раньше мы и по десять дней спокойно ждали мужей, которые плутали во время пурги в тундре. Что-то не помню, чтобы я сильно беспокоилась тогда. Ты пойми одно – недаром говорят, что добра молодца влекут родные места. Он обязательно приедет. Наберись терпения, – спокойно сказала Хотуннур эмэхсин, как будто только и ждала прихода Татыйас и готовилась к этому.

Её слова успокоили Татыйас. Она вышла на улицу. Казалось, что Большой ветер заполнил своим неистовыми снежными шквалами не только бескрайнюю тундру, но и весь остальной мир. Но теперь женщина смотрела на это уже совсем другими глазами. Спокойными и более умудрёнными. На четвёртый день с начала пурги Татыйас с детьми пошла развеяться к жене Усун Андрея. Она шла, держась за длинную и прочную верёвку, свитую из моржовой кожи и протянутую из одного конца села в другой.

...Несколько лет назад Хара Баттах также заблудился во время пурги, но он тогда сориентировался довольно скоро. Выехать в тундру в непогоду его заставила общая беда, нагрянувшая неожиданно-негаданно в их село.

Утром в село Сагастыр с участка Кытах, расположенного на противоположном берегу протоки, вышли две молодые женщины. Подруги направлялись на сеанс привезённого в наслег художественного фильма – на краю земли это было редким развлечением, и были застигнуты пургой на середине реки. Откуда они, приехавшие в эти края недавно, могли знать, что весна на Севере обманчива, погода меняется по несколько раз на дню, причём моментально? Когда они выходили из дома, сияло солнце и ничто не предвещало пурги. И одеты они были соответственно своим представлениям о весенней погоде, а не так, как одеваются люди на Севере. Как только поступило тревожное сообщение, председатель наслежного Совета Басылай Омусап организовал поиски женщин. Среди поисковиков был и Хара Баттах. Он первым делом отправился на участок Кытах, где поговорил с Онньуркой, местной жительницей,

знавшей пропавших подруг. Охотник предположил, что женщины, застигнутые пургой, могли испугаться и решили вернуться домой, но неверно взяли направление. Он сообщил об этом товарищам, сказал, что направится в сторону местности Кындака. Те, в свою очередь, сказали, что, разделившись на две группы, будут искать в окрестностях села. Все были уверены, что далеко уйти подруги не могли.

Между тем пурга разыгралась не шутку. В снежном месиве небо и земля слились воедино, времени суток было не разобрать. Тем не менее, направлявшийся к охотничьей избушке Хара Баттах почувствовал, что уже наступила ночь. Ещё час езды и он понял, что промахнулся с направлением и проехал мимо избушки. Он заблудился.

На четвёртый день пурга пошла на убыль, кругом стало что-то виднеться, и Хара Баттах наконец-то определил, где находится. Оказывалось, он проехал мимо Кындака, и теперь блуждает совсем в другой местности, в районе Сасыллаха. Обрадованный, он повернул нарты в обратную сторону. Во второй половине дня собаки, как вкопанные, остановились возле заметённых снегом двух бугорков, и неожиданно завывали. Ни при каких обстоятельствах и никогда прежде не ругавший собак охотник не сдержался и прикрикнул на жоака упряжи Суолжута: «Ты что мне тут устраиваешь? А ну прекрати выть!» И только потом заметил, что из одного снежного бугра торчит и трепещет на ветру кусок яркой материи. Словно немая мольба о помощи. Его бросило в жар, сердце забило. «О, Боже! Бедняжки... Как же вы так...»

Он осторожно разгрёб рукавицей снег и вздрогнул. Перед ним, подперев руками щёчки, сидела насмерть замёрзшая молодая женщина в лёгком платьице. Она как будто только на мгновение прикрыла свои глаза. Рядом с ней были аккуратно сложенные пальто и шапка. «О, Мааппа, это ты оказывается... Как же так...», – дрогнули губы охотника. «Да, это я... Подожди, убай, сейчас я проснусь...», – словно отвечала она. Вторая женщина замёрзла, положив голову на колени подруги. Хара Баттах с трудом сглотнул ком в горле...

Контора наследного Совета за неимением другого помещения располагалась в здании школы.

– Убай Мэхэлэ, где ты их нашёл? – спросил школьный сторож, когда Хара Баттах доставил в село окоченевшие трупы.

– Тут, недалеко, – только и смог сказать охотник.

Жители Сагастыра похоронили молодых женщин. Якутка Мааппа и её русская подруга Валентина только в прошлом году прибыли к ним из столицы республики, успели понравиться всем, работали на участке по приёмке рыбы.

...Думы, думы. Никто не знает, сколько их одолевают человека, оставшегося один на один с могучей стихией. Беснующийся дни и ночи Большой ветер давит не только физически, но и морально, и только уверенный в себе человек с несокрушимой волей может противостоять этому. Он заставляет себя подняться и идти наперекор любимым ветрам, не сдаваться и не опускать руки. Человек, попавший в такую ситуацию, должен постоянно думать о чём-то, занимать себя всеми возможными способами и, прежде всего, должен успокоиться и не паниковать. Иначе беды не миновать.

Силы Хара Баттаха уже начали покидать его, собаки тоже выбились из сил, но всё ещё верили в своего хозяина и беспрекословно ему подчинялись. Когда они бежали, охотник дремал на нарте, а когда, обессиленные, останавливались и сворачивались в клубок, он не ложился, а старался бодрствовать. Он знал, что многие заблудившиеся во время пурги люди давали замести себя вместе с собаками, оттого и умирали в смертельных объятиях снежных сугробов. На его счастье, он вёз домой немного рыбы, что и спасало их от голода. Время от времени Хара Баттах кормил собак строго отмеренными порциями рыбы. Сам тоже ел. При этом он шутил, поддразнивал собак, разговаривал с ними, словом, делал всё для того, чтобы они не падали духом, ведь эти умные животные чувствуют настроение хозяина, которое передаётся им. Иногда, конечно, они совсем выбивались из сил, ложились на снег, сворачивались клубком

и, казалось, что больше никогда не поднимутся. Но хозяин находил для каждой ласковое слово, и собаки снова поднимались и шли вперёд, словно понимая, что они все тут борются за то, чтобы выжить.

Вдруг на короткое время ветер неожиданно стих, и Хара Баттах успел рассмотреть окрестности и звёзды в прогалинах между облаками. Охотнику этого и надо было! Он сориентировался – они находились недалеко от местности Урасалах. Отсюда до Сагастыра было километров двадцать. Не больше. Все оживились. Опять поднялся ветер, и опять ничего не стало видно, но собаки почувствовали перемену в поведении хозяина и побежали уже совсем с другим настроением. Шли против ветра, вскоре все выбились из сил, и тут неожиданно вожак упряжки Суолжут остановился. Охотник подумал, что они наткнулись на медведя и, развязав одним резким движением тороку поклажи на нарте, мгновенно вытащил карабин. Только после этого в снежной пелене впереди он разглядел какой-то слабый отсвет огня. Сначала ему показалось, что ему уже мерещится от усталости всякое, но видение не проходило – это был точно отсвет огня. Собаки без всяких поуканий пустились вперёд.

Только человек, избежавший неминуемой, казалось, смерти, может понять, что чувствовал Хара Баттах в эти последние минуты перед домом. По мере приближения к Сагастыру он догадался, что это горит костёр в центре села. Его ищут. Его ждут. Сердце учащённо забилося, а на глазах выступили слёзы. Наверное, от встречного ветра...

Хара Баттах думал, что он просто устал, но когда нарты остановились возле дома, и он хотел было по привычке соскочить, только тогда понял, какая неимоверная тяжесть навалилась на него. Он вдруг весь обмяк, тело перестало слушаться, и его жене Татыйас стоило больших усилий помочь мужу зайти в дом. Она обнимала его своими крепкими руками и твердила только одно: «Приехал... Приехал... Приехал...»

Радостная весть о том, что приехал Хара Баттах, моментально облетела село. Все вздохнули

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

с облегчением. Горевший в центре села шесть дней и шесть ночей костёр был потушен. А на завтра выглянуло солнце, явив глазам бескрайнюю тундру до самого горизонта, как будто Великого ветра и не было никогда.

Позже Хара Баттах начал расспрашивать, как он выжил, что ел, что видел, как вели себя собаки, как понял, куда надо ехать и т.д. Внимательно слушали, удивлённо и восхищенно кивали головами, говорили, мол, только ты мог выжить в такой ситуации. Земляки искренне радовались. Уже окончательно пришедший в себя охотник снова стал прежним, к нему вернулся юмор.

— Как блуждал? А что тут скажешь, земля ведь круглая, и где бы ни заблудился, всё равно прикатишься домой.

Все рассмеялись. И эта его фраза — «земля ведь круглая, всё равно прикатишься домой» — стала поговоркой.

* * *

Забраться на крутой склон было нелегко, Хара Баттах вспотел. Сдвинув на затылок шапку, огляделся. Вдали виднелись остатки старой песцовой пасты. Он решил дойти до ловушки и там передохнуть. Выпавший недавно снег скрадывал звуки, и когда охотник почти дошёл до цели, как вдруг чуть ли не из-под его ног с шумом взлетели две большие птицы. Он принял их сначала за полярных сов и потому тотчас опустил ружьё — в этих краях хищных птиц не убивают. Птицы сделали круг и полетели прямо на него, и он отчётливо услышал гусиный крик. Охотник ещё какое-то мгновение колебался — он слышал от стариков, что полярные совы могут принимать обличье разных птиц. И всё равно в последний момент, когда большие птицы пролетали над ним, душа охотника не выдержала, и он двумя меткими выстрелами сразил их. Хара Баттах долго раглядывал подбитых птиц — это точно были не полярные совы — и успокоился. Их головы были покрыты черным оперением, имеющим блестящий отлив. На ще-

ках и боках шеи имелись белые области, плавно переходящие на подбородок и горло. Бока и верх брюха были окрашены в серые тона. Таких птиц, хотя они и были очень похожи на гусей, он раньше не видел.

— Что за птиц ты добыл? — встретили его удивлённые друзья, пытаюсь понять, что это за диковина перед ними.

Хара Баттах развернул крыло одного трофея.

— Даже не знаю. Раньше не видел, но кричат ровно как гуси...

Охотник прошёл в уже поставленную палатку. Железная печка, в считанные минуты наполняющая теплом походное жильё, гудела от сильной ровной тяги и прямо аж вздрагивала от этого. Чайник вскипел. Его крышка, выпускающая пар, подпрыгивала. На расчищенном от снега основании палатки радовали глаз какие-то вечнозелёные стелющиеся растения тундры. После белого однообразия смотреть на это было приятно. Хара Баттах с удовольствием сел на расстеленные лежанки из оленьей шкуры с густой шерстью.

— Друг, Кырсалах, ну и быстро же ты расставил сети. А ну-ка посмотри, что я принёс. В жизни не видел таких птиц. Может, ты знаешь, что это такое?

— Да вроде на гусей похожи... Просто окрас другой. Сегодня, думаю, сварим из них отменный обед! А я пока быстренько попью чаю и пойду, проверю сети. Давно свежей рыбы не ели.

— Это точно!

По давней традиции друзья всегда брали с собой одну большую общую палатку, где много места и где по вечерам можно было вдоволь наговориться перед сном. Они ценили эти минуты общения. Так было и в этот раз. Потихонечку в палатку стали подтягиваться члены бригады, закончившие свою часть работы. Каждый из них тщательно осмотрел ранее не виданных ими птиц, добытых Хара Баттахом. Некоторые уже по второму разу. Хотя никто не знал, как они называются, но все предположили, что это, скорее всего, какой-то подвид гуся, залетевший к ним по ошибке. Решили до-

ждаться Усун Андрея, наиболее грамотного и образованного из них – пусть пояснит, и поэтому ощипывать птиц не стали. Долго ждать себя он не заставил.

– Андрей, мы заждались тебя! Что увидел, что узнал?

– Ничего особенного не заметил. Сейчас попьём чаю и пойдём, поставим несколько сетей. Наверное, не стоит ставить сразу все – слишком много сил и времени уходит потом на их проверку. Что думаете?

– Правильно. И мы так думаем. Догор, посмотри, что добыл Мэхэлэ. Не знаем, что за птицы. Мы решили сначала тебе показать, и поэтому сидим, ждём, не ощипываем. Может, ты знаешь?

С этими словами Кырсалах положил птиц перед Усун Андреем. Тот взял одну из них, положил на колени и аккуратно погладил её своей большой ладонью. Внимательно осмотрел со всех сторон. Затем охотник достал кисет из левого кармана жилета с нерпичьими вставками и закурил. Сизый дым табака проплыл облаком до печной трубы и, гонимый жаром, вернулся обратно. Усун Андрей собирался с мыслями, вспоминал.

– Доготтор*, я, оказывается, знаю. Вычитал в одной книге – это канадские гуси. Ума не приложу, как они оказались в наших краях, ведь они гнездятся в Северной Америке. Хотя к нам ведь тоже иногда залетают заблудившиеся турпаны. Эти гуси, наверное, тоже заблудились. Так что, Мэхэлэ, поздравляю, на ужин ты нам гусей добыл!

Все вновь начали рассматривать трофеи Хара Баттаха. Последним птицы добрались до Хасчыта, чьё имя как раз переводится: «добывающий гусей». «Ну, теперь осталось только съесть их», – сказал он и, придвинувшись к печке, начал ощипывать птиц. Но самым счастливым, пожалуй, был старый охотник. Ведь он не взял грех на душу, убив каких-то запрещённых птиц, и к тому же оказался в центре внимания друзей, добыв не виданные ими ранее трофеи. Довольная улыбка в этот вечер не сходила с его лица.

* * *

Короткий зимний день заканчивался, окрасив просторы тундры в изумительный тёмно-синий цвет надлёдной воды. Пора было кормить собак. Все вышли из палатки. Каждый достал из своих нарт моржовый жир и, аккуратно разрезав на кусочки, обошёл и дал каждому в упряжи причитающуюся ему долю. Желтоватое сало морского зверя бывает твёрдым, и собаки обычно его глотают не сразу, а сначала грызут. Оно очень питательное и вкусное.

– Дай Бог, с завтрашнего дня свежую рыбу будем есть. Чолбон, иди сюда! Возьми свою долю, – Усун Андрей подозвал своего жоака, который единственный из его упряжи не был привязан. Это привилегия старого и мудрого пса, не затевающего свару с другими. Его остальные собаки в нетерпении уставились на хозяина, ожидая своей очереди. Охотник обошёл их три раза, увеличивая с каждым разом порцию.

Покормив собак, бригада направилась к заливу. Некоторые несли на себе пока ещё легкие, не промокшие сети, а все остальные приспособления для подлёдной рыбалки уложили в одни нарты. Рыбаки спешат. Хотя день уже закончился, но выпавший недавно снег подсвечивает темноту и, конечно, люди рассчитывают на свой опыт, который позволяет им работать даже на ощупь. Они понимают друг друга с полуслова, никто никому не напоминает, что надо делать. Быстро расчистили от снега площадки для прорубей, и зазвенел, разлетаясь под ударами пешни, лёд. Вскоре залив покрылся тёмными глазницами прорубей.

К концу работы тундру накрыла мгла – близилась полночь, а дующий с запада ветер, время от времени разгоняющий облака, сквозь которые были видны звёзды, вдруг подозрительно стих. Истосковавшиеся по рыбалке люди возбуждённо переговаривались, шутили, угощали друг друга папиросами и на наметившиеся перемены в погоде внимания не обратили. А между тем в глубине великой тундры уже пробудилась могучая сила, и её первые предвестники в виде

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

лёгкой позёмки заструились по сугробам. Но для рыбаков это было похоже на очередную надвигающуюся пургу, которых они в своей жизни пережили немало.

«Сейчас поедим с крепким чаем гуся – и усталость как рукой снимет», – сказал громко кто-то из рыбаков. Разговор снова вернулся к трофеям Хара Баттах. Все снова заговорили о невиданных ими ранее в этих краях птицах, о старом охотнике, которого не забывает Байанай.

– А разве я мог по-другому угостить вас, друзья! – вторил им в ответ довольный охотник. – Давайте поспешим, а то Кырсалах с готовым ужином нас, наверное, уже заждался.

Рыбаки ускорили шаг.

* * *

На следующее утро все дружно двинулись к морю, которое встретило их свежим ветром. Друзья работали энергично, с видимым удовольствием. Звенели острые пешни, слышались шутки и смех, и вскоре возле лунок уже засверкали серебряные чешуйки. Судя по ячее первым сетей, густо набитых ряпушкой, улов обещал быть добрым. Над заливом, приятно щекоча ноздри, разлился ни с чем не сравнимый для рыбака, и вообще северного человека, запах свежей рыбы. Будет рыба, будет и жизнь.

Хара Баттах, словно вспомнив что-то важное, спешно направился к своей нарте и, развязав тороку, принёс большой, выдавший виды медный котёл. На охотника, двигавшегося с особой пластикой, было любо-дорого смотреть. Он подтянул высокие торбаза из оленьих лап и присел с котлом на уступ проруби. Все заинтересованно посмотрели на него. Охотник, не вытаскивая ряпушек из ячеи, начал выцеживать их икру прямо в котёл.

– Ай да, Мэхэлэ! Каков молодец! Решил угостить свежей икрой! – тотчас слышались одобрительные голоса.

Вскоре старинный котёл работы какого-то искусного мастера был полон янтарной икры, которую Хара Баттах тут же посолил и отнёс к

нарте – рыбаки это съедят вечером после работы. Собаки завистливо облизнулись. Охотник вернулся к проруби, взял несколько уже начинающих коченеть рыбин и разрубил их топориком пополам.

– Наверное, проголодались. Да? Попробуй-те свежей рыбы! – с этими словами Хара Баттах кинул собакам приготовленные кусочки. Послышалось клацание зубов. Ни одна ряпушка до льда не долетела.

Только после этого охотник уселся на нарты, достал якутский нож, с которым он никогда не расставался, нарезал рыбу на тонкие-тонкие полоски и угостил друзей. Рыбаки с удовольствием съели тающие во рту кусочки нежнейшей свежей ряпушки.

...Как и предполагали, улов с самого начала выдался на загляденье. По предварительным прикидкам, не менее 50 ряпушек на один метр сети высотой 6-7 метров. А сетей разной длины в бригаде было много. Все дружно накинулись на выловленную рыбу, которую сложили в десяток длинных штабелей выше человеческого роста. С таких штабелей потом легче грузить улов в нарты и, самое главное, их не заносит снегом.

Вдохновлённые рыбаки сделали дополнительные проруби и добавили к прежним сетям все остальные. О вчерашнем уговоре не ставить все сразу бригада тут же забыла – какие могут быть отговорки, когда рыба буквально сама идёт в сети! Тут, главное, не упустить момента. Между тем ветер усилился, превращаясь на глазах в пургу, и дул уже не переставая: равномерно, не усиливаясь, но и не слабей. Друзья отнеслись к этому спокойно. Они знали, что пора Большого ветра ещё не наступила...

На завтрашний день, дабы не терять времени даром, бригада решила перенести палатку поближе к сетям, прямо на лёд. Договорились, что костёр будут разводить только вечером, а днём обойдутся примусами для чайников – дорога каждая минута!

Рыбаки, прикрываясь от ветра опрокинутыми на бок нартами, весь день проверяли поставленные накануне сети, вытаскивали выловленную рыбу, растирая время от времени

закоченевшие от ледяной воды пальцы сухой древесной трухой, которую носили в специальном мешочке. Вечером сложили рыбу в новые штабеля. Несмотря на усталость, шутки не прекращались. Настроение у всех было отличное.

Хара Баттах, который специально на полчаса раньше друзей пришёл в палатку, быстро раскочегарил печку, поставил чайник и принялся за ужин. Он подождал немного, пока печка приобретёт красный от жара дров цвет, и аккуратно разложил завёрнутые в слой газетной бумаги ряпушки. Старый охотник прекрасно знал, что свежая рыба, приготовленная таким способом в собственном соку, становится особенно сочной и вкусной. И, действительно, к приходу друзей палатка наполнилась восхитительными ароматами.

Бригада поужинала быстро. Несмотря на желание насладиться горячим чаем и традиционными разговорами, они не забыли своих родных и близких, оставшихся дома – рыбаки решили отправить в село Сагастыр свежую рыбу. Все представляли, как обрадуются там, ведь ничего вкуснее рыбы первого улова нет. Уже далеко за полночь две гружёные ряпушкой нарты выехали из лагеря рыбаков. Это были Хасчыт и Пасчыт. Только после этого оставшиеся на льдине рыбаки попили ещё чайку, успели перекинуться парой слов и тут же заснули.

* * *

В необъятных просторах Севера, где в это время клубится кромешная мгла, зародилась безжалостная стихия, и стала быстро наливать несокрушимой силой. Если бы рыбаков не сразил долгожданный сладкий сон, они, конечно, забеспокоились бы, заподозрили бы по всем приметам, что всё это напоминает начало Большого ветра. Например, что ветер начал резко менять своё направление. Причём, во время смены направления он не стихает, а наоборот, усиливается, и опытные люди сразу понимают, что грядет ветер беспощадной штормовой силы. Но рыбаки спали, и видели десятки сны,

а ветер всё усиливался и усиливался, и даже громоподобное гудение печной трубы не могло разбудить друзей.

Так, незаметно для рыбаков, зародился, набрал силу и задул Аргаа Сис Тыала – знаменитый своей невиданной мощью Ветер Западного Хребта, несущий беду всем, кто не укрылся вовремя от него. Так было и в этот раз. Неистовые порывы Аргаа Сис Тыала разметали в глубине моря лёд, и погнали волну убийственной силы прямо в залив, где стояла палатка бригады рыбаков. Волны принесли огромные многолетние льдины, вмиг разломавшие тонкий по сравнению с ними прибрежный лёд. Треск ломающихся льдин сквозь гудение ветра был отчётливо слышен ещё задолго до того, как торосы ворвались в залив, собаки взвыли от страха и предчувствия неминуемой беды, но и это не разбудило рыбаков, умаявшихся от напряжённой работы.

Усун Андрей проснулся оттого, что вдруг ног коснулось что-то обжигающе холодное. В палатке темным-темно, но чувствуется, что она равномерно колышется, и не только от бушующего снаружи ветра. Он вскочил и ударился головой об деревянную жердь палатки, но ещё до этого почувствовал, что окунулся голыми ногами в ледяную воду. Пошарил руками в темноте и, на своё счастье, сразу нашёл торбаза с тёплыми меховыми носками внутри, которые он обычно никогда не вытаскивал. Обуваться было некогда и он, прижав торбаза к груди, устремился к выходу и, поскользнувшись на скользком льду, наткнулся на печь. Его, оседлавшего уже остывшую печь, очередная могучая волна, качающая лёд, вынесла из палатки и потом так же обратно вкатила обратно. Он ещё не до конца успел осознать, что произошло, но понял, что нагрянула беда.

– Вставайте! Вставайте! Беда! – с этими криками Усун Андрей, уже успевший натянуть мокрые торбаза, вновь устремился к выходу.

В это время груди Хара Баттаха, которому снился чудесный сон про то, как он летит, качаясь в воздушных потоках вместе с белоснежными птицами, напоминающими добытых им на днях гусей, вдруг коснулась чья-то холодная

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

рука. От неожиданности он вскочил, поскользнулся, сел на ледяную воду и тут же опять, как ошпаренный, вскочил на ноги. В темноте он услышал взбудораженные крики людей, треск ломающейся льдины. Вдруг послышался перекрикивающий всех громкий голос Усун Андрея: «Беда, друзья! Это Аргаа Сис Тыала! Выходите все немедленно из палатки! Осторожно!»

Только теперь до остальных более-менее дошло, что произошло. Схватив всё, что было под рукой, люди выскочили из палатки, и тут же были унесены в темноту могучим порывом ветра. Их отчаянные крики утонули в вое пурги. Чьи-то зацепившиеся за острые края льдины руки накрыла другая ледяная плита, поднятая и брошенная вниз следующим шквалом.

Когда Усун Андрей выскочил вместе со всеми из палатки, его тоже сбило с ног и унесло куда-то по льдине. Спустя мгновение он ударился затылком об выступ льда и на какое-то время потерял сознание. Очнувшись, он попытался встать на ноги, и в этот момент что-то мокрое, тяжёлое и большое толкнуло его в грудь, и он снова упал. Рыбак оказался под сорванной очередным шквалом ветра мокрой палаткой, которая постепенно превращалась над ним в кусок льда. Он понял, что надо выбираться, иначе неминуемо примёрзнет ко льду. На всякий случай крикнул, но слова безвозвратно улетели в крошечную тьму.

Ему показалось, что его коченеющие ноги начали превращаться в два деревянных обрубка. Он попытался ударами кулака размять застывший и скрюченный брезент, чтобы нащупать полог палатки в надежде найти оленьи шкуры. Вскоре он почувствовал, как с его отбитых костяшек внутри рукавиц заструилась тёплая кровь. Вдруг после очередного, уже вялого, удара его рука провалилась внутрь брезента и упёрлась во что-то мягкое. Сняв рукавицы, пошарил рукой в обнаруженной полости и понял, что это была оленья шкура, которая им заменяла матрас и, самое главное, она была сухая! Ему пришлось приложить немало усилий для того, чтобы вытащить шкуру и обернуть ею свои окоченевшие ноги. Теперь оставалось

укрыться от ветра, что он и сделал, развернув кое-как палатку и сев, прислонившись к ней спиной. Его одежда покрылась ледяной коркой, он весь начал дрожать от холода, но всё равно нашёл в себе силы, чтобы плохо слушающимися пальцами начать разминать колени и растирать грудь. Пока таким образом он пытался разогнать кровь в жилах, вдруг шевельнулись пальцы его ног. От одной этой мысли появилось ощущение, что тёплая волна поднимается снизу и разливается по всему телу. Воодушевленный рыбак сообразил, что внутри палатки могут быть и другие оленьи шкуры. Он сделал усилие и, как и предполагал, нашёл ещё одну оленью шкуру. Тоже сухую. Затем он залез под брезент, где одну шкуру подстелил под себя, другой укрылся и под непрекращающийся вой ветра заснул, окончательно выбившись из сил. Думать о чём-то он уже не мог.

* * *

Неистовый Аргаа Сис Тыала искромсал лёд в заливе на белые с зеленоватым оттенком поля, которые колыхались до самого горизонта – теперь ветер гнал их в открытое море. На север. На одной из таких льдин под заледенелой палаткой, в забытьи между жизнью и смертью, лежал обессиленный Усун Андрей. Его заносило снегом.

Ветер срывал гребни волн, поверхность моря белым-бела не только от льдин, но и от хлопьев пены. И за это светопреставление не с кого спросить – за что разбросали по льдинам этих рыбаков, лишь благодаря которым теплится жизнь в этом суровом краю в бесконечном, как само мироздание, противостоянии человека и стихии? Может, ты, Великий ветер безбрежных белых пустынь тундры и моря, ответишь на этот вопрос? Неужели ты не нашёл никого, равного себе по силе, кто может противостоять тебе? В чём провинились эти люди перед тобой, за какие грехи ты наказываешь их? Ответа нет. Лишь по-прежнему плещут волны и свищет ветер...

В открытом море движение льдов под на-

тиском ветра ускорилось, и начался суший ад. Ещё не заматеревшие льды залива, сталкиваясь с паковыми льдами, раскалывались, как стеклянные, и рассыпались на сотни и тысячи обломков. Кругом стоял невообразимый треск и грохот. На счастье Усун Андрея, огромная волна подняла льдину, где он несколько дней назад с друзьями установил палатку, и опустила на толстый многолетний лёд, дрейфующий в просторах Арктики. Но ни Усун Андрей, ни кто-нибудь другой, кто смог выжить в этом аду, даже не знали, как им повезло. Лишь несколько собак не переставали выть от ужаса. Но их никто не слышал.

* * *

На третий день мощь неистового Аргаа Сис Тыала пошла на убыль, и хотя гребни волн на море по-прежнему опрокидывались и рассыпались мириадами брызг, кое-где на небе уже развиднелось.

Больше всего на свете Чолбон, вожак упряжи Усун Андрея, не любил, когда воют собаки. Но были такие моменты, когда выть хотелось самому, и сейчас был именно такой случай. Он вспомнил хозяина, его всегда ровный голос, крепкие руки, которые ласково трепали его, гладили, кормили вкусной рыбой или жиром морского зверя. Наверное, будь Чолбон человеком, он не то, что бы заплакал, он бы упал на лёд и беспрестанно выл. Но собака своим чутьём поняла, что наступающие в погоде перемены сулят какие-то изменения, и сейчас многое зависит от него.

Умный пёс, который единственный из упряжи на момент начала неистовства Аргаа Сис Тыала был отвязан от шлеи, принялся за дело. Он тщательно очистил морду и лапы от сосулек, пробежал, разгоняя кровь, несколько метров и остановился в лёгком замешательстве – земля под лапами чуть покачивалась, а запах моря стал ещё сильнее. Странно, что всё это он не ощутил раньше. Впрочем, в эти психологические детали он вдаваться не стал, а побежал на

вой и лай собак своей упряжи. Ему хотелось поскорее прекратить этот невыносимый вой. Нарты были занесены снегом. Почему-то только одна собака самостоятельно перегрызла свою шлейку, и она сидела возле товарок и выла, а остальные не смогли, и потому из снежного сугроба наружу торчали лишь их головы. Они были в отчаянии, но все семеро были живы. Чолбон обошёл их и перегрыз всем шлейки. Собаки, ощутившие свободу, тут же вскочили и стали разминать заочковевшие лапы.

Затем Чолбон обежал, внимательно прихвываясь, ближайšie сугробы и остановился возле одного из них. Он начал рыть лапами снег, но, укатанная сильным ветром вперемешку с водой, снежная крупа превратилась в ледяной наст, который собаке был не по силам. Он лишь расцарапал в кровь свои лапы. И тут, неожиданно для самого себя, Чолбон завыл. Не от боли, а от бессилия. Пёс понимал, что любимый хозяин где-то тут рядом, но он ничем помочь не может. Прибежали остальные собаки, уселись возле Чолбона, кто-то начал было тоже подвывать, но вдруг все резко замолкли и уставились куда-то в темноту.

С восточной стороны большой льдины, гонимой волнами в открытое море, в снежной пелене появились две белые фигуры. Это были люди! Собаки чуть не сошли с ума от радости – они дружно бросились к заиндеветшим людям, чуть не сбили с ног, каждая пыталась лизнуть их в лицо. Собаки на Севере знают, что человек в этих краях – это жизнь.

– Ээ, доготор, тише! Тише! – было понятно, что человек, который сказал эти слова, произнёс их, скорее, по привычке, нежели от желания остановить буйную радость четвероногих друзей. Люди сами были искренне рады увидеть собак живыми. Они обняли и приласкали каждого из них, потрепали по холке, дали им лизнуть себя. Люди на Севере знают, что собака в этих краях – это жизнь.

Это были Хара Баттах и Кюстях Федот*. Льдина, на которой раньше стояла палатка бригады рыбаков, раскололась надвое, но почему-то их не разметало в стороны, а погнало параллельно

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

в открытое море, где они были играючи подняты могучей волной и сброшены на одну большую льдину. Здесь-то они и встретились с собаками. Судьбу остальных членов бригады друзья не знали.

Когда волна швырнула их на лёд, они потеряли сознание. Кюстях Федот с самого начала, когда они с Хара Баттахом выскочили из палатки и были снесены ветром, схватил того за пояс и не отпускал ни на миг. Возможно, это и сохранило им обоим жизнь. По крайней мере, они пока были вместе, и оба были живы. Судя по тому, сколько намело над ними снега, очнулись они не меньше, чем через три или четыре часа. Сначала хотели выбраться сразу, но потом Кюстях Федот выглянул наружу и понял, что в беспросветной мгле при шквалистых порывах ветра им делать нечего. Когда он поделился с другом своими соображениями, Хара Баттах сразу согласился. Он верил в физическую силу друга, которая поможет им выбраться из-под сугроба, сколько бы ни длился ветер. Они чуть расширили своё снежное логово и решили дожидаться, когда стихнет пурга. Внутри сугроба было холодно, но не так, как снаружи, где свирепствовал Аргаа Сис Тыала. Спали по очереди.

* * *

Человека, которого в этих краях знают как Кюстях Федота, зовут Федот Карпов. Родом он из Верхневилуйска. Сюда прибыл лет десять назад и сразу удивил местных жителей огромной физической силой, за что и получил от них прозвище Федот Сильный. Он в одиночку перетаскивал волоком свой большой кунгас через перекаты обмелевшей тогда протоки Улахан Тумат. Никто не знал, что заставило его покинуть родные места. На Севере о человеке судят по делам, а не по словам, и потому его никто не расспрашивал, а сам он не распространялся. Впрочем, люди предположили, что Кюстях Федот просто-напросто не захотел впутываться в какие-то мелкие дразги на родине и потому

подался на Север. Так это или не так, никто не мог утверждать наверняка, но он уже десять лет живёт в Сагастыре и уезжать не собирается.

Немногословный, добродушный и справедливый, он сразу расположил к себе людей. Был надёжным товарищем, не раз выручавшим друзей в разных жизненных ситуациях. Люди на Севере, где взаимовыручка ценится как одна из самых главных добродетелей человека, всегда помнят о сделанном им добре. И всегда отвечают добром на добро. Даже если этого человека уже давно нет в живых на этом завьюженном белыми снегами краю земли, и его кости лежали в вечную мерзлоту. «Отец этого мальчика был добрым человеком», – приговаривают они каждый раз, когда ищут и находят любой повод отблагодарить за тепло человеческого отношения.

Как всякий по-настоящему сильный человек, Кюстях Федот никогда не кичился силой, не демонстрировал её при каждом удобном случае. Но люди сами вспоминали все случаи, а потом передавали эти рассказы из уст в уста.

Однажды Кюстях Федот пошёл с друзьями на зверя и один переночевал в охотничьей избушке, известной среди местных тем, что там, якобы, поселился некий злой дух, который устраивает гостям всякие козни и проделки. Никто не помнит, с чего всё началось, но добротная избушка стояла заброшенной давно. Впрочем, стоит такой и сейчас. И в тот раз спутники Кюстях Федота тоже не осмелились переночевать там, а отправились к другой охотничьей избушке. Даже Усун Андрей. Кюстях Федот остался один. Наутро друзья спрашивают его.

– Ну, Федот, как ночь прошла?

– Прекрасно. Даже мышь не побеспокоила меня. Зря только наговаривают на добрый дом, – ответил Кюстях Федот, поглаживая свои густые усы. В уголках его глаз затаилась озорная искорка.

Все переглянулись. Один из охотников решил зайти в избушку и убедиться в том, что действительно всё нормально. Оттуда он вышел с побледневшим лицом.

– Там... Там нашего Федота...

– Ну, скажет тоже, – буркнул якобы недовольно Кюстях Федот.

Все гурьбой ввалились в охотничий домик. Увиденное тоже озадачило их. В доме был стол, сделанный из толстой, в целый кулак толщиной, обшивки деревянной баржи, выброшенной некогда на берег реки. Угол стола был отломлен.

Все стали выражать удивление насчёт силы Кюстях Федота, который ударом кулака отломил толстенный кусок доски.

– Ну, скажете тоже, – опять повторил Кюстях Федот. – Это я ночью за спичками вставал, опёрся об угол стола, он и отломился. Старая ведь доска, трухлявая...

– Ээ, не скажи, друг, – произнёс Усун Андрей. – Это же доска, прошедшая специальную обработку! Она ещё века прослужит! Её голыми руками просто так не возьмёшь!

Все согласились с ним и сказали, что ночью к Кюстях Федоту, небось, сам абаасы* приходил, хотел вытащить за ноги из избушки, но наш оказался молодец, не дался. Никто потом так и не узнал, что в действительности произошло ночью. Иногда охотники по случаю спрашивали его об этом, но Кюстях Федот только отшучивался.

Другая история произошла с ним на острове Дунай арыыта, которая расположена на самом севере дельты Лены и находится примерно в 90 километрах от Сагастыра. Осенью 1928 года Кюстях Федот с недавно прибывшим из Дойду** Львом Габышевым отправился туда на охоту.

Дикий олень осенью мигрирует в лесотундру, откуда возвращается только весной, и потому жители стараются запастись олениной. Иначе зимой останешься без мяса. Но как бы тщательно не прятали люди свои запасы, если хозяин этих бескрайних просторов белый медведь учует запах мяса, то с ним никакого сладу не бывает. Он не только поедает найденное, но и так всё разворочит и изгадит, что после него трудно найти что-то путное для стола. Прямо как росомаха на материке. И вот Кюстях Федот придумал, как сохранить в целостности добытое мясо, если даже его обнаружит медведь. Он решил построить не традиционный лабаз на че-

тырёх столбах, с которых медведи в большинстве случаев всё-таки достают оленину или мясо морского зверя, а на одной. Поделится планом с другом, но тот всё никак не мог взять в толк, как это претворить в жизнь. Как им вдвоём установить собранную на земле глыбу? Он уже заранее представил, сколько она будет весить. Но он верил своему другу и потому взялся за дело.

Хотя в тундре ничего годного для строительства и не растёт, но могучая Лена-матушка река ежегодно приносит массу стволов лиственниц, сосен, берёз. Причём, пока они плывут, гонимые волнами и течением к бесчисленным протокам дельты, чтобы быть потом вынесенными на пустынные берега Северного Ледовитого океана, они так обтешутся, что прямо бери и начинай строить. Ни единого сучка, ни намёка на древесную кору. В дельте Лены бывают такие места, где есть целые напластования брёвен самой разной длины и фактуры, которые копились годами.

Именно этими готовыми материалами и решил воспользоваться Кюстях Федот для претворения в жизнь своего плана. Он нашёл подходящее, как ему показалось, бревно и, воткнув в него топор, вытащил из завала деревьев. Это была выдавшая виды лиственница, древесина которой, казалось, превратилась в железо.

– Я тут столб подходящий нашёл, а ты, Лев, займись пока площадкой. Думаю, что настил должен быть четыре метра на четыре. В два слоя. Тут материала полно, выбирай, а мне надо ещё яму вырыть...

– Ты что, Федот, в два слоя? Это ж сколько он будет весить-то? – удивился Лев, потом немного помолчал, видимо, прикидывая, сколько будет весить вся конструкция. – Как же мы его потом поднимем вдвоём?

– Ты же не хочешь, чтобы вся добытая оленина медведю досталась! А чем семью кормить будешь? Ты, давай, не рассуждай, делай, как я тебе говорю, а там поднимем как-нибудь, – видимо, Кюстях Федота всё-таки задело то, что Лев не очень верит в его затею, и потому он эти слова произнёс в не совсем свойственном ему тоне. Обычно он так резко не выражался.

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

Потом, как бы смягчая сказанное, добавил, что погода меняется и надо поспешить, если они хотят попасть вовремя в Сагастыр.

Лев спорить не стал. Он хоть и прикинул, что всё сооружение – считая площадку и здоровенный столб, который притащил Кюстях Федот, и который Лев даже сдвинуть с места не может, будет весить не один центнер, решил послушаться более опытного в таких делах друга. Хотя, честно признаться, червячок сомнения не покидал его до конца.

Со стороны худой, маленький и острый на язык Лев и здоровенный молчаливый Кюстях Федот, который был на две головы выше своего друга, представляли довольно забавную картину. Они – прямые противоположности, но ладили и прекрасно дополняли друг друга, на охоту и рыбалку постоянно ходили вместе. Таких друзей не разлей вода ещё поискать. Хотя Лев был никудышным стрелком, Кюстях Федот в своих рассказах всегда подчёркивал, что благодаря другу ему удалось добыть немало зверя или рыбы. В зависимости от ситуации.

В Арктике под слоем мха – сразу лёд. Приходится немало потрудиться, прежде чем выкопаете сколь-нибудь глубокую яму. По расчётам Кюстях Федота для установки единственной опорной ноги лабаза ему надо было вырыть яму глубиной примерно полтора метра. Чтобы наверняка и на века. Вскоре яма была готова. Затем он взялся за приготовленные Львом доски – отмерял и отпиливал их до необходимых размеров. Ровно в середине четырёхметровой площадки в два слоя они проделали дыру, куда был вставлен столб и намертво закреплён клиньями. Лабаз был готов, оставалось только его поднять.

– Площадка не великовата? – спросил Лев, прохаживаясь вокруг лабаза, похожего на огромную опрокинутую сахарницу.

– В самый раз, – ответил ему Кюстях Федот и принялся складывать настил из круглых брёвен. Лев ему помогал. Вдвоём, используя бревно в качестве ваги, они водрузили площадку лабаза на настил и, прилагая невероятные усилия, передвинули всю конструкцию поближе к яме,

куда должен был войти один-единственный опорный столб. Друзья запыхались. Поясница Льва разнылась вконец. Тем временем начало темнеть. Решили самый главный этап отложить до завтра.

Лев быстро соорудил ужин. Всё, что касалось готовки еды, было его добровольной обязанностью, которую Кюстях Федот с удовольствием уступил другу. Готовил Лев быстро, не напрягаясь, и у него всегда получалось очень вкусно – будь то рыба, мясо или дичь.

Наутро Лев, который всегда вставал очень рано, затопил печку и, накинув, телогрейку, вышел из палатки. И тут же забежал обратно.

– Федот! Федот! – растолкал возбуждённый Лев своего друга.

– Что случилось?

– Там наш лабаз!

– Что с ним?

– Стоит! Стоит! Вот чудно-то!

– Ну и хорошо. Видать, нам кто-то помочь решил. Может, чучуна? – спокойно ответил Кюстях Федот, но глаза его хитровато прищурились.

Только сейчас до Льва дошло, что это именно Кюстях Федот, пока он спал без задних ног, поставил ночью лабаз на место. Его взяла досада, что строение, которое обязательно войдёт в историю, и про которое все будут говорить, водружён без его участия, и что, в конце концов, он не стал свидетелем настоящей демонстрации силы своего друга. И, действительно, этот необычный лабаз на острове Дунай Арыта в дельте Лены стоит до сих пор. Им с удовольствием пользуются все охотники и рыбаки, которые бывают в тех краях. Лабаз вызывает чувство удивления и восхищения, когда ты узнаёшь, что поставил его один человек. Какой же он обладал поистине богатырской силой!

И ещё две небольшие истории, связанные с Кюстях Федотом, которые благодарные и восхищённые рыбаки и охотники хранят в своей памяти, передают из уст в уста. Однажды осенью большой кунгас рыбаков застрял на мелководье. Пришлось тянуть волоком. Впереди в канат впрягся Кюстях Федот, остальные толкали сзади и сбоку. Намокший гружёный кунгас был очень

тяжёлым, рыбаки выбились из сил и легли передохнуть на борта. Кюстях Федот, не замечая этого, всё так же продолжал тянуть, и только тогда, когда лодка добралась до глубокой воды, оглянулся назад.

– Что-то в один момент тяжело стало, всю спину ломит. Вы так и прокатились, что ли? – спросил он недоумённо, увидев, что все лежат на бортах.

– Ты что, Федот! Мы только сейчас решили отдохнуть, устали совсем, – ответили те, глядя на него честными глазами.

Рыбаки тогда так и не узнали, догадался Кюстях Федот об их проделке или нет, но потом всё-таки не удержались и рассказали всем – они гордились, что стали свидетелями того, как их друг продемонстрировал свою силу. Да что там кунгас, он однажды на медведей с дубинкой набросился!

«Пошли как-то песцовые пасти проверять. Вроде как недалеко, и потому ружья не взяли. Возвращаемся, а там белые медведи, ну, не совсем матёрые самцы, но всё равно достаточно большие, целый погром устроили в нашей охотничьей избушке. И такая досада взяла меня, что я схватил первую попавшуюся под руки увесистую палку и накинулся на них. Хорошо, хоть разбежались. Не знаю, что было бы, если они решили напасть на меня, всё-таки их трое было», – рассказывает неспешно Кюстях Федот. При этом посмеивается, оборачивая в шутку случай, который, на самом деле, мог стоить ему жизни.

* * *

...Обнимая и лаская собак, Хара Баттах и Кюстях Федот решили посоветоваться – что делать.

– Раз собаки здесь, значит, и наши где-то близко. Как найти их? – стараясь перекричать ветер, сказал Хара Баттах.

– Как при таком ветре мы искать будем? Нам бы самим не потеряться. Давай сначала собак соберём, может, нарты где-то рядом. Потом среди собак и отдохнём, хоть согреемся...

Подозвав собак, они первым делом поговорили с вожакom упряжи Чолбоном. Как с человеком. Объяснили ему, что надо постараться найти нарты, там, может быть, какие-то вещи, а то и что-нибудь съестное. У пса загорелись глаза, он завилял хвостом и, обернувшись, словно приглашая всех следовать за собой, целеустремлённо побежал к знакомому только ему одному месту. Все поспешили за ним. Метров через двести Чолбон остановился возле одного из сугробов и начал царапать лапами заледеневший снег. Хара Баттах и Кюстях Федот переглянулись, они поняли, что это, скорее всего, не нарты...

В руках Кюстях Федота был остол – специальная тяжёлая палка с заострённым концом для управления нартами. Она всегда идёт с толстым кожаным ремнём из прочной кожи морского зверя, чтобы не терять при езде, если даже вдруг случайно выронишь. Остол у каюров такая же необходимая вещь, как нож или ружьё. Без него никуда. Разогнавшуюся собачью упряжь без него не остановить. Обычно при необходимости его втыкают в снег между передней и второй поперечными скрепами. Без него также не обойтись, если ты едешь, а собаки, например, вдруг увидели белого медведя и рванулись к нему. Если их моментально не остановить, то ты даже не успеешь вытащить ружьё, как вся упряжь вмиг окажется возле медведя и нападёт на него, даже не думая о том, что они привязаны шлейками к постромке упряжи. Медведь просто прихлопнет их всех по одной. Или другой случай. Встретились в пути два рыбака или охотника на упряжи. И если собак вовремя не остановить, то они такую бучу поднимут, что мало никому не покажется. Гордые вожаки и горло друг другу могут перегрызть. Не говоря уже о том, что при езде нартами надо как-то управлять, а управляют именно остолом.

Кюстях Федот не помнит, при каких обстоятельствах у него оказался в руках остол, но обрадовался. Пригодился он и теперь. При его помощи он ловко откалывал заледеневший снег на куски, а потом откидывал в сторону. Хара Баттах тут же возводил из них что-то вроде снежной

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

стены для защиты от ветра. Вскоре послышался характерный звук, свидетельствующий о том, что впереди пустота. И как только снег обрушился вовнутрь, Чолбон взвизгнул и нырнул в провал. Послышался лай. Вслед за псом, чуть расширив проход, внутрь прополз Хара Баттах и почти сразу наткнулся на что-то твёрдое. Брезент! Это значит, что они раскопали палатку. Он тут же сообщил об этом другу. Чуть вытянув руку вперёд, он нащупал чьи-то плечи. Пробормотав что-то невнятное под нос, Хара Баттах осторожно ощупал человека и понял, что перед ним Усун Андрей. Зная, что замёрзшего нельзя трясти и резко переворачивать, он начал тихонько растирать его щёки. «Андрей ... Андрей ... Андрей ...», – шептал, словно молился кому-то, Хара Баттах. Он даже не знал, жив ли друг. Затем он выглянул в проём и громко крикнул, чтобы его услышал Кюстях Федот сквозь завывание ветра: «Иди скорее сюда!»

Всё это время Усун Андрею казалось, что он находится в бреду и всё это ему снится – завывание ветра, холодный нос собаки, который лижет его лицо, чьи-то тёплые руки, откуда-то взявшийся знакомый голос. И только когда Хара Баттах поднёс зажжённую спичку к его лицу, чтобы рассмотреть его, он издал тихий стон. «Жив! Жив!», – вскричал Хара Баттах и обнял своего друга.

Усун Андрей узнал его, приятная теплота разлилась по телу, но он вдруг испугался. «Вот как, оказываются, умирают», – подумал он. Со слов заглянувших смерти в глаза знакомых он знал, что в последние минуты жизни им всегда видятся близкие люди, любимая собака, а по телу разливается приятная теплота. Да и он сам не раз видел замёрзших людей, которые перед смертью разделись совсем, словно им было жарко. Но вдруг он совсем отчётливо услышал голос Кюстях Федота: «Он, видать, сильно замёрз. Давай, осторожно попробуем растереть тело». «Это не может быть сном, – подумал Усун Андрей. – Или всё-таки сон?»

Не очень просторная снежная берлога быстро наполнилась запахом псины, паром от дыхания людей. Первым делом друзья привели в

чувство Усун Андрея – они несколько раз вдохнули в его лёгкие тёплый воздух своего дыхания, растёрли, а затем весьма энергично похлопали его по щекам. Между делом они отметили про себя, что если бы Андрей не подстелил оленью шкуру под себя перед тем, как забыться, то он бы точно примёрз к ледяной палатке насмерть. Незаменимая на Севере оленья шкура спасла ему жизнь.

Через какое-то время щёки Усун Андрея зарделись, он открыл глаза. Узнал друзей, попытался встать. Те сказали ему, чтобы он лежал, а сами осторожно растёрли все его суставы – пальцы, руки, локти, колени, стопы. Размяли уши, шею, позвоночник.

– Я думал, что всё это снится мне перед смертью, – тихо произнёс Усун Андрей, словно пробуя на ощупь звуки, которые он, оказывается, ещё может издавать. – Если бы не вы, то я бы уснул тут вечным сном...

Хара Баттах и Кюстях Федот, взволнованные не менее своего ожившего друга, долго обнимали его. Наконец все с удовольствием закурили. Потом посмотрели друг на друга, но ничего не произнесли. Наконец, Усун Андрей сказал то, о чём они сейчас все думали, но молчали: «Сколько нас тут осталось в живых? Поискать надо остальных».

– Ветер ещё не стих, ничего не видно. Искать пока нет смысла, сами потеряемся. Андрей, ты, наверное, ещё не знаешь – мы на льдине. Как мне показалось, она довольно-таки большая. Сейчас ветер нас гонит прямо в открытое море, – сказал Кюстях Федот.

– Судя по тому, что собаки перегрызли шлейки, они тут с нартами оказались. Надо бы, когда ветер стихнет, попробовать поискать, – вставил Хара Баттах.

– Верно говоришь. Аргаа Сис Тыала, наверное, всех нас одним шквалом закинул на эту льдину.

– Погодите, – решил уточнить Усун Андрей. – Сколько дней прошло с того момента, когда всё случилось?

– Сами точно не знаем – четыре дня или пять...

Переживая пургу, друзья обследовали сугроб. Оказалось, что Усун Андрея они нашли в снегу возле беспорядочного нагромождения льдов, где есть достаточно большие полости, не занесённые снегом, где можно было бы устроиться на время. Хотели перебраться туда, но потом подумали, что там опасно из-за того, что в любой момент льды могут упасть и задавить. Решили чуть расширить этот сугроб, спать по очереди и следить за тем, чтобы не занесли. Очистили брезент палатки ото льда, расстелили его, подозвали всех восьмерых собак – теперь они, набегавшиеся, отряхнувшие от сосулек и почистившиеся, уже не пахли псиной, шерсть у них была сухая, и от них веяло теплом. Охотники ещё до этого освободили их от обрезков шлейки. Друзья уютно, насколько это возможно в таких условиях, устроились между ними. Перед этим они ещё раз сделали друг другу растирание. Тихо переговариваясь, они время от времени замолкали, и каждый знал, о чём думает другой в этот момент, но они берегли друг друга и старательно обходили болезненную тему. Они старались держаться спокойно, как будто переживают кратковременную пургу, а не Великий ветер, и точно знают, куда и когда придут.

...На льдину, плывущую по воле волн и ветра в открытое море, с невероятной высоты смотрят бесчувственные звёзды. Им невдомёк, насколько счастливы в этот момент находящиеся на ней люди и собаки, которые вновь обрели друг друга. Их от гибельных студёных вод Северного Ледовитого океана отделяет всего пара метров, а над ними вселенский холод. Они не знают, что будет с ними завтра, но в этот момент они живы и согревают друг друга своим дыханием...

Так прошёл этот день.

* * *

Усун Андрей проснулся от громкого урчания своего желудка и понял, что впервые за последние дни он спал спокойно – ведь рядом были

друзья. Понял и то, что к нему вернулось здоровое чувство голода. Это было нормально – жизнь продолжается. Проснулись и остальные. Прислушались к ветру. Вроде не так сильно, как вчера. Прежде чем встать, они снова сделали друг другу растирание. Немного согрелись, разогнали кровь. Первым из сугроба вышел Хара Баттах – сильные руки Кюстях Федота махом вытолкнули его на поверхность, затем он вышел сам и вытянул наружу Усун Андрея.

Ветер ослаб, было видно почти до самого горизонта: вокруг, насколько хватало глаз, простиралось суровое неприветливое море с редкими белыми барашками на невысоких волнах. Гораздо больше было льдин, медленно дрейфующих по чёрной воде. Друзья определили направление ветра – оно оставалось неизменным, и их неумолимо несло на север. На их лицах, вдохнувших полной грудью свежего воздуха, особой радости не было. Это был чужой воздух, воздух студёного и враждебного к ним теперь моря. Сейчас бы они с удовольствием вглядывались в другие бескрайние белоснежные дали и вдыхали воздух родной тундры.

– На ночлег сегодня снова в сугроб? – спросил Хара Баттах.

– Нет. Сейчас надо вытащить палатку, осмотреть её. Вдруг что найдём. Да и опасно в сугробе находиться долго, если начнёт трескаться лёд, боюсь, что не успеем выскочить. Бережного бог бережёт, – рассудительно сказал Усун Андрей.

При помощи всё того же незаменимого остола расширили отверстие в сугробе и вытащили беспорядочно скрученную палатку, насколько возможно растянули её и очистили ото льда и снега. И тут начались находки.

– О, сети! меховые носки! Одеяло! Подстилки! Да тут полно всякого! – восклицал Хара Баттах при виде каждой новой обнаруженной вещи.

Друзья несказанно обрадовались. Для них, оказавшихся на голом льду, забрезжила искорка надежды на выживание. В том, что почти всё, оставленное ими в палатке, оказалось на месте, ничего удивительного не было – Аргаа Сис

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

Тыала вырвал палатку одним мощным шквалом, скрутил её вместе со всем содержимым и швырнул в сторону. Вот они и откопали теперь её. Все набросились на кое-какую одежду, оделись, и у них как будто прибавилось сил, даже лица посветлели, а в руках появилась прежняя резкость в движениях. Воодушевлённые люди решили пойти на поиски нарты. Усун Андрей, выпавший вчера в обнимку со своим верным Чолбоном, согревавшим его, подозвал собаку, ласково потрепал и заговорил как с человеком. Пёс выслушал хозяина очень внимательно, глядя ему прямо в глаза, и даже не попытался лизнуть его, как обычно, в лицо. Он, видимо, понимал важность момента.

– Догор, Чолбон. Надо нарты найти. Очень нужно. Ищи, догор, ищи.

В этих краях хорошая собака бесценна. Чолбон, вожак упряжи Усун Андрея, был не простой собакой. Его родословная по отцовской линии восходит к знаменитым охотничьим лайкам олёмминских эвенков из Токко. Его отца, которого звали Юрюнг Юрюмэччи*, живший на острове Дунай арыыта старик Ахчас обменял в свое время на новенький карабин. Кырса** – мать Чолбона, была из местных северных собак, известных своей выносливостью, работоспособностью в упряжи и умением находить дорогу домой при любой погоде. Чолбон унаследовал от своих родителей их лучшие качества. Некоторые охотники поначалу пытались выкупить у Усуна Андрея его Чолбона, сулили огромные по местным меркам деньги, выставляли новенькие ружья с боеприпасами и не один десяток шкур песца, но охотник отказывался наотрез. С тех пор с этими вопросами к нему никто не подходил. И Чолбон отблагодарил хозяина верностью, он не раз выручал его из самых сложных ситуаций, в которые попадал Усун Андрей во время пурги. Умная собака всегда выводила свою нарту домой, она, как говорили опытные каюры, «хорошо гонит дорогу», иными словами, находит и не теряет давно занесенный снегом след. С Чолбоном охотник добыл немало дикого зверя, на их счету и белые медведи, которых здесь лишний раз стараются не трогать.

После разговора с хозяином пёс побежал на восточную оконечность дрейфующей льдины, за ним двинулись и все остальные. Вскоре он остановился. Для не умеющего читать снежную книгу человека место, на которое указал Чолбон, ничем не отличалось от других таких же снежных заносов, лишь опытный глаз мог определить, что заструги на нём расположены чуть иначе.

– Да, здесь что-то есть, – сказал Кюстях Федот, втыкая остол в снег.

«А я что говорил!», – Чолбон аж крутанулся на месте, глядя с благодарностью на охотника, поддержавшего его. Друзья взяли за единственное имеющееся у них орудие труда – остол, которым они начали выдалбливать из заледелого наста большие куски. Все уже давно не ели, и как бы радостно не было оттого, что они нашли немного одежды и чуть-чуть утеплились, усталость наступала быстро, и поэтому, понимая друзей, Кюстях Федот брал на себя больше. Он был сильнее и выносливее. Упорно отковыривая снег, он неожиданно поймал себя на том, что думает о вещах, о которых раньше никогда не задумывался.

«Почему природа наделяет кого-то особой силой, выносливостью? – размышлял Кюстях Федот. – Может, она, таким образом, даёт понять этому человеку, что в трудные минуты именно он должен брать на себя основную тяжесть. Если так, то я готов помогать своим друзьям до конца. Но насколько хватит моих сил? Почему могучие силы природы играют с нами, как хотят, неужели им некуда направить свою мощь, или мы, люди, годимся только на то, чтобы насмехаться над нами. Неужели так? Нет! Человек должен оставаться человеком в любой ситуации, он не должен сдаваться без борьбы. Эх, где наша не пропадала! Я просто так не сдамся, хотя и говорят, что человек не может предвидеть своё будущее, даже свой завтрашний день».

Кюстях Федот удивился своим мыслям и даже немного испугался: «Неужели все эти думы оттого, что настанет мой последний час, и эта льдина – последнее, что я увижу?» Потом

* Юрюмэччи – Белый Мотылёк.

** Кырса – Песец.

успокоился, подумал, что такие мысли сейчас одолевают каждого из его друзей. И, наверное, даже собак. Всё это время он не переставал орудовать остолом, и вскоре, как и в прошлый раз, послышался характерный звук, свидетельствующий о том, что под снегом пустота. После очередного удара наст осыпался и показался передок нарты. Радость людей передалась собакам, они начали скакать, путаться под ногами, так что пришлось даже утихомирить их.

Первый осмотр показал, что нарты попали в глубокую трещину между льдинами и вытащить их будет непросто. Видимо, постромки порвались ещё раньше, и, может быть, собаки даже спаслись. Уставшие друзья решили передохнуть, закурили.

– Интересно, чьи это нарты?

– Пока не понятно...

* * *

Вытащить нарты, упавшие в глубокую трещину, оказалось делом нелёгким. Сначала, когда показались первые две передние поперечные скрепы, друзья вздохнули с облегчением – теперь пойдёт. Но оказалось, что это вовсе не так – что-то мешало сразу вытянуть нарты, как того, полагаясь на свою силу, хотел Кюстях Федот. Вскоре они увидели, что им мешает. Перед ними открылась страшная картина: здесь, укрытые ледяным саваном, свой последний приют нашли два их товарища – Джюлэй Пётр и Кэлтэгэй Чомоох.

Друзья, потрясённые увиденным, некоторое время стояли молча. Джюлэй Пётр что есть сил схватился двумя руками за заднюю поперечину нарты. Так его и настигла смерть. Правая сторона его пыжиковой парки с оторванными пуговицами была залита кровью собаки, голову которой размозжил тяжёлый остол. Рядом с ещё двумя другими мёртвыми собаками, и также пытаясь ухватиться за поперечину, погиб Кэлтэгэй Чомоох. Другой рукой он, видимо, пытался защититься от обломка льда, пробившего ему грудь.

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

В это время вновь поднялся ветер, словно некая сила хотела укрыть снегом следы своего злодеяния...

– Давайте вытащим сегодня нарты, там, возможно, найдём что-то съестное. Иначе совсем выбьемся из сил. И ещё надо подумать, как укрыться от ветра...

– Андрей правильно говорит, – поддержал Кюстях Федот. – Наши замёрзли так, что мы там, внизу, не сможем им распрямить руки и ноги, вытащить их будет очень сложно. Ими займёмся завтра.

– Это нарты Кэлтэгэй Чомооха, – добавил Хара Баттах. – Я заметил, что тороки не развязаны, а покойник был запасливый. У него обязательно должно быть что поесть. Там ещё остолы есть, может, вытащим, и на дрова пустим, огонь разведём...

Друзья, чтобы немного отвлечься, подозвали собак, приласкали их и очистили от сосулек. Покурили, а заодно и посоветовались. А подумать было о чём. Грузовые нарты с восемью поперечными скрепами сами по себе тяжелы, а тут ещё намертво ухватившийся за последнюю поперечину человек. Как сначала осторожно освободить руки друга, чтобы не сломать их? Они понимали, что иначе нарты им не вытащить. Решили, что Усун Андрей спустится и будет держать руки Джюлэй Пётра на поперечине, пока Кюстях Федот чуть вытянет наверх нарты, а затем они попробуют вытащить поперечину из паза. Так они и сделали, но это стоило им невероятных усилий. Затем они осторожно прислонили Джюлэй Петра к ледяной стене. Смотреть на мёртвого человека, лежащего на боку с вытянутыми вперёд руками, в которых он сжимает последней хваткой поперечину нарты, было жутко...

* * *

...Кюстях Федот развязал тороку большой сумы на нартах, в которой на Севере обычно перевозят все самые необходимые вещи, начиная от всевозможной провизии для людей и собак

и заканчивая боеприпасами. Все, не сговариваясь, одновременно заглянули туда. Кажется, что даже собаки решили посмотреть, что там. Первыми были извлечены брюшки ряпушки, а затем обнаружен шмат моржового жира толщиной в кулак. На дне оказались мешочек с мукой и небольшой топор. Проголодавшиеся люди переглянулись, а у собак потекли слюнки, и они начали скулить. Было решено заморить червячка.

– Изголодавшимся людям надо есть помаленьку, наверное, моржовый жир для начала пососём и с собаками поделимся, – заметил Кюстях Федот и, вытащив свой якутский нож, начал резать жир.

Первым небольшой кусочек достался Чолбону, а затем и всем остальным собакам. И только после этого люди нарезали себе тоненькие ломтики, которые бережно положили в рот. Они даже не грызли и не жевали его, а просто держали во рту, ощущая, как капля за каплей в их истощённый организм вливается живительная сила, чувствуя, как перестают дрожать пальцы и проясняется ум. Друзей из сладкого опеченения вывел резкий порыв ветра.

– Ветер резко усилился, значит, через день-два он пойдёт на убыль. А как только он стихнет, сразу похолодает. Я подумал, что можно было бы построить ледяную урасу, – сказал Усун Андрей.

– Ледяную урасу? Как же мы столько льда из-под снега вытащим? – спросил удивлённый Кюстях Федот, представив урасу из ледяных блоков.

– Ни разу не слышал. Как это может быть? – недоверчиво протянул Хара Баттах.

– О, вы не так поняли! Наша ураса будет совсем другая. Сейчас объясню. Мы соорудим каркас из остолов, и обернём его сетью, которую мы нашли в палатке. Сейчас вы сходите за сетью и палаткой, а я останусь и буду ставить что-то наподобие треноги – это будет каркас урасы. А там уже легче будет. Возьмите собак, а то потеряете меня. Чолбон останется со мной, – сказал Усун Андрей.

Друзья удивились – как просто, оказывает-

ся. Они подумали, что сначала обернут сетью, а потом накроют сверху палаткой – и всё. «Только почему Андрей назвал её ледяной урасой?» – подумали они. Пока Хара Баттах и Кюстях Федот ходили за сетью и палаткой, Усун Андрей осторожно, чтобы не задеть ненароком замёрзшие и оттого очень хрупкие тела погибших товарищей, вытащил из ледяной трещины три остола – три достаточно увесистые и очень прочные деревянные шесты для управления нартами. В ожидании друзей он обвязал их в виде треноги, освободил нарты от поклажи и надёжно спрятал еду подальше от собак, а также собрал образовавшуюся щепу для разведения костра. Чем больше он думал, тем больше убеждался в том, что его план поможет им продержаться какое-то время.

Вскоре прибежали собаки, а затем показали друзей. Один нёс палатку, другой держал под мышкой сеть. Пока курили, Усун Андрей разъяснил, что они будут делать дальше. План был таков. Они освобождают сеть от поплавков и грузил, затем окунают её в воду и когда она достаточно намокнет, вытаскивают и оборачивают ею поставленную треногу несколько раз. А затем быстро, насколько это получится, лепят мокрым снегом мокрые же сети, чтобы они, слипаясь и замерзая, образовали ледяную стену. И так несколько раз, пока не образуется корка достаточной толщины, не пропускающей вовнутрь ветер.

– Вот такой вот план, – подытожил он свой рассказ.

– Если получится, то будет хорошо, – сказал Кюстях Федот. – Вот только снег как будем промокать?

– Вот за что я вас люблю! – воскликнул обрадованный Хара Баттах, уже представивший себе, что у них будет подобие человеческого жилья. – У нас же там ведро есть, в котором мы корм для собак варили! Вот им и будем набирать воду.

Первым делом рыбаки соорудили из остатков остолов деревянные лопатки, которым они будут лепить мокрый снег на стену урасы, и только потом направились к краю льдины.

Как наиболее лёгкий из них, Хара Баттах был обязан постромками за талию и, стоя на краю льдины, окунул сеть в воду. Друзья сделали топориком выступы во льду для ног и держали его вдвоём, чтобы он, не дай бог, не свалился в воду.

– Всё! Тяните! – крикнул Хара Баттах, вцепившись руками в уже отяжелевшую сеть.

Услышав это, Кюстях Федот и Усун Андрей вытянули старика вместе с сетью. Затем Хара Баттах таким же макаром набрал воду в ведро. По его словам, воду он зачерпнул довольно-таки сильно нагнувшись, значит, они плывут на многолетнем льду, который просто так не расколется.

– Ну, хотя бы так, – более-менее успокоились друзья.

Затем они растянули мокрую сеть и сверху набросали снега. Решили дожидаться, пока всё окончательно заледенеет, и только после этого подтянуть сеть к каркасу урасы, а затем и завершить начатое. Довольный тем, что он правильно рассчитал высоту деревянных шестов и что всё пока получается, Усун Андрей предложил перекусить.

Как и в прошлый раз, Кюстях Федот своим острейшим якутским ножом порезал жир морского зверя на восемь кусков для собак, которые уже перебирали в нетерпении передними лапами и смотрели на людей умными глазами. А они смотрели на своих четвероногих друзей, и щемящее чувство нежности к этим прекрасным созданиям переполняло их. Как же иначе! Собака на Севере – это поистине дар богов. Без них, самых преданных и верных друзей, человек бы никогда не обжил эти суровые пространства, где кругом лишь искрящийся снег и белое ледяное безмолвие. Наверное, не зря говорят, что Бог создал собаку, чтобы люди узнали, что такое преданность. Сейчас оставшиеся с рыбаками на дрейфующей льдине восемь собак смотрят на них с надеждой, что всё будет хорошо, люди чувствуют биение их сердец, близкое и тёплое дыхание родных существ, которые ещё не единожды согреют их в этом мире снега, льда и холодной воды. Люди смотрят на собак,

и отчего-то их сердца заходятся в неимоверной тоске и одновременно в них укрепляется вера в свои силы, вера в то, что с этими верными друзьями они не пропадут.

– Ну что, пора за работу!

Стараясь не разбить заледенелый снег, друзья осторожно подняли сеть и обернули ею каркас ровно два с половиной раза – на сколько хватило длины сети. Затем вновь Хара Баттах заглядывал в холодное чёрное море, зачерпывая ведром воду, и вновь друзья подстраховывали его. Приготовленными загодя деревянными лопаточками друзья набрасывали мокрый снег и разглаживали поверхность стены. Воды требовалось много, и потому больше времени тратилось на её доставку, нежели непосредственно на сам процесс. Работа продвигалась медленно. Тем не менее, ещё до того, как снег начал окрашиваться в разные тёмные оттенки, друзья успели пройти полностью один круг. В ледяную урасу, как её окрестил Усун Андрей, занесли нарты, из досок которой сделали наподобие нар. Палатку тщательно отбили от сосулек и расстелили так, чтобы на ней места хватило всем – и людям, и их четвероногим друзьям. Вырезанным из палатки куском брезента сделали дверь.

– Да это настоящее жилище, с которой не сравнится никакой сугроб! – воскликнул Хара Баттах. Усун Андрей заметил, что завтра надо хотя бы ещё один круг пройти. Затем он занёс припрятанные от собак продукты и дрова. Потом подозвали и впустили внутрь собак, которые, по выработанной годами привычке, зайдя в жилище, отряхнулись. Хара Баттах принёс ведро чистого снега, и хождение на этом закончилось. Полог ледяной урасы закрыли и подбили, чтобы он не открылся при порывах ветра. Всё было готово к тому, чтобы наконец-то разжечь огонь.

(Окончание следует)

**Перевод с якутского
Алексея Амбросьева – Сизн Мунду.**

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

В конце прошлого года ООО «Издательско-информационно-технологический центр “Алаас”» выпустило в свет книгу классика якутской детской литературы Тимофея Егоровича Сметанина «Стихи, рассказы, повести, сказка и пьесы для детей» (208 стр. с иллюстрациями, твёрдый переплёт). Большинство вошедших в новое издание произведений впервые переведены на русский язык. В качестве литературного редактора книги выступил народный писатель РС(Я) Николай Лугинов, составители – сотрудники МБУ «Кобяйская улусная библиотека им. Т.Е. Сметанина». Над переводом сборника писателя-фронтовика работали члены СП России прозаик Владимир Карпов и поэт Борис Лукин.

Предлагаем вниманию читателей нашего журнала отрывок из повести Т. Сметанина «Солдат Егор Чэрин».

Тимофей СМЕТАНИН

Солдат Егор Чэрин

Наступление

В последнее время немцы призывали нас сражаться в их рядах. Громкоговоритель у них мощный, слышно на километры. У солдата, как у суслика, ухо всегда настороже: пуля просвистела, самолет загудел, раскат взрыва раздался... пчела зажужжала. А тут голос шпарил и шпарил во всю ширь! Но немцы, они все-таки с приветом: установку пригнали, усилитель звука поставили, но диктор у них говорил с акцентом, а называл при этом себя Ивановым Ивановом

ТИМОФЕЙ СМЕТАНИН. СОЛДАТ ЕГОР ЧЭРИН.

Ивановичем. Звучало так: «Иваньев Ивян Ивянович». Что называется, курам на смех: «Три Ивяна!» «Скоро мы до вас дойдем», — грозились красноармейцы.

Это были не пустые слова: следующим утром начиналось наступление.

А у нас с Гурьяновым ночь прошла в окопе: лейтенант верно просчитал, что немцы в эту ночь обязательно пойдут за нашим «языком». Поставил перед нами задачу.

Притаились, ждали. Скоро увидели три движущихся силуэта. Фашисты. Поползли за ними. Разведгруппа врага приостановилась, потом двое направились вперед, а один остался.

Гурьянов по-пластунски приблизился к нему и нанес удар кинжалом, не успев крепко зажать рот. Фашист громко вскрикнул. Двое отошедших на расстояние фрицев обернулись, принимая положение к бою. Но тотчас один рухнул от моего выстрела: я прицельно метил в ногу, чтобы взять в плен. Другого точно сразил Гурьянов: бил также по ногам. Подоспели и наши парни из второй линии засады. Раненых фашистов уложили на плащ-палатки и унесли. Вот как бывает на войне: пришли фашисты за «языком», но сами стали «языками».

Донаступления оставались считанные минуты. Мы с Гурьяновым залегли в подготовленном нами окопе, хорошо замаскировавшись травой. Тишина, неподвижность. А в крови уже кипел бой, заполняя все существо единственным желанием: победить! Земля враз, вмиг задрожала от грохота канонад. Все засверкало, непрерывный залп орудий заполнил пространство, обрушился на врага с такой силой, что никаким «сказочным богатырям», «воздушным бомбам» не сравниться в мощи и могуществе! Это была долгожданная, сладостная солдатскому уху музыка — потому что это грохотала наша артиллерия! Наша артиллерия била врага! И каждый с отчетливостью понимал глубину и правоту выражения: «Артиллерия — бог войны!»

Да что там мы, воюющие здесь солдаты, все, от мала до велика, от Кушки до Верхоянска, от Бреста до Камчатки, весь советский сплоченный

народ ждали этой артиллерийской канонады! Ур-ра-а, ур-ра-а! За Родину, за партию! И пехота с боевым криком бросилась на врага! Артиллерия затихла и начался бой. Для нас, снайперов, пришла желанная увлекающая работа: мы палим, только успеваем менять обоймы с патронами, винтовки раскалились от выстрелов.

Со стороны вражеского окопа застрочил пулемет. Действовал прицельно, повалил несколько наших солдат. Задача снайперов: уничтожить пулеметчика. Фашистский снайпер меж тем нас заметил: попал в мою винтовку, пуля рикошетом ушла в сторону.

— Мотуруону, мотуруону! — в порыве азарта кричу я по-якутски Гурьянову.

— Какую Матрену? — растерялся он.

— Патроны, патроны давай! — опомнился я.

Гурьянов подал мне патроны. И дальше я краем глаза увидел: Гурьянов поднялся и побежал прямо на пулемет, стреляя на ходу из винтовки. Пулеметная очередь прошла пространство: Гурьянов упал. Но и пулемет замолчал! Наши бойцы снова поднялись с криком «ура», пошли вперед.

Я бросился к Гурьянову:

— Гурьянчик?! Что с тобой?!

Пуля попала ему в ногу. Я чуть не плакал от радости, что он жив. Подал из фляги воду, он с жадностью стал пить. Подбежали санитары и унесли моего друга. Я даже не успел попрощаться, а ведь после госпиталя он может оказаться в другой части. Война.

Взорвался неподалеку снаряд, и я прикрепил к винтовке штык и побежал вперед, на врага. В гущу солдат, где шла рукопашная. Один вцепился в горло нашему солдату, я проткнул его под лопаткой. Бросился дальше, стреляя. Нас, бегущих бойцов, стали обгонять танки. Мы на ходу карабкались на «железных коней», стрелять из-за башни танка было сподручнее. Вновь громынуло, машину подбросило, все потемнело. Опомился: лежу на земле. И тишина. Бой шел, земля вздымалась от взрывов, а я ничего не слышал. Закричал, а голоса словно не было. Побежал что есть сил. Достиг берега реки, припал к воде, холодной, слаще сладкого!

ТИМОФЕЙ СМЕТАНИН. СОЛДАТ ЕГОР ЧЭРИН.

Утолил жажду, снова побежал. Остановил меня санитар. Как потом выяснилось, была у меня контузия. Поэтому я ничего не слышал. Ну и дела...

СТАРШИНА ШАГУРОВ

Через три дня меня выписали из медсанбата и, в связи с контузией, направили в пехоту. На один месяц. Слух вернулся, хотя в ушах стоял постоянный гул. «Это временно», – успокоил врач.

В пехоте был и мой земляк Николаев. Я стал расспрашивать, знает ли он хоть что-то о Гурьянове? Но Три Николая тоже о нем ничего не слышал. Был лишь огорчен тем, что когда-то обидел Гурьянова, настоящего героя!

Земляки на войне всегда спешат поделиться новостями с родины. Только разговорились, раздалась команда, чтобы старшина Шагуров и солдат Чэрин отправлялись в штаб. Шел, прикидывал: понятно, зачем в штаб вызвали Шагурова. Он маститый разведчик! Но зачем вызвали меня? Неужели чтобы вместе с самим старшиной Шагуровым направить в разведку?! – от этой мысли сердце начинало биться воробушком у весеннего ручейка. Но старшина в разведку всегда ходил один, говоря: «Так надежнее и шума меньше». О подвигах Шагурова слгались легенды!

– А верно рассказывают, – не терпелось мне из уст самого знаменитого разведчика услышать истории его подвигов, – что вы однажды переоделись в немецкую форму и легли среди убитых фашистов на поле боя?

– Ну? – отвечал он.

– А ночью пришли немцы, чтобы унести своих. И когда вас стали укладывать на плащ-палатку, как закричите страшным голосом: «Р-ы-ы!» – я почему-то изобразил рев медведя. – Немцы от испуга врассыпную, а один в обморок упал?!

– Ну, видишь, ты сам все знаешь...

– И прямо на этом же плаще вы этого обморочного немца так и приволокли в часть?! Он потом хоть оклемался?!

– А куда ж ему деться?.. Иначе бы я его обратно уволок, на поле боя.

– А вот этот случай – вы вышли на охоту, видите, два фрица ползут. Вы первого пропустили, а второго закололи своим булатным кинжалом. Надели его каску, и вслед за первым, будто его напарник. Этот оглядывается, видит фашистскую каску, и ползет дальше. А вы его подбадриваете: «Гут, гут!» Так и приползли прямо к нашим?!

– Приползли, и я ему говорю: «Ну, что, парень, пришли, вставай».

Я представлял, как это было: немец сам приполз в стан наших войск! Смешно было до слез!

– Да и мы с тобой пришли, – улыбался прославленный разведчик.

В штабе меня назначили под командование Шагурова отправляться в разведку. Я был на седьмом небе от радости!

– Ну что же, иди, хорошенько покушай, и сразу ко мне. Будем разрабатывать план нашей разведки.

ЗА РЕКОЙ

Целый день мы изучали местность. Смотрели в бинокль, в стереотрубу и составляли свою карту. Лето на западе и юге нашей страны совсем другое, чем в Якутии. У нас день и ночь светло, а здесь – ночью темно, как на Севере зимой. Для разведчика ночь самое подходящее время. Снарядились: гранаты, автоматы и провизия. Впереди была небольшая, по сибирским меркам, река. Мы заранее выбрали место с обрывистыми берегами, где фашисты могли поджидать нас менее всего. Но и глубина здесь была немалой: пришлось перебираться вплавь. В овраге сделали привал: отдышались, обсохли маленько, перекусили: в разведке, как на охоте, аппетит разыгрывается. Да и тушенка в банке – не солдатская каша!

Поднялись по склону оврага, затем стали передвигаться по-пластунски. Глядим: три землянки. Часовой дежурит у одной из них, знать, это офицерская. Шагуров переоделся в форму

немецкого офицера, спокойно направился прямо на часового. Вскинул руку в фашистском приветствии, тот ответил тем же. И тотчас обвис на руке Шагурова: разведчик виртуозно владел своим знаменитым кинжалом. Я тем временем отрезал телефонный провод. Мы, по взмаху руки Шагурова, забросили в солдатские землянки связки гранат. Взрывы, грохот. Фашистского офицера Шагуров перехватил прямо на выходе из его блиндажа, приставив дуло пистолета к затылку. Офицер поднял руки. Мы забрали карту, документы. Оказалось, что перед нами майор. Шагуров мог объясняться по-немецки, предупредил пленного, что при попытке к бегству будем стрелять на поражение.

Обратно бежим втроем. Немец со связанными руками чуть впереди: мы прикрываем его спину от немецких же пуль, нагоняющих нас. Разрыв снаряда, и я осознаю, что лечу – долго, долго, к палящему солнцу.

Когда пришел в себя, услышал немецкую речь. Оглянулся: немцы вокруг.

«ГОСПОДИН ЧЭРИН»

Фашисты меня посадили в сарай и закрыли на замок. Обер-лейтенант по имени фон Рюллих поставил у двери часового и приказал охранять. Его старший по званию приятель, капитан фон Рих, при этом делился новостями: в школе я получал Похвальные грамоты по немецкому, не дословно, но в целом речь вражескую понимал.

Фон Рих: Слышал, ночью советские разведчики выкрали соседа, майора Куга!

Фон Рюллих: Да, очень плохо... Спаси, Бог, майора Куга!

Фон Рих: Майор Куг – хитрая лиса. Уверен, он не покойник. Скорее всего, сдался сам. Скоро, наверное, будет по радио и нас призывать сдаться.

Фон Рюллих: Кстати, насчет радио, господин капитан: к нам привезли установку.

Фон Рих: Нужно воспользоваться случаем, обер-лейтенант. Надо заставить этого пленного русского азиата выступить по радио.

Фон Рюллих: Да, да! По разведанным, у них много азиатов по национальности якуты. Он может призвать своих, якутов, перейти к нам. Мы пообещаем деньги, сытную пищу, звания! В моей практике было: когда пленные призывали перейти на нашу сторону на своем родном языке, то после их выступления по радио к нам присоединялись иногда по 100 перебежчиков!

Фон Рих: Ха-ха! А расстрелять этого якута мы всегда успеем.

Фон Рюллих: Только после того, как выступит по радио. Потом мы еще потешимся над ним.

Фон Рих: Ха-ха! А вдруг он скажет по-своему совсем другое? У нас ведь нет человека, знающего якутский?

Фон Рюллих: Мы ему объясним, что у нас еще есть пленные якуты, они переведут его речь. Будем агитировать, подкупать, врать, как угодно. Радио завтра увозят в другую дивизию. Так что есть только один день.

Фон Рих: Как говорит господин Геббельс, мы должны заставлять русских солдат агитировать по радио постоянно. Единственное, может быть, все-таки стоит быть предусмотрительнее. Пусть этот якут агитирует по-русски.

Фон Рюллих: Он по-русски говорит так плохо, что его порой и не поймешь...

Фон Рих: Ну, что же, это обнадеживает.

Скоро в замке на двери сарая щелкнул поворачивающийся ключ. Вошли два фрица: офицер фон Рюллих и часовый.

– Прошу, господин солдат, – галантно указал на выход офицер, обращаясь на ломаном русском языке.

Надо же, думаю, в «господа» попал! Накинув шинель, вышел в сопровождении конвоя.

– Прошу сюда, господин солдат, – теперь вежливый офицер указал на дверь дома: я заподозрил, что фон Рюллих и был тем «Иваном Ивановичем Ивановым», который призывал по репродуктору нас перейти на сторону «Великой Германии».

Я поднялся по крыльцу, вошел. Мамочка родная: стол, заставленный яствами! И кринка молока посредине.

ТИМОФЕЙ СМЕТАНИН. СОЛДАТ ЕГОР ЧЭРИН.

– Давай знакомиться, я обер-лейтенант фон Рюллих, – как равному, протянул руку немецкий офицер.

Думаю, а что?! Пища для солдата не враг. Тем более, в русском доме, пусть и оккупированном. Тушенка вот немецкая. Ну да, едали мы и такую: свинья она, не вражеская! «Кушай всласть, солдат Чэрин, может статься, в последний раз такое пиршество!» – подумал я и сел за стол. Умял столько, что сам удивился. Мне подавали, а я все ждал: когда за мою обработку возьмутся?

После трапезы повели меня в другой дом. Здесь дожидался фон Рих.

Фон Рюллих: Господин капитан, мы подготовили для него речь на русском языке. Он такой покладистый, со всем соглашается, скажет то, что нам нужно.

Фон Рих, уже по-немецки, назвал меня молодцом. Я улыбался и хлопал глазами, будто ничего не понимал. Капитан, тоже улыбнувшись, добавил, что перед ним совершенный обалдуй.

«ТОВАРИЦИ, Я ЧЭРИН!»

Меня снова куда-то повели. Думал, ну, сейчас усадят перед микрофоном, дадут написанный текст, чтобы я толкнул нужную фашистам речь. Входим в другой дом, и я ожидаю увидеть радиоустановку, но вместо этого – опять передо мной стол, накрытый разной едой. Казнь мне они такую решили устроить, что ли? Закормить до смерти! Но якуты много кушать привычные: мороз, иначе замерзнешь! Ем в свое удовольствие!

Фон Рюллих: Послушай, господин Чэрин. У вас там есть много якутов. Скажи для них по радио хорошую речь! Если убедишь их воевать на стороне Германии, будешь жить у нас припеваючи! Пошлем тебя далеко в тыл, а закончится война, поедешь к себе домой. Мы назначим там тебя большим начальником! Понял.

Чэрин: Моя понимай. Моя говорить радио, и хорошо кушай.

Фон Рюллих: Правильно. А если вздумаешь говорить обратное, то пеняй на себя. Думай,

думаю, если хочешь, чтоб голова осталась целой.

Чэрин: Моя голову бережет. На войну ехала, железный шапка одела, чтобы голова был цел. Вот моя какой!

Фон Рюллих подал листок с текстом на русском языке, который я и должен буду прочитать по-якутски. Я пробежал его глазами.

Фон Рюллих: Господин Чэрин, ты запомнил, о чем будешь говорить?

Чэрин: Якута сюда ходи. Шибко сладко будешь кушай!

Обер-лейтенант похлопал меня по плечу с той же, как была у капитана, довольной улыбкой, которая говорила, что перед ним абсолютный обалдуй.

Вечером приехали на машине к передовой. Пересели в агитационный автомобиль, который под маскировкой стоял в глубокой яме. Только рупор торчал наружу. На весь простор звучали русские народные песни. Затем диктор фон Рюллих зачитал «последние известия» с фронта: выходило, будто доблестная немецкая армия везде побеждает, а Германия в это время живет припеваючи: производство растет, урожаи увеличиваются, товаров и продуктов в магазинах в изобилии.

– А теперь слушайте вашего русского солдата Трофима Иванова. Он перешел к нам добровольно и пользуется всеми благами на равных с солдатами Фюрера, – произнес фон Рюллих.

Высокий русский солдат сел к микрофону. Я подумал: если этот Трофим начнет агитировать за фашистов, попытаюсь выхватить пистолет из кобуры обер-лейтенанта, пристрелю предателя! Хотя сделать это было непросто: конвоиры держали автоматы наготове.

– Товарищи, – начал Трофим Иванов. Замолчал на миг. – Товарищи, я, русский солдат, призываю вас биться с врагами до последней капли крови! Разбейте врага!

Фон Рюллих спешно выключил микрофон, а солдат еще успел крикнуть:

– Наше дело правое, мы победим!

Охранники прочертили его автоматными очередями. Так погиб простой солдат Трофим Иванов.

– Видел? – фон Рюллих приблизился ко мне почти вплотную, – поступишь, как этот, – обер-лейтенант указал на тело русского солдата, – также погибнешь.

Я силился сохранить широкую, во все лицо, улыбку, которая так понравилась немецким офицерам.

– Не надейся, что можешь прибегнуть к обману, – продолжил обер-лейтенант. – У нас есть человек, который будет тебя контролировать.

Открылась дверь радиорубки, подталкиваемый автоматчиком, вошел человек азиатской внешности. Мы не были знакомы, но прежде мельком видел его, когда лежал в госпитале. Это был казах. Но даже, если бы я его никогда не встречал, сразу определил бы, что это не якут. Мы оба принадлежим к народу одной этнической группы, в которой казах может понимать речь киргиза или живущего далеко от него, на Волге, татарина. Но якутский язык другие тюркские народы не понимают, потому что якуты, на века «отрезанные» от «Большой земли» расстоянием и природными условиями, сохранили древнейшее произношение. Казах знал, что не поймет мою речь. Но и фон Рюллих об этом знал. Просто для него, немца, мы были на одно лицо, и он рассчитывал: если передо мной будет азиат, так я приму его за якута.

Уже не приходилось растягивать рот в улыбке: мне и правда было смешно. Теперь уже я думал про обер-лейтенанта: полный обалдуй! Казах улучил момент и едва заметно подмигнул. Язык друг друга нам не понятен, но мы же советские люди!

Меня усадили перед микрофоном. Знать, для пущего моего вдохновения фон Рюллих приставил дуло пистолета к моему виску. Вновь прозвучала русская народная музыка, которую сменили звуки киргизского трехструнного комуза. Сложно, конечно, разобраться фрицам в тонкостях нашей национальной жизни: якуты предпочитают варган-хомус – духовой инструмент!

Музыка утихла.

– Доблестные бойцы, якуты! – объявил фон Рюллих. – Послушайте своего друга Егора

Чэрина, добровольно перешедшего на службу Великой Германии.

Я два-три раза кашлянул: мне до сих пор не приходилось говорить в микрофон. Тем более, с дулом у виска. Заговорил на родном мне якутском языке.

Мне вспомнился герой якутского эпоса Нюргун Боотур, который защищал свой народ. И я призвал воинов якутов бить врага и отстаивать свою родину, великий Советский Союз, как Нюргун Боотур Стремительный! К земляку Николаеву я обратился отдельно: попросил, чтобы он не сообщал о моем положении домой.

– Что-то я имени Сталин не слышу, – выключил на время микрофон фон Рюллих, – ты же про Сталина должен сказать, что это тиран, злодей!

Я кивнул в согласии.

– Уруй! Айхал Сталину! Уруй! Айхал Красной Армии!.. – слово «уруй» и для русского бойца было понятно: «ура!», а что такое «айхал» в нашем батальоне знали все: слава!

– Что-то ты не то говоришь?! – вновь отключил вещание обер-лейтенант. Он еще глянул в надежде на пленного казаха, но тот лишь пожал в ответ плечами. – Где твоя идиотская улыбка?! Ты забыл про нее?! Ты прокололся, советский разведчик! У тебя совсем другое лицо?! Вздумал водить за нос немецкого офицера?!

Дуло парабеллума теперь ткнулось в лоб.

– Нет, – засмеялся фон Рюллих, – застрелить – это для тебя слишком легкий выход. Иголочки, иголочки под ногти! Пытка! Ты у меня расколешься!..

«ПРОЩАЙ, МОЯ ШИНЕЛЬ!»

Меня бросили в подвал, закрыли на замок. Стояла кромешная тьма. Нашупал стену – сырую, с плесенью. Пошел вдоль, пытаюсь измерить размеры помещения. Рука наткнулась на гвоздь: большой, с ощутимой ржавчиной. После эфира немецкого радио был я весь взмокший от волнения. Снял шинель, повесил на гвоздь: главное, не забыть, в какой это стороне. В тайге, на охоте, тоже иногда

ТИМОФЕЙ СМЕТАНИН. СОЛДАТ ЕГОР ЧЭРИН.

приходилось идти в полной тьме, так что и звезд не видно. Но каждый охотник «спиной» помнит, откуда он пришел. И поэтому хорошо ориентируется в пространстве. Без шинели, налегке, стал шарить руками ниже, куда бы присесть или прилечь? Вдруг нащупал чью-то руку, плечо. Здесь еще есть человек!

– Кто ты? – спросил я.

Молчание в ответ. Потрогал лицо: ледяное. Труп. Тело лежало на шинели. Глаз к темноте начал привыкать: уже различил звездочки на пуговицах. «Бедный, – сжалось мое сердце, – убит или замучен?» Пошарил по карманам в надежде найти хоть какой-то завалевшийся документ, письмо – ничего! Откуда человек родом? Кто? Как звать-величать?

В сыром подвале скоро пробрал холод: когда распаренный, зябкость чувствуется острее. Я сел рядом с убитым солдатом, накинув на себя его шинель.

Фон Рюллих: Господин капитан, этот пленный русский якут Чэрин работал под дурака. Не скрою, сумел убедить меня. На самом деле, он наверняка засланный шпион, не удивлюсь, если он знает и немецкий язык.

Фон Рих: Последнюю точку в этой комедии поставим мы. Доставьте мне удовольствие: я буду пытаться его сам. Накалите шомпол, приготовьте иглы, которые мы вгоняем под ногти. Он у меня развяжет язык...

Фон Рюллих: Вот хорошие иголки...

В подвале я готовился к пыткам. Заранее стискивал зубы и «терпел» пока воображаемую боль. Послышался звук отпираемого замка, щелкнул засов.

– Русс, выходи! – появился в просвете двери немецкий солдат.

– Тебе надо, ты и выводи, – ответил я.

Он со свету шел совершенно слепо. Заходил в подвал, выставив дуло автомата и нашаривая ногой почву.

– Шнель, выходи! – повторил он, наткнувшись на тело мертвого солдата.

И пока он тряс покойного, я опрометью, кошачьими шажками, как это с малых лет умеет делать любой охотник в тайге, шмыгнул к выходу.

Краем глаза еще видел, как солдат тыкал дулом в мою шинель, висящую на гвозде: «Рус, аускан, шнель»!

Ох и дал я теку: во всю прыть в темный лес за околицей! Слава-айхал южному лесу с его густыми пышными зарослями! Слава-айхал укрывшему меня духу темного Леса!

СНАЙПЕРСКАЯ ВИНТОВКА

*«Родная ты моя,
Пятизарядная винтовка!»*

Кюн Джурбинэ

В Якутии лес редкий, от сильных ветров и морозов много валежника. На юге деревья растут густо, пышно, ветки раскидистые. Дремучий лес, в котором быллинный богатырь Илья Муромец и изловил Соловья-разбойника. Не будь такого леса, быть бы мне в лапах врага. Еще некоторое время за мной шла погоня, за спиной слышалась стрельба, все отдаляясь, стихая: на мотоцикле фрицы здесь не развернутся, а пешим им за мной, в легкую преодолевавшим десятки километров по родной северной тайге, не угнаться. Воздух такой свежий! А воля – сладка! Да здравствует она, вольная воля!

Наступило утро. Я, наконец, прилег: очень хотелось спать. И есть. Но есть было нечего, а спать нельзя. Разогнал дрему, и снова вперед. Вышел к открытому полю. Сгоревший немецкий танк со сбитой башней и склоненным дулом стоял посередине, вокруг него лежали тела убитых фашистов, валялись кругом стреляные гильзы. Бой был здесь кровопролитный! Вдали виднелись остатки деревни с голыми печками и трубами от сгоревших домов. Сделал еще несколько шагов – наши окопы. Ящик с минами. Блиндаж. В углу – вещмешок. Открыл – две банки концентрата и черствый, но не заплесневевший хлеб! Вот повезло! Нашел солдатскую каску, почистил ее: теперь это котелок. В углу блиндажа стоял бачок с водой. Зажигалку нашел в кармане навсегда отвоевавшегося фрица: в одном из его карманов фотография лежала – он, видно, жена

и ребенок на фоне добротного дома. «Зачем ты сюда притащился?! Зачем?! – не выдержал я. – Мы тебя не звали! Мальчишка без отца остался, кто виноват?!» Положил фотографию обратно: пусть хоть так семья будет с ним. Человек тоже.

Набрал еще сухих веток, разжег маленький костер. Скоро в «котелке» закипел суп. Ну и наваристый же суп получился из двух концентратов!

Дул легкий ветерок, уносил дым: мне это на руку, труднее обнаружить. Однако и расслаживаться было нельзя. Прошелся, осмотрелся еще вокруг: обнаружил саперную лопату. Забрал, мало ли, в пути согдится. Шагнул дальше – солдат убитый. Наш. Вперед бежал, наступал. Лежал на земле, будто в беге. Еще осмотрелся – винтовка в траве метрах в пяти. Солдат упал, подсеченный пулей, а винтовка еще по инерции летела. Да и не просто солдат, а снайпер: снайперская винтовка! И патронташ на теле почти с целехоньким боекомплектom!

«Спасибо, друг!» – поблагодарил я снайпера. – Я, снайпер Чэрин, перед тобой в долгу. Буду за двоих их бить, фашистов проклятых!»

Вырыл подобранной саперной лопатой яму. Похоронил погибшего солдата. Постоял, склонив голову и сжимая в руке нашу общую винтовку. Силы наполняли меня – тоже за двоих! А то и за троих – у меня и перед тем солдатом долг, из радиорубки, который до конца был верен своему Отечеству.

БЛИЗКИЕ ШТАБЫ

Очень хотелось скорее вернуться к своим, на передовую. Но сначала нужно было отдать долг работникам пропагандистской машины фашизма: фон Рюллиху и фон Риху.

Вернулся в окоп, взял из ящика боеприпасами для 120-миллиметрового миномета несколько мин. Отвинтил головные взрыватели, чтобы не тюкнуть ненароком ударником о капсюль. Сложил приготовленные мины в пустой ящик, взвалил на плечо и пошел незванным гостем туда, откуда едва унес ноги. Дорогу я знал,

расположение штаба, жилых помещений, «тюремных камер» для захваченных солдат – тем более!

Устроился на дереве – в оптический прицел видно хорошо и далеко. Фон Рих вышел из своей «конторы». Во дворе у него терраса, длинный стол, кресло. Сел, толстый немец принес ему чай, похоже, с медом. Наш мед-то, у сельчан отняли! Так и тянуло взять на мушку и решить дело. Но нет, план был иной, а старшина Шагуров учил: от плана, если и отступать, то только в экстренных случаях. Фон Рюллих явился, подал документы, капитан углубился в чтение. Приоделся, как на парад: погоны блестят на солнце! Трех пленных вели в знакомый сарай!

Надо было ждать темноты, а пока можно и поспать: охотник может спать в любых условиях и в любое выдавшееся время. Нападет на след – поспать не удастся, может, и неделю.

Ночью прополз к немецкому штабу с миной. Устал, вспотел, сдерживал частое дыхание: часовой прогуливался вдоль стены. Хрустнула ветка подо мной, я замер. И фриц приостановился, стал прислушиваться. «Мяу», – и спасительно прошмыгнул по двору кот. В соседнем дворе послышался лай собаки. Фашист прошел дальше, скрылся за углом. Я положил мину вблизи стола, прикрыл лопухом, оставив снаружи только самый конец с обнаженным капсюлем. Головной взрыватель положил рядом на пенек: привести мину в действие он не мог, но мог полететь самостоятельным снарядом. Вернулся, приволок еще одну мину туда, где жили немецкие солдаты.

Уполз обратно, устроился на месте своей дислокации. Дождался утра. Толстый солдат в очках принялся стирать белье в корыте: это хорошо! Значит, местных здесь нет совсем, иначе бы стирали женщины или дети.

Солдаты около своего дома сели кушать за длинный стол. Повар накладывал кашу в чашки.

Подъехала «эмка», вышел грузный немолодой офицер. Капитан и тотчас прибежавший обер-лейтенант перед ним вытянулись в струнку. Солдаты за длинным столом тоже вскочили в их фашистском приветствии. Видно, важная

ТИМОФЕЙ СМЕТАНИН. СОЛДАТ ЕГОР ЧЭРИН.

птица «прилетела»! Все трое офицеров сели за стол на террасе, фон Рюллих сам подливал чай важному гостю и подставлял чашечку с медом. Чаевничали и обменивались документами, что-то обсуждая.

Хватит, действовать дальше будем в соответствии с моим планом. Целился долго: попасть в капсулю из оптической винтовки в иное время для меня было бы делом нехитрым. Но сейчас, что называется, на кону было многое: промахнись, и «сняли» бы меня с ветки, как глухаря. Выстрелил. Мина взорвалась. Я проследил полет офицерского состава вместе со столом. И теперь уже, без ожиданий, выстрелил в капсулю другой мины. И там фрицы разлетелись от взрывной волны. Однако тот штабной офицер, что приехал, по-пластунски пополз за дом. Еще выстрел – ах, как же хороша винтовка, какой у нее выверенный прицел! И я еще раз говорю ему, незнакомому мне павшему в бою русскому солдату, спасибо!

Оставшиеся в живых фашисты разбегались кто куда, потому что невозможно было понять, откуда «наступление». Мины разрывались во дворах, но где миномет, выпустивший их?! Нескольким фрицам все-таки направились и в мою сторону. «Снял» пулей замок с двери сарая – трое солдат, взятых фашистами в плен, только того и ждали. Через мгновение в их руках – немецкие автоматы, завязалась перестрелка, я старался опередить того, кто целил в наших. Снайпер – боец особый! Зря не палит – шлеп, враг сражен!

Растерянные фашисты, получая пули в спину, начали палить с разворота друг в друга. Вдруг застрочил пулемет – пули засвистели рядом, кто-то вычислил мое местонахождение. Включил ноги, а подмытую дождями пещеру под корнями векового дуба я присмотрел заранее. Залез, забился, ночью сюда никто не сунется. А сунется – винтовка наготове.

«ДУБ! ДУБ! Я ЧЭРИН!»

Ночью радист партизанского отряда командира Егорычева перехватил радиограмму. «Срочное донесение в штаб оперативно-стратегического

объединения вооружённых сил Германии», – под попискивающие звуки азбуки Морзе озвучивал ее радист Черемных, в мирном прошлом учитель немецкого языка: – «Вчера батальон партизан внезапно напал на штаб командования 3-ей дивизии вермахта. В результате погиб генерал армии фон Зибер, тяжело ранен представитель фронтового командования генерал фон Гринх. Погибли 4 офицера, среди них известные своей пропагандистской деятельностью капитан фон Рих и обер-лейтенант фон Рюллих, а также – 7 солдат. Ранены: 2 офицера и 5 солдат».

Егорычев даже руками развел: что за неизвестный ему «батальон партизан»? Отправились на вылазку: проверить обозначенный пункт нанесения удара. Все сходилось: на месте штаба были разор и одни головешки. Но кто?!

И тут один из партизан, все тот же Черемных, обнаружил спящего под дубовым корневищем якута. Позвал командира.

...Меня, солдата Чэрина, разбудил смех. Хороший такой, от сердца, смех русских людей. Еще успел подумать: сон, что ли? Бородатый мужик заглядывал в мою «нору».

– Ты, что ли, фрицам погром устроил?

Так я попал в партизанский отряд. Командир Егорычев посмеивался и в который раз просил радиста:

– Учитель, будь ласка, прочитай.

Черемных, немолодой человек с седыми кудряшками, торжественно надевал очки и зачитывал донесение немецкому командованию о «батальоне партизан».

Партизаны, взяв меня в братский круг, жали руку. Старик в кубанке, с ярко-рыжей бородой, увесисто хлопнул по плечу: «Гарный казак!» Это был ротный Дудорев.

– Видите, как фрицы врут, передают ложные сводки, – обращался к «кругу» Егорычев. – Одного советского бойца назвали «батальоном»! Ну, боец Чэрин, удружил, спасибо тебе!

Спасибо-то спасибо, но самолеты-разведчики стали кружить над лесом по несколько раз на день: в лес, в логово к партизанам, немцы сунуться боялись. «Ладно, и то добро», – в

очередной раз провоявая взглядом самолет со свастики на крыльях, расправил бороду Егорычев.

В десяти километрах от стоянки партизанского отряда находилось ущелье. Ночью мы развели там костры. Утром загрохотали немецкие бомбардировщики, началась бомбежка!

– Давай, фриц, бомби сильнее! – смеялись мы, той же ночью вернувшись на место постоянной дислокации с хорошими укрытиями, которые сверху не отличить от ветвистых деревьев.

Радист партизанского отряда Черемных некогда, как и я, воевал в регулярных частях. Но был ранен в ногу, его нашли и спасли партизаны. С той поры прихрамывал. Мы располагались с ним в одной землянке, сдружились.

Он мне рассказывал, как во время фашистских карательных операций в отряде погибло много бойцов. Оставалась просто горстка людей, совершавших смелые рейды в стан врага. Молва шла, и в отряд стали приходиться люди из ближних и дальних деревень, порой старики, иногда совсем подростки. Были и мужчины, которых не успела мобилизовать Красная Армия. Отряд снова разрастался. Было время, когда с провизией и боеприпасами прилетал самолет с «Большой земли». Сейчас это невозможно: немецкие истребители курсировали туда-сюда постоянно.

Радист Черемных день и ночь, чутко прислушиваясь, был на связи. Я, когда вне боевого задания, рядом. Радиоустановка то верещала, то пела, улавливая разные волны. Вдруг однажды я услышал знакомые позывные:

– Волна! Волна! Я Дуб! Я Дуб! – это голос радиста взвода Самарина! Он меня научил пользоваться рацией. – Волна! Волна! Я Дуб! Я Дуб!

Я быстро настроил передатчик и ответил:

– Дуб! Дуб! Я Чэрин! Я Чэрин! Самарин, ты слышишь меня? Я Чэрин! Самарин, Самарин! Прием!

– Чэрин, Чэрин, откуда говоришь? Прием! – теперь уже сомнений нет, это Самарин.

Уже чуть было не сказал, да понял: если я буду говорить по-русски, то фашисты многое узнают и быстро вычислят местонахождение отряда.

– Самарин, Самарин! Есть ли Николаев, которого зовут Три Николая, якут? Если есть, передай ему трубку. Прием!

– Передаю. Прием!

Опять мне повезло!

– Николай, Николай, ты слышишь меня? Я Чэрин!

– Слышу, слышу, Чэрин. Ты живой! Кэпсиэ*. Прием!

Дальше мы говорим по-якутски. Как хорошо быть двуязычным, причем владеть одним из языков, который понятен немногим! Я успел сообщить, где я и что со мной. И получить ответ о моем напарнике по снайперскому делу Гурьянове, о котором часто вспоминал. Гурьянову, совсем мальчишке, ампутировали ногу. Он очень переживал, но, как сказал, не из-за ноги, а из-за того, что его комиссовали, и он не может вернуться на фронт! Питание рации заканчивалось. Я только успел передать привет Гурьянову и сообщить, чтобы Николаев запомнил волну и выходил на связь через час. Попросил позвать Деда – так мы звали командира полка Беляева. А я со своей стороны пообещал пригласить командира партизанского отряда.

Мы с Черемных подзарядили батареи питания рации, через час вместе с нами ждал позывных и командир Егорычев. Приёмник был настроен на ту же волну.

– Чэрин, Чэрин, – прозвучало в эфире. – Я Николай. Прием.

– Николай, Николай, слышу тебя хорошо.

– Приподними антенну, плохая слышимость. Я приподнял антенну.

– Как слышимость? Как слышимость?

– Слышно хорошо. Дед рядом.

– Со мной тоже рядом командир. Далее на связи будем говорить по-якутски. И сразу переводить.

Егорычев передал Беляеву такую информацию: за железной дорогой, рядом с кустарниками, стоят две вражеские батареи. Они еще ни разу не стреляли: ничем не выдавали свое присутствие. Начнут вести огонь во время наступления нашей армии.

Я перевел. Три Николая услышал меня.

ТИМОФЕЙ СМЕТАНИН. СОЛДАТ ЕГОР ЧЭРИН.

Несколько секунд было молчание: Николаев переводил Беляеву. Мне ответил снова якутски. Так мы могли свободно обмениваться важной информацией. Договорились, что следующая связь состоится в 20.00 – тогда будет назначено время наступления.

МОСТ НАД РЕКОЙ

Рано утром, еще затемно, партизанский отряд собрался около лесной опушки. К Егорычеву подбегали взводные, тихо докладывали и быстро уходили.

Рыжебородый казак Дудоров получил особое задание: его взвод оставался около шоссе. В его задачу входило — атаковать фрицев, когда те будут отступать.

– В подмогу даю бойца Чэрина! – поднял вверх палец Егорычев.

Залегли в кустах вдоль шоссе. Затаились: главное, первыми не выдать себя, не обнаружить свое присутствие.

По шоссе ехал мотоциклист, слышно, как щелкнул затвор автомата. Дудоров гневно махнул рукой:

– Мы собираемся на стаю гусей, а ты наделаешь переполоха из-за маленькой утки, – казак, видно, тоже из охотников.

Пока не «заговорят» наши войска, нам нужно быть тише воды, ниже травы.

Все ждем у шоссе. Светает. Издалека стала видна деревня. Различимы даже тени деревьев. Перед боем всегда нависает гробовая тишина. Время удлиняется и всецело охватывает ожидание – не боя, пальбы, а чего-то более важного. Рубежа, после которого одни останутся в живых, другие нет. Но и это не рубеж, потому что оставшийся в живых, но проигравший в сражении, все равно обречен. Рубеж там, где из двух противоборствующих сторон победителем выйдет только один.

Я лежу, припав к винтовке, во взводе Дудорева...

Дорогие мои, брат Петя и сестра Катя! Что-то у меня все время «я» да «я». Расскажу-ка вам о

том, что происходило на другом берегу, когда готовились к наступлению наши войска.

...Взлетела и упала ракета, освещающая в южные темные ночи землю так, что можно читать или рассматривать карту. Однако реку видно было плохо, она в поднимающемся тумане. Командир дивизии генерал Петренко вглядывался с командного пункта в свете ракеты сквозь туман в строящийся понтонный мост. Сладко вдохнул дуновение воздуха: южная ночь словно настояна на ароматах трав, цветов, плодов деревьев. Вернулся в землянку и склонился над картой. Скоро по вызову генерала к нему явился молодой человек с тонкими черными усами.

– Разрешите доложить, товарищ генерал!

– Пожалуйста, майор Обутов, – отвечал Петренко. – Да не вытягивайся, как струна балалайки! А то еще потолок проломишь затылком!

Высокий ростом майор Обутов чуть склонил голову.

– Что за мост вы построили? Не надо быть специалистом, чтобы понять, что со стороны захода очень высоко, – сделал генерал замечания.

Вместе они вышли из землянки. Генерал Петренко продолжил шепотом, указывая из окопа:

– Берег нужно подрывать.

– Будет исполнено, – также шепотом ответил майор Обутов.

Разрастающийся туман накрыл пойму реки, скрылся из видимости мост. Но контуры берегов разглядеть можно было.

Мой друг Три Николая вышел из землянки, посмотрел на небо: часы ему были не нужны, луна подсказывала время.

– Николаев, тебя вызывает товарищ полковник, – полушепотом окликнул его явившийся солдат.

Полковник Беляев снова усадил Николаева к рации, дал команду сообщить партизанам, чтобы перекрыли все лазейки для возможного отхода немцев. В эфир снова полетела якутская речь. Беляев посмеивался от удовольствия: как удачно все закрутилось с этими якутами!

Взлетели сразу три красных ракеты. Началось... Ударил советская артиллерия. «Бог войны!» – прокричал молодой офицер, пританцовывая. Земля дрожала, воинам уже не терпелось вперед, в бой, пригнувшись с автоматами или винтовками наперевес, палить, стрелять, давить гадину фашизма!

После грохота артиллерии небо прошили огненные нити. Били «Катюши»!

Что за силы могут выдержать такой огонь?! Около пятидесяти бомбардировщиков улетели за реку и скрылись, давая о себе знать разрывами бомб по всему горизонту.

Николаев приподнял одну ногу и ударил в ладони. И молодой офицер, и старый разведчик Шагуров, взявши друг друга за плечи, пустились в пляс, очень напоминающий знаменитый «Вилейский осухай»! Танец единения душ!

В землянке-кухне, где жарил мясо повар Бычков, все качалось и вздрагивало.

– Ну и палат, во сне не приснится! В сказке не придумаешь! – воскликнул повар Бычков.

Шагуров вдруг вспомнил, как в 1915 году его, мальчишку, выпорол немцы. С той поры у него к ним особые счёты!

В течение двух часов играл советский грозовой оркестр войны. Исполнял симфонию, написанную маршалом Жуковым!

В бой пошла пехота... Остававшийся возле кухни Бычков глазам не верил: бойцы бежали прямо по воде! Как же так, не вплавь, не вброд, а по воде?! Как это они умудрились?! Бычков, хоть и не любил ходить туда, где можно попасть под пулю, не выдержал, приблизился к самой кромке берега. И засмеялся: в тумане не было видно моста, который «вырос» здесь за одну ночь! Вот и казалось, что солдаты идут по воде!

Враги тоже стреляли по нашим из минометов и пушек. От взрывов оглушенная рыба всплыла на поверхность реки, лежала также, поблескивая, выброшенная на берег. Бычков был парень рачительный: «Соберу-ка я рыбы да сварю отменную уху!»

Повар начал собирать готовый «улов». Взорвалась неподалеку мина, и Бычков совершил мягкую посадку на воду. Место было

неглубокое, но ведро осталось пустым: вся рыба выпала в воду и ее относил течением.

Можно было, конечно, побрести и собрать, коли все равно вымок, но как бы под этим минным обстрелом не поплыть вверх брюхом вместе с рыбой!

БИТВА

Теперь подошла очередь партизан. Бойцы отряда Егорычева соорудили заградительные укрепления, укладывая поперек дороги балки, деревья, телеграфные столбы. Рыжебородый Дудоров дал команду мне и еще четверем бойцам вывести из строя немецкие линии телефонной связи. Телефонный провод тоже пошел в дело: мы привязали его над дорогой, сантиметрах в тридцати от поверхности, за поворотом, откуда основных укреплений еще не было видно. Трое из нас залегли с одной стороны, двое – с другой. Ниже, в трехстах метрах, рота бойцов ждала вокруг дорожных заграждений немецкие танки. Другая рота выдвинулась далеко вперед – в ее задачу входило нанесение удара в спину артиллерии врага. Так Егорычев с партизанами приготовился дать бой частям фашистской армии.

Немец с телефонной сумкой спешил наладить связь с передовой. «Хенде хох!» – мы берем его в плен. Он весь в грязи. Пленного доставили к Егорычеву. Постепенно смолкали немецкие орудия. Наши самолеты продолжали беспрестанно бомбить. Партизаны выпустили предупредительные ракеты, чтобы обозначить свое местонахождение: самолет в ответ помахал крыльями, огибая занятую нами территорию.

Приближались две точки: это бежали отступающие фрицы. Что называется, первые ласточки! Оба упали, запнувшись о натянутый провод. Сразу подняли руки.

«Ударный» мотоциклист мотопехоты с офицером в люльке тоже «спотыкнулся», порвав провод. Вильнул рулем и улетел в кювет. Следовавшие за ним мотоциклисты начали тормозить, сворачивать к обочине. Мы с двух

ТИМОФЕЙ СМЕТАНИН. СОЛДАТ ЕГОР ЧЭРИН.

сторон дороги открыли огонь. Как же хороша моя любимая снайперская винтовка!

Фашисты махали из-за люльки белым платочком, поднимали руки. По дороге приближались фрицы с заранее поднятыми руками! Это они правильно делали! Глядим, один бежит, сломя голову, левую руку поднял, а правую держит на уровне бедра. «Пистолет припрятал», – думаю. Посмотрел в оптику – штаны свои держит! Как, видать, прихватило, так и рванул! Вот такие дела.

Однако и наше положение обострялось. На дороге появился танк. Мчался он с поля боя на полной скорости, мы едва успели попрятаться. Дорога перед заграждениями, контролируемые Егорычевым с отрядом, была заминирована. Один боец, совсем молодой парнишка, из нашей засады не утерпел, бросил в танк связку гранат. Но танк прогрохотал в стороне от взрыва, прямо по своим солдатам, лежавшим вдоль обочины. Такая ненависть полыхнула в душе к немецкому танкисту: как же так, своих-то?! Звери вы, что ли, совсем?!

И тотчас под танком взорвалась мина. От горящего танка пошел черный дым. С передовой мчались другие фашистские танки. Мы дождались, когда они минуют нас, бросили связки гранат. У заграждения их встречали партизаны с Егорычевым во главе. Танк, шедший последним, развернулся и открыл пулеметный огонь по нашей группе. Пуля рикошетом задела мою каску у виска. Охнул лежащий рядом боец. На меня хлынула его кровь. Пулемётчик в танке

палил нещадно, невозможно было даже поднять головы. Раздался взрыв, пулемет замолчал. Это рыжебородый Дудорев своей мощной казачьей рукой метнул связку гранат прямо с опушки леса.

В нашей группе был один погибший: молодой парень. Видно, сраженный той пулей, которая сделала отметину на моей каске и отскочила ему прямо в сердце. А вот фрицы, лежавшие на обочине без укрытия, полегли почти все: были перестреляны из своего же, фашистского танка, своими, фашистскими, пулями. Они, фрицы, еще ведь поначалу вскакивали, пытаюсь объяснить немецким танкистам, что свои: немцы. Пулеметчик их и скосил, как миленьких! Поднялся только один из них: раненный, но живой, в форме рядового Рейха. Покачиваясь, дошел до обожжённого немецкого танка и, в ярости, стал бить по броне здоровой рукой. В Германию бы этого рядового, пусть расскажет, как фашистские танки давили и расстреливали своих солдат!

– Ладно, хлопчик, не горячись, – подошел к нему рыжебородый казак. – Я по-вашему не шпрехаю, а переводчик бы мне сгодился...

Тем временем на дороге показались немецкие пехотинцы с автоматами наготове, похоже, не собирающиеся складывать оружие. Вас-то мы, ребята, тут и ждем...

Партизанский отряд Егорычева продолжал бой с врагом.

**Перевод с якутского
Владимира Карпова**

Анатолий СЛЕПЦОВ

Начало

– Мы не можем предвидеть наше будущее, потому что мы не боги. Наш ум ограничен нашим жизненным опытом, представлениями о том, что возможно, а что нереально, впечатлениями, мнениями общества, других людей. Мы не видим всю картину целиком, – промолвил он. – Только Бог видит всю картину целиком, у него свои планы на нас. Судьба же идёт своим чередом, – продолжал он, глядя на пламя костра.

Поэтому нам остается только принять и полюбить ту жизнь, в которой очутились, потому что мы шли к этому всю нашу жизнь, и то, что мы имеем – есть результат наших мыслей, представлений, слов и поступков.

– А если нам не нравится то, что мы имеем. Что делать с этим? – спросил его путник.

– Я уже сказал. Принять, полюбить, наполнить любовью и теплом. И с молитвой идти вперёд, помогая другим. Тогда и жизнь преобразится. А теперь пора уже спать, – ответил он.

Лес погрузился в темноту. На черном небе блистали звезды, светила полная луна. Легкий ветерок шевелил ветви деревьев. Становилось прохладно.

Они зашли в палатку, устроились в спальнях мешках и уснули. Ночью путнику снились странные сны.

Когда путник проснулся, уже рассвело. Старец сидел на берегу и молился. Путник собрал хворост, развел костер. Огонь быстро охватил траву, перекинулся на мелкие сучья. Завился сероватый дымок, и вот уже затрещали заготовленные с вечера поленья. Путник набрал в реке воды, поставил котелок на огонь. Солнце только

поднималось из-за гор, доносились крики чаек и стрижей. Когда птицы замолкали, наступала полная тишина.

– Наша жизнь – это преодоление. Преодоление себя, сиюминутных желаний, преодоление собственного эгоизма, жадности, лени, беспокойства, мнительности. У каждого свой набор. И преодолев очередное препятствие, мы становимся чище, а за следующей дверью открывается что-то новое. Но жизнь становится чище и легче, более счастливая и наполненная. Важно только идти. Кто-то сворачивает, затем снова возвращается на нужную дорогу. У каждого свой путь. У кого-то прямой, как стрела, другой ходит будто по кругу, третий петляет. Нет правильного и неправильного пути. У каждого он свой, – продолжал старец, когда они закончили пить чай с лепешками.

– Мне нравится вот так просыпаться на берегу реки. Я так и прожил бы здесь всю жизнь, – произнес путник.

– Жить вдали от людей – так себе испытание. Только среди них ты видишь свои недостатки, темные стороны. Здесь, на берегу реки, ты легко можешь показаться себе чистым и совершенным. Каждый встреченный тобой человек – твоё зеркало, отражающее частичку тебя.

В прозрачном воздухе ощущалось дыхание приближающейся осени. Редкие желтые листья начали свой бег.

– Скоро сентябрь, я возвращаюсь в город, к детям и внукам. Мое путешествие закончилось, – промолвил старец.

– И что дальше?

– Это уже другая история.

– Хорошо.

Они еще посидели у костра, погрузившись каждый в свои думы. Путник думал о том, что же важно для него. Ему нравилось быть в одиночестве. Мысли выкристаллизовывались, наступало полное умиротворение. Но сегодня он понял, что старец прав. Легко любить людей вдали от них, принимать мир, находясь вдали от болей и трудностей жизни.

Позже они собрали палатку, упаковали вещи, посуду, забросали песком догорающий костер и

АНАТОЛИЙ СЛЕПЦОВ. НАЧАЛО. НОЖНИЦЫ.

направились на восток, в сторону города. Старец шел бодрым спокойным шагом, путник держался рядом. К вечеру они остановились на ночлег. Разбили лагерь у сопки, разожгли костер. На небе светила луна. Они снова говорили. На сердце путника было тепло и спокойно. Он возвращался к людям.

Ножницы

*Людям особой закалки –
врачам-хирургам...*

– Ну, сынок... Вот перед нами открыт внутренний мир пациента... Хватай, хватай эту артерию! Та-ак... Лю-ю-ся-я, подай-ка ножницы... Марик, не спи! Смотри и учись! Старик Михайло плохому не научит... Коль решил стать хирургом, не спи стоя. Если в деревню работать поедешь, сам справишься? Моя помощь тебе – вот здесь и сейчас, пойми это! К примеру, ты заметил, как я взял ножницы у Люси? Никто тебя не научит такому приёму – одно ушко всегда надевай на безымянный палец, тогда можешь шить и вязать узлы, не выпуская ножниц из рук. Иногда во время операции бывает дорога каждая секунда, вот тут этот способ спасёт и тебя, и больного... В студенчестве я думал, что хирург работает только скальпелем, несведущие люди тоже так думают. Ан нет, основной инструмент для хирурга – ножницы... Когда в ране пульсирующие сосуды, перистальтирующие кишки, то работать скальпелем опасно, так как им нужно резать надавливая. Но зато отрезанное скальпелем заживает лучше, а ножницы мнут ткань, поэтому заживление краёв раны может затянуться...

Ну хорошо, одно дело сделали. Теперь эту кишку надо пришить сюда... Люся, давай “балалайку”, у парня, как оказалось, только две руки, поэтому рану не может расширить. Марик, твоя должность сейчас называется “биомеханический ранорасширитель”, поэтому терпи. Понимаю, что железка режет руку, но ты терпи! В этой адовой работе нужно нечеловеческое терпение.

Кто-то говорит, что нужен талант от Бога... Один мой друг как-то сказал: «Вот говорят “большой хирург – большой разрез”, а по мне так кажется, что нам нужен только большой мочевого пузыря». И, по-моему, он прав.

Однажды, в молодости, поехал я в одно село спасать человека с огнестрельным ранением. Была распутица, дорог нет. В сопровождении трактора добрались до села за пять часов. В участковой больнице лежит наш больной, а рядом все его кишки валяются... Мы быстренько перебрали его на обычный обеденный стол, из какого-то гаража притащили прожектор, помыли руки и начали операцию. Шесть часов стояли. На свою беду, я по дороге сделал глоток перебродившего сока, который завалился у водителя в кабине. У меня в животе началась «революция». Попробуй выстоять шесть часов неподвижно, в тесной комнате, согнувшись над столом – в духоте от дыхания десятка человек, жара от прожектора, среди вони крови и дерьма... А тут ещё с тенезмами своих внутренностей справиться нужно, стерпеть... Кое-как закончил операцию и выскочил наружу, но тут другая проблема – стол ведь был широкий, и мне пришлось тянуться к больному переразгибая колени, поэтому в туалете я не смог присесть... Оказывается, если много оперируешь на таких непригодных столах, то с годами суставы разбалтываются напрочь. Ты подмечал мою шаткую походку? Вот и скажи после этого, что у хирургов нет профессиональных болезней...

Представь себе – после той операции мы все получили по выговору. За то, что кровь больному перелили без анализов. Видимо, наше начальство думает, что в любой глухомани должна стоять лаборатория... А мужик тот жив, его иногда показывают по телевизору: сидит, бурчит о всякой всячине...

Хирургу требуется нечеловеческое терпение... Да, организм изнашивается, но это ещё полбеды. Хуже всего человеческие взаимоотношения... У скотника руки в навозе, зато душа чиста, а у врача белый халат, но работает он среди людей. Все их дрызги, раздоры, весь людской негатив будут преследовать тебя всю жизнь. Вот

тогда будь настороже, парень! Не дай тебе бог пристраститься к психологу по имени Алкоголь! Сначала попробуешь, чтобы снять усталость, затем, когда поймёшь, как горек твой хлеб, начнёшь выпивать для храбрости, а потом без водки и шагу к операционному столу не сможешь ступить...

Марик, стать терпеливее тебе поможет особое отношение к жизни, как вот этот особый способ держать ножницы на операции...

Марк Николаевич сидел у окна и смотрел на огни за озером, вспоминал прошлое. Вот уже двенадцать лет прошло, как они с Михаилом Силантьевичем выполнили последнюю совместную операцию. Тогда Марик очень любил ассистировать старику. У Михайло был невозмутимый, спокойный характер, он всегда учил, натаскивал молодого парня. После той долгой ночной операции Михаил Силантьевич умер от инсульта по дороге домой. Особый способ держать ножницы остался его завещанием...

“О, мой добрый учитель, был бы ты жив сейчас, о многом поговорили бы на равных!” – Марк Николаевич закрыл лежащую перед ним новую книгу, встал из-за стола, собрал с пола разбросанные игрушки детей, переставил стулья, освобождая себе проход до двери. Если будет ночной вызов, нужно в темноте бесшумно выйти из дома, чтобы не разбудить домашних.

Зайдя в спальню, лёг в кровать, но сон не шёл. Прав был учитель, тяжело работать на селе... Бытовая неустроенность, отсутствие всяких перспектив, ещё и сельчане, щедрые как на славословия, так и на проклятия... Однажды ты для них Бог, спаситель, а на следующий день – убийца, каких свет ещё не видывал. Скотник, работающий в хлеву, смоем с рук грязь и станет обычным человеком, а как врачу очиститься от незаслуженных, несправедливых проклятий? Только терпеть...

Марк не знает, что сказали бы врачи других

специальностей, но он считает, что хирург – это солдат на поле боя. И днём, и ночью, и в снег, и в дождь нужно быть готовым проливать кровь. Свою, чужую... И, как на войне, всё время ждёшь предательства... Вот спас человека, победил болезнь, а спасённый тобой пациент тащит тебя в суд: мол, не там разрез сделал, не так лечил... В старину говорили, что хирург идёт по лезвию скальпеля с ангелом и бесом на плечах, а в нынешнее сволочное время, вдобавок ко всему, ярмом на шею висят сутяги и кляузники, руки вяжут всевозможные надзиратели-страховщики...

Из ста пятидесяти сокурсников Марка профессию хирурга выбрали только десять парней. Один умер от нелеченной язвы желудка, переродившейся в рак... Остальные, по тихому, перебрались в “аппаратную медицину” – кто за монитор аппарата спрятался, кто перешёл в управленческий аппарат. В профессии их осталось только трое, а прошло всего каких-то десятков лет... Тех двоих Марк давно не видел: Костя все отпуска пропадает в тайге, охотится, а Кеша всё по горам лазает. Видимо, так они отвлекаются от трудов своих скорбных, душой очищаются...

К слову сказать, у Марка Николаевича тоже есть свой способ очищения. С недавних пор он стал писать рассказы, изливать свои переживания на бумагу, отводить душу. В прошлом году, в один из вечеров, когда Марк Николаевич с упоением писал очередной рассказ, внезапно появился старинный друг, работающий журналистом в городской газете. Марк засуетился, пытаясь спрятать свои бумаги, но не успел. Илларион сидел рядом и с интересом читал, позабыв об усталости и голоде. Прочитав, он воскликнул: “Марик! Это надо напечатать! Отдай их мне! Сейчас в городе собираются издать один сборник, там твои рассказы с руками оторвут!”

В тот вечер Марк еле-еле отказал другу: “Рано ещё. Может, потом, когда закончу... Или когда сам кончусь...” И собрал листы в стопку.

Сегодня вечером, возвращаясь с работы – как будто кто-то подтолкнул, – зашёл в маленький магазинчик по пути и наткнулся на тот самый

Два рассказа

сборник, о котором говорил Илларион. Из любопытства (“С кем, вместе с какими людьми могли меня тогда напечатать?”) купил книжку и принёс домой. Перелистывая сборник, Марк Николаевич вдруг увидел знакомое имя. С корреспондентом газеты “Якутия” Надеждой Жигаловой был связан один случай в его жизни.

В то лето Марк Николаевич остался единственным хирургом на весь район. Один за троих, положенных по штату. Вдобавок ко всему не было врача УЗИ, большинство лаборанток ушло в отпуск, и лаборатория сократила приём анализов. А больных-то не сократишь... Марк был един в трёх ипостасях: утром оперировал, перевязывал больных, заполнял истории в отделении, после обеда бежал в амбулаторию на приём больных, вечером возвращался в отделение, дописывал истории, оперировал по дежурству. Если выкраивал время, то бежал домой, чтобы что-то сделать по хозяйству, обеспечить питьевой водой домашних. И снова назад, к больным. В редкие дни затишья болезней и травм, на закате летнего дня, приходил домой еле волоча ноги и ночевал гостем в собственном доме...

Вот тогда у одного парня, не соблюдавшего послеоперационный режим, развилось осложнение. Началось внутреннее кровотечение, которое без УЗИ и без анализов трудно определить на глазок. Кровь – не гной, боли не даёт. Повторная операция была проведена с опозданием, и здоровье парня сильно пошатнулось. Его мать, возмущённая этим обстоятельством, пожаловалась Надежде Жигаловой, и появилась статья в газете под названием “Вопль сердца”. Так, без суда и следствия, Марк Николаевич был объявлен на весь мир хирургом-кровопийцей...

Наверно, чувства матери можно понять... Но профессиональный журналист должен был знать, что не каждый вопиющий прав. В век Интернета и прочих коммуникаций Жигалова могла найти Марка Николаевича, узнать его точку зрения на этот случай, и статья получилась бы другая. Вышло бы не одностороннее обвинение во всех смертных грехах одного отдельно взятого врача, а была бы развёрнутая статья с анализом проблем здравоохранения, с обсуждением

меры ответственности самих пациентов за собственное здоровье.

Что самое обидное – от этой статьи ни больному, ни врачу в их дрязгах не стало не лучше и не хуже. Зато она чуть было не разрушила жизнь совершенно посторонних людей. В тот год участились случаи отказа больных от операции. Люди, начитавшись газет, не верили хирургу, а там, где он один на весь район, это равносильно самоубийству...

Пытаясь уснуть, Марк Николаевич поворочался в постели, встал и вышел на кухню. Включив свет, достал с полки ножницы, взял в руки книжку и открыл страницы с рассказами Жигаловой. “Пусть в этой книге останутся произведения тех, кто только пробует своё перо, а той, которая вместо пера держит ржавую стрелу – здесь не место!” – с этой мыслью он собрался было отрезать страницы, но увидел, что пальцы привычно держат ножницы как на операции. В изнеможении Марк опустил на стул, отодвинул от себя книгу и положил уже седеющую голову на сложенные руки. Дужка ножниц, зажатых в его кулаке, блестела кольцом на безымянном пальце и словно пыталась что-то рассказать мигающим вдали за окном огням деревни...

Перевод с якутского
В. Андросова.

Альфред КУЛАЧИКОВ,
ветеран якутской журналистики

«Там тишина стояла в белом, Вся ожиданием полна...»

Признание

Нет! Не во сне её я видел.
Она стояла за окном.
Такая тихая, как осень!
Такая тихая, как сон!
Незаметным светом рисовала
В своей морозной тишине:
Вся из зари, вся из дыханья.
Святой, небесный, белый сон ...
Такая тихая стояла!
И я поверил в тишину
Её зари, её дыханья:
Таких неожиданных, как она.

Осеннее

Как тёпл лес в остуде дня
Солнцепрядением огня!
По заморозкам да туманам
Зима аж снега донесла.
А здесь, на краешке тепла,
Еще роняет лист багряный
Великолепье сентября.

АЛЬФРЕД КУЛАЧИКОВ. «ТАМ ТИШИНА СТОЯЛА В БЕЛОМ, ВСЯ ОЖИДАНИЕМ ПОЛНА...».

Там Что-то было

И все-таки там Что-то было.
 Не зря провидица Луна
 Косуль по снегу уводила,
 Не зря к той церкви привела.
 Там тишина стояла в белом,
 Вся ожиданием полна.
 Лишь гона промельк ошалелый.
 И снова Что-то – Вся она.
 А мы, прожжённые охотой,
 В безумном байанайстве дней
 Не знали тишины сиротной,
 Не чужали её очей.
 Но Что-то рядом сиротело,
 Но Что-то мучилось, моля.
 И всё же, всё же у прицела
 Не зря скорбело за меня.
 Не зря. Как мучит гон ранимо!
 Останови! Останови!
 Я потрясён. Дуплеты – мимо.
 А тишина стоит в крови.
 И так в меня глядит печально
 Из ран, из церкви на снегу.

Я не могу... Я был в начале,
 Куда без выстрелов приду.

Храм рисую

Воскресенье. Я храм рисую,
 Сострадающий у небес.
 Он и маму святил простую,
 Да и с памятью той воскрес.
 И она жила, сострадая,
 Тихо веруя о благом.
 Помню: в голод за нас вздыхает,
 А в глазах – колокольный звон.
 И я вижу: опять Никола
 Нам звонит в золотой пыли.
 День горит, как войной расколот,
 А мы пустошь не перешли.
 «Не могу, не могу от печи!»
 Снова сил моих на глоток.
 А Никола ещё далече.

А под нами – песок, песок ...
 Не дойти душе, не укрыться –
 Истомила её жара.
 Не напьюсь, не напьюсь водицы.
 Эх, дорога моя долга!
 А жара сильнее ниспадает.
 Слышу маму: «На храм смотри.
 Приближает нас, приближает.
 Как звонит в золотой пыли!»
 Тихо мама храм рисовала.
 Тихо память свою несла.
 И заветная из начала
 Пробивалась её свеча.
 И всё ближе к дому Никола
 Нас спасительно приближал.
 И так ждал, и томился снова
 Белой исповедью начал.
 Я с той памяти храм рисую,
 Тоже веруя в Благовест.
 Тоже тихо молю земную
 Краску мамину от небес.

Закон любви

Кто сердцем путь не проложит
 К сердцу, в котором боль.
 Тот никогда не сможет
 Любить, как любила Ассоль.
 Тот никогда не услышит
 Светлой души голоса.
 И никогда не увидит
 Алые паруса.

Мой март

Мой март, как ожиданья сказ,
 Ещё на капельки согретый.
 Из белых снов возносит светы
 На свой озимый май для нас.

И чудно тих погожий день.
 Тиха капель. И тихо снится:
 Сама святая огневица –
 Прямо от солнца голубень.

И всё небесней март не зря
Молитву солнечную пишет.
Из Белых Снов я свету слышу.
Душа, душа озарена.

Вот весника по ней стекла,
И март вздыхает в ожиданьи.
Я тихо отворю сказанье
На белой тишине листа.

Осенние краски

Осенило леса Бабье лето.
В небе выткало синеву.
Золотой паутиной света
Озарило берёз листву.

На лугах рассыпался иней.
Звонко песни запели ветра.
Над водою хрустально-синей
Лист кружит золотая пора.

Вдохновите осенние краски!
Напоите сердце, дожди!
Я иду к берёзовой сказке
О любви написать стихи!

И скажет листопад...

Меня когда-нибудь не будет.
И на погосте листопад
Души друзей моих разбудит.
И скажет: «Вот пришёл Ваш брат –
Такой же без вести пропавший,
Костром..., который на ветру».

Прикосновение

Весь замер я. Весь – на одном дыханьи.
Ружье не шелохнулось на плече.
И тишина внимала между нами.
Как странница, забывшись на ручье.

На чутких крыльях по аккордам линий,
Ещё как будто с неба не сошли,
Шесть белых стерхов над разливом синим
Небесно поклонялись до земли.

И всё перекликалось в танце этом:
И света май, и скрипок голоса,
И мой ручей с весенним благовестом
В седой алас несущий небеса.

О, белый всплеск! О, музыка круженья!
Прикосновенье мимолётных крыл!
Господь дарил мне вышний миг мгновений,
А я ещё себя не пережил ...

И вспомнилось Иваново озерье
За тихой пеленой блаженных лет.
Как я страдал! Как скрадывал я зори
В ётёхах лунных, где преданий след!
Чтоб хоть на миг увидеть их раздолье,
Да загадать: что сбудется, что – нет.

И весь я ждал, весь – на одном дыханьи.
Ружье не шелохнулось на плече.
А журавли над отчими полями
Опять тянулись по моей мечте ...

И вот, забывшись, странницею ранней
Течёт заря – моя ли, не моя?!
Шесть белых стерхов на одном дыханьи
Выводят чудо-танец у ручья.

В свиданьи мая, горнее свершая,
Какой-то свет возвышенный неся,
Они переживанья возвышают
Ещё не пережившие меня.

И дальше с па взлетают – выше, выше...
На чутких крыльях вечности полны.
Зарит алас! Я с ним, как мальчик, слышу
Само прикосновенье вышины ...

АЛЬФРЕД КУЛАЧИКОВ. «ТАМ ТИШИНА СТОЯЛА В БЕЛОМ, ВСЯ ОЖИДАНИЕМ ПОЛНА...».

Валентина ЧУСОВСКАЯ,
кандидат философских наук,
научный сотрудник Театра Олонхо

Знак Солнечного племени Айыы

Долгие годы якутское женское украшение из серебра – илин кэбиһэр, кэлин кэбиһэр – было знакомо только как музейный экспонат и как изображение в произведениях искусства. Знайки фольклора и якутской древности говорят, что глубинный смысл его еще не открыт.

Илин кэбиһэр, являясь обязательным атрибутом костюма невесты, относится к сакральным знаково-символическим предметам, смысл которых связан с праздником Ысыах и обрядом бракосочетания. В главной книге якутов – религиозной драме Платона Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» – светлая красавица Туйаарыма Куо излучает свет, играющий с лучами отражённого солнца, которыми сияют тонко изукрашенные серебряные пластинки свадебного убранства.

В живописном полотне Петра Романова «Витязь и невеста» показано, что илин кэбиһэр служил также в качестве доспехов. Переезжая из отчего дома в дом жениха, невеста в эпоху великих войн подвергалась опасности быть застигнутой врагом и должна была иметь защиту не только от злых духов, но и от смертоносных стрел.

В трудах по этнознаковым системам культуры почти не употребляется понятие «украшение», и это объяснимо. Обычно, когда выбирают украшение, оценивают его привлекательность, смотрят, к лицу оно или нет, идёт или не идёт к дамским туалетам. В традиционной культуре такой подход невозможен. Каждый предмет, созданный как атрибут праздничного костюма, служит мистическим знаком. Особенно это касается старинных изделий из серебра, имеющего для якутов свойство оберега. Создавал

изделия из металла кузнец, труд которого был священен. В эпосе Олонхо космический кузнец сковал ось земли и запустил отстукиванием молота о накопальню ход времени во всех трех мирах. Мифологический кузнец Кудай Бахсы обладал такой силой и мощью, что самые большие шаманы и кузнецы варились и закалялись у него в Нижнем мире.

Не только в эпосе, но и в жизни кузнецы были особой кастой. Они были сильнее шаманов, и от их труда и благосклонности зависело многое в этом мире. Илин кэбиһэр, кэлин кэбиһэр – вершина кузнечного искусства. Огонь, воздух, вера и магическая сила кузнеца воплощены в тонком ажурном узоре гравированных серебряных пластинок, во множестве своем соединенных в длинные цепочки, ниспадающие лентами от верхней гривны (кылдьыы), пересечёнными широкими горизонтальными пластинами. Илин – подвешены спереди, кэлин – позади. Есть образцы с центральным диском на передней стороне, изображающим солнце, имеющим защитную функцию.

Практика календарного праздника Ысыах и его описание говорят нам о том, что символизирующее начало года событие сопровождалось свадьбами, заключением брака, что способствовало хорошему плодородному году. Жизнь начинающегося года прямо зависела от того, как будет выполнена миссия каждого человека, и понятно, какая ответственность перед «верхними» ложилась на девушку-невесту. Не случайно ее убранство было отмечено солнечным сиянием илин кэбиһэр.

Ритмически композицию свадебного илин кэбиһэр составляют три части: шейная гривна, или ожерелье, подвешенные к нему длинные цепочки и

ВАЛЕНТИНА ЧУСОВСКАЯ. ЗНАК СОЛНЕЧНОГО ПЛЕМЕНИ АЙЫЫ.

поперечные пластины. Соотношение этих трёх элементов напоминает структуру человеческого тела от монолитного круглого шейного кольца – «головы», напоминающей плечи поперечной пластины до подвижных длинных и лёгких лент – «конечностей». Все его элементы ажурны, имеют простую и вместе с тем изысканную форму и тончайший декор. Они подвижны, легки и прочны. Орнаментальность сакральных узоров, перезвон сотен серебряных пластиночек в целом своём образе соотносимы со священным очищающим алгысом. Иначе как символом веры древних якутов это сокровище материальной и духовной культуры назвать нельзя.

Имея идеальный образец в традиционном илин кэбиһэр, художник-ювелир Александр Манжурьев создал свою художественную версию. Он увидел в нем три мира якутской космогонии и воплотил их

в реалистических образах миниатюрной пластики. Четыре года без отрыва создавал Манжурьев своё серебряное олонхо. Поражает не только масштаб замысла, но и техническая сторона изделия. Художник обратился к традиционному илин кэбиһэр как к формуле «Человек-Мироздание» и воплотил её в «живых» образах всех трёх миров.

Застёжка – Солнце и Луна по обоим концам разомкнутой окружности. Первая и вторая гривна соединены одной пластиной. Открывают изобразительную композицию гривен наскальные изображения: лодка, лось, медведь, всадник со знаменем.

Верхний мир. В центре пластины – Верховный бог Юрюнг Аар Тойон. Вправо и влево от него расходятся полукружия «небес». В одном ряду с ним по обе стороны – Одун Хаан, Билгэ Хаан, Тангха Хаан.

Далее – боги по «рангу»: Айыысыт, Дьёсөгөй, Хотой Айыы, Аан Дьаасын, Дьылга Хаан (старик с длинной бородой) держит книгу, Чынгыс Хаан. Всего 13 богов.

Средний мир между второй и третьей гривной представлен сценами традиционной трудовой деятельности:

- рыбак с лодкой, сетями и корчагами, во рту держит трубку;
- землелепашец с плугом, впереди – бык с проколотыми ноздрями, между плугом и быком на земле сидит ворон;
- удаганка с бубном в ритуальном костюме, на фартуке или плаще – солнце, рядом бегущий заяц;
- лошадь с узорчатыми перемётными сумами;
- старик;
- женщина с чорооном;
- кобыла с жеребёнком, женщина в платке сидит на талах олоппос и доит кобылу;

ВАЛЕНТИНА ЧУСОВСКАЯ. ЗНАК СОЛНЕЧНОГО ПЛЕМЕНИ АЙЫЫ.

- кузнец с молотом и наковальней;
- девочка, играющая на хомусе;
- олень с ветвистыми рогами и колокольчиком;
- медведь с рыбой в зубах;
- волк.

Эта петлеобразная гривна с двух сторон завершается лошадиными головами (под дисками застёжки), что прикреплены колечком из грив этих же лошадиных голов.

Пять стихий изображены символами: первую (воздух) символизирует орёл; вторую (камень) – горный баран (чубуку); третью (огонь) изображает пламя, фигурка человека – эмэгэт и два орла; четвертую (вода) – рыба; пятую (земля) – лоси. Над каждым знаком – эмэгэт и рунический символ.

Вся композиция из гривен соединяется четырьмя трубчатыми подвесками с нижней пластиной. Большая пластина шириной 4 см и длиной 25 см. На ней – открытие Ысыаха: алгысчыт с чорооном, слева – 9 мальчиков с журавлиными головами, справа – 8 девочек с головами стерхов. Они держатся за руки, головы в профиль, между каждым подростком – чэчир.

В центре композиции илин кэбиһэр – выпуклое зеркальное солнце. Восемь направлений – восемь граней по окружности. Это солнце держат клювами и когтями четыре орла.

От центрального диска-солнца, расположенного в середине сцены открытия Ысыаха, под гривнами пятью кольцами прикреплены пять лент, составленных из множества попарно соединённых фигурок коней, обращённых головами друг к другу. Пять ниспадающих лент заканчиваются Нижним миром. Множество миниатюрной шаманской и кузнечной атрибутики: эмэгэт, щипцы, колокольчик – по три на каждом из множества колечек, прикреплённых к последним звеньям лент-цепочек. Туда же вошли ритуальные гагары, металлические элементы шаманского костюма: луна, солнце, прорубь-ойбон, щипцы, рыбы, змея.

В композиции от образов олонхо до атрибутики шамана есть объединяющий главный символ, вариации которого входят во все части украшения – от застёжек верхней гривны, центрального диска средней пластины до ниспадающих лент, составленных из мелких объёмных пластинок, – это образ божественного Кюн Дьёсөгёй (Конь-Солнце).

Илин кэбиһэр, изготовленное ювелиром Александром Манжурьевым, – это миниатюрная пластическая интерпретация космической формулы

«Человек-Солнце», переданная предками саха в традиционном нагрудном украшении. Отсвет восходящего на востоке солнца, отбрасывая лучи (илин кэбиһэр), рисует одновременно и трёхчастную композицию мира, и три души якута в образах небожителей, символах, рунических знаках, обозначающих стихии природы, в картинах жизни брэнного Середнего мира, в тайных знаках Нижнего мира.

В «Письменах на бивне мамонта» Ивана Гоголева есть строки: «В одно я свято верю, что я рождён от солнца. Все люди – дети солнца. Все реки – дети солнца, все травы – дети солнца».

Это не метафора, это поэтическое изложение веры древних якутов. Видимо, пришло время осмыслить более глубоко Илин кэбиһэр как символ этой веры. Известно, что слова «илин» и «кэлин» имеют в якутском языке, кроме значений «передняя сторона» и «задняя сторона», ещё и значения «восток» и «запад». Восток ассоциируется с восходом солнца, символизирует начало года, означает жизнь под покровительством бога-коня Кюн Дьёсөгёй и множество положительных характеристик, таких, как добро, тепло, свет и др. Эти толкования и мистические функции предмета дают основание предполагать, что в названии «кэлин кэбиһэр» содержится и смысл – «отсвет востока». Ведь не случайно древние якуты называли себя солнечным племенем Айыы аймага – люди с солнечными поводьями за спиной.

Сегодня многие обращаются к теме Илин кэбиһэр: пишутся стихи, снимаются фильмы, ставятся спектакли. Театр Олонхо обратился к теме кузнеца и священного Илин кэбиһэр, приняв к постановке пьесу Майи Власьевой «Священный путь фильера» об истории мальчика, которому предназначено стать великим кузнецом, создавшим илин кэбиһэр, излучающий животворное свечение.

Удивительное совпадение: на протяжении четырех лет, в течение которых писалась пьеса о чудесном илин кэбиһэр, Александр Манжурьев работал над своим необыкновенным произведением! В это же время создаётся книга «Красота вне возраста» дизайнера Дайи Аталларовой, где возникает образ илин кэбиһэр как код культуры, доверенный предками женщине, которая хранит его тайну и передаёт силу солнечного племени из поколения в поколение.

Фото Марины Калининой.

Владимир ПЕСТЕРЕВ,
кандидат исторических наук

Экономический кризис в Якутии 1920 года

Начало Первой мировой войны в августе 1914 года, затем события Февральской и Октябрьской революций усложнили завозгрузовкупцамицентральныхрайоновРоссии в Якутию. В связи с быстрой сменяемостью власти с 1917-го по 1919-ый годы практически прекратилось обеспечение населения мануфактурой, товарами первой необходимости и продовольствием. У представителей различных политических сил того периода имелись совершенно разные подходы к решению экономических вопросов. Осенью 1917 года проявились разногласия между якутскими федералистами и социал-демократами по обеспечению населения продовольствием и товарами первой необходимости. Социал-демократы возглавляли продовольственную управу Якутского продовольственного комитета. Они с целью равного обеспечения населения продовольствием установили монополию и твёрдую цену на хлеб, масло и мясо. Запретили частную торговлю и вывоз продуктов местного производства за пределы Якутии. (Аналогичная ситуация возникнет во времена «парада суверенитетов» в 90-ые годы 20-го века.)

Против такой монопольной продовольственной политики социал-демократов выступили федералисты. Председатель «Якутского трудового союза федералистов» А.Д. Широких отправил в Москву министру продовольствия телеграмму, в которой выразил протест против политики регулирования вывоза продуктов местного производства. В телеграмме подчёркивалось, что ограничение вывоза лишает золотопромышленные районы Лены и Витима продуктов питания: мяса, масла, хлеба. Это создаёт переизбыток их на рынках Якутска, тем самым удешевляет цены, и всё это наносит убытки местному сельскому населению.

Благодаря решительной политике

федералистов, к концу 1917 года в декабре были отменены монополии на хлеб и масло и введена меновая торговля. Все это привело к принятию в России нового кооперативного закона и развитию кооперативной формы хозяйства. Только за период с 23 июня 1917 года по 7 февраля 1919 года Якутским окружным судом было зарегистрировано 64 кооперативных товарищества и союза. Среди них 46 обществ потребителей, 8 кредитных товариществ, 2 сельскохозяйственных общества, 1 кредитное общество, 1 закупочное общество¹.

Весной 1917 года с открытием водного пути по реке Лена на первый план встал вопрос завоза грузов и обеспечения населения товарами и продовольствием. В конце мая 1917 года большая группа политссыльных выехала за пределы Якутии. Областным комиссаром стал эсер В.Н. Соловьёв, взявший курс на сближение с федералистами. К сожалению, вопрос завоза грузов с началом Гражданской войны в России был отложен на неопределённое время.

В газете «Якутское обозрение» в 1917 году было напечатана корреспонденция из Вилюйска «Хозяйничанье богачей в улусах»: «В Вилюйском округе чувствуется большая потребность в мануфактуре. Особенно для бедного люда, для которого первобытное состояние, костюм Адама – единственный наряд. Высший класс вполне обеспечен. Бедняку же все недоступно. Почему такая разница? Много для этого причин. Часть причин кроется в том, что Вилюйск славится тем, что по «старинке» все видные учреждения заняты сторонниками наиболее обеспеченного класса. Если не сами, то клеветы «играют на первой скрипке». Чего полезного ждать бедняку от купечества клеветов? Они – «плоть от плоти, кровь от крови» того класса, которому чужды интересы бедных.

Летом прибывали пароходы с мануфактурой.

ВЛАДИМИР ПЕСТЕРЕВ. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЯКУТИИ 1920 ГОДА.

Какие меры принимал местный продовольственный орган для равномерного распределения? Он «распределял» между населением и вводил карточную систему. Часть мануфактуры была отправлена по улусам, и притомулусным кулакам. Им была предоставлена полная льгота «распределять» между населением. Как распределяли? – всякий сам рассудит.

Мануфактура, оставленная для городского населения, тоже доставалась наиболее обеспеченным. Они скупали пудами, ибо ближе стояли к продовольственному органу; имели средства и могли получить по доверенности. А в это время бедный якут с просьбой слёзной получал разрешение на один месяц. Придя в магазин, он делается жертвою ловких коммерсантов. Ему выдают 7 аршинов вместо 15, и «в шею». Итак, бедному якуту, не получившему мануфактуры от улусных «распределителей», приходится ходить за рубахой 200–300 вёрст. Ввиду этих трудностей, он дает свои карточки более «привилегированным людям», которые за это «вознаграждают» его.

В данное время беднота вся плачется, а богачи сидят да посмеиваются: «Вот и настал наш праздник, что хотим, то творим». Верно, аппетиты развиваются².

В феврале 1918 года создан Областной совет во главе с правым эсером В.В. Поповым. Областной совет прервал все экономические связи Якутской области с Советской Россией. Все это незамедлительно сказалось на снабжении области товарами и продуктами. Резко повысились цены на товары первой необходимости, стала ощущаться нехватка продовольствия и товаров. Областной совет пытался решить проблему за счёт населения, требуя уплаты налогов и сборов, а также недоимок за предыдущие годы. Были установлены восьмипроцентный налог на пушнину, на добычу мамонтовой кости, пятипроцентный налог на вывозимое мясо, масло, рыбу. Вводился налог в размере 8 рублей с каждой «гуртовой головы», отправляемой на продажу³.

В Якутске и Олёкминске были взяты на учёт все продовольственные запасы, установлены нормы распределения продовольственных товаров и твёрдые цены на них. Осенью 1918 года в Якутске действовала карточная система.

Установленная отрядом А.С. Рыдзинского советская власть, продержавшаяся 35 дней, предъявила населению ещё более жёсткие

требования. Для содержания отряда Красной гвардии была установлена военная контрибуция для богатых жителей Якутска и пригородных селений в размере 1,5 миллиона рублей со сроком выплаты поэтапно в течение 10 дней. В Якутске контрибуция была наложена на 72 человека, в Мархе – на 21, в Магане – на 3, в с. Павловске – на 1. Из-за кратковременности существования советской власти контрибуция была собрана частично. Для домовладельцев был установлен прогрессивно-подходящий налог в размере 7 тыс. рублей⁴. Военная контрибуция была установлена красными и в Олёкминском, Вилюйском округах.

В Булуне, Жиганске, Кюсуре у торговцев были конфискованы склады с продовольственными товарами и пушниной. Осенью 1918 года Сибирским правительством А.В. Колчака управляющим Якутской области был назначен В.Н. Соловьев, которого поддерживала Якутская областная земская управа.

При поддержке земских органов в декабре 1918 года был образован Союз кооперативов «Холбос». В декабре 1918 года состоялась Учредительная конференция потребительской кооперации, принявшая решение о создании Союза потребительских обществ «Холбос» («Объединяйся»). Первым председателем правления был избран Кузьма Осипович Гаврилов. Среди создателей «Холбос» были Г.Ф. Андреев, А.Л. Бахсыров, И.И. Козлов, Е.Е. Обутова. Максим Кирович Аммосов и Платон Алексеевич

Ойунский уделяли большое внимание деятельности потребсоюза «Холбос», получали доверие пайщиков и избирались делегатами первых конференций Респотребсоюза «Холбос». Их также избирали в Совет «Холбоса». Филиалы «Холбоса» открывались в улусах и наслегах.

Гаврилов Кузьма Осипович родился 1 декабря 1890 года в Тарагайском наслеге Мегинского улуса в семье крестьянина. Окончил Бютейдяхскую церковно-приходскую школу, миссионерскую школу и реальное училище в Якутске. В 1920-ых годах стал одним из организаторов обществ «Саха омук», «Саха кэскилэ», вошёл в комитет по якутской письменности, принял активное участие в создании «Книги для чтения» и «Задачника по математике» на якутском языке. В 1914 году организовал в Якутске городское торгово-кооперативное общество «Экономия», в 1918 г. – Областной торгово-потребительский союз «Холбос». В 1922 году приглашён на работу в Москву

² Якутское обозрение. 1917 г. 25 декабря. №44. – С. 7.

³ Н.И. Бурнашева. Кризис экономики в период борьбы за власть (1917–1919 гг.). – С. 124.

⁴ История Якутии. (1917–2000). Учебное пособие. Я. 2001. Под ред. д.и.н. проф. М.М. Хатылаева. – С. 7.

в системе Центросоюза. Кузьма Осипович в Москве одновременно стал заместителем председателя Якутского постоянного представительства и членом комиссии Наркомнаца СССР. В 1926 вернулся в Якутск и возглавил Республиканское потребобщество «Холбос». В 1933 году выехал в Москву, работал экономистом в «Союзпушнине», затем плановиком-экономистом в «Союззолотопродснабе». 5 марта 1938 года арестован по делу М.К. Аммосова. 15 сентября 1938 года приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 6 июля 1957 года.

Согласно данных Областной земской управы, по состоянию на 29 декабря 1918 года по Вилюйскому уезду, помимо Потребительского общества г. Вилюйска, по уезду насчитывалось 21 потребительское и 1 сельскохозяйственное общество. Оборот одного только Нюрбинского потребительского общества составлял 18418 рублей⁵. В Якутском уезде было зарегистрировано 27 потребительских и 5 кредитных общества. По данным сентября 1918 года в Олекминском уезде действовал потребительский кооператив, объединявший до 7 тыс. членов. В 1917–1918 годах наблюдался рост численности потребительских обществ в области. По данным 1918 года по Якутской области насчитывалось 67 потребительских обществ, из которых 8 были городскими и 59 – сельскими.

Одним из крупных поставщиков продовольствия и товаров для жителей г. Якутска и его окрестностей являлось Якутское потребительское общество «Экономия». К 1918 году оно имело 5725 членов. Основной капитал общества составлял 86555 рублей. К этому времени «Экономия» действовала в союзе с Батурусским (814 членов, капитал 17000 руб.), Абагинским (770 членов, капитал 8000 руб.), Кумахтаским (400 членов, капитал 17000 руб.) обществами, а также обществом «Пробуждение» (573 члена, капитал 7000 руб.). Общий капитал союза составлял в итоге 118555 руб. и объединял в союзе 7468 членов⁶.

Осенью 1918 года за неимением достаточных средств на выпуску товаров из-за пределов области потребительское общество «Экономия» было вынуждено обратиться в Иркутское отделение Народного банка с просьбой об открытии кредита. Банк дал согласие выделить кредит в полмиллиона рублей под залог товара. Одновременно с этим Наблюдательный совет общества внес на

обсуждение Губернского земского собрания продовольственный вопрос и предложил собрать деньги с членов потребительского общества авансом. Условием для сбора денег должна была стать гарантия того, что привезенный на эти деньги товар будет выдан сверх карточной нормы. Такой шаг имел целью увеличение притока товаров и продуктов потребления в область извне и использование народных денег, «которые за неимением товаров на рынке тратятся бесцельно или лежат бесполезно»⁷.

Газета «Якутский областной вестник» в номере от 7 августа 1919 года напечатала обращение Управляющего Якутской областью В.Н. Соловьева к представителям крупных торговых фирм с предложением о понижении процентов, о снижении цен на товары первой необходимости:

«От Управляющего Якутской областью к крупным торговым фирмам

Общее тяжёлое экономическое положение является ужасающим фактом, который изо дня в день угнетает необеспеченные классы населения, создавая впереди ещё худшее.

Каждый день цены повышаются, жить становится невыносимо, но этот факт мало трогает крупные фирмы Якутска, фирмы ничего не сделали для понижения цен на мануфактуру и другие товары, хотя это сделать возможно. К сожалению, есть факты, которые говорят обратное: одна из крупных фирм искусственно вздувала цены на предметы первой необходимости.

На пушнине фирмы за этот год нажили миллионы, все конфискации и контрибуции красноармейцев вернули с лихвой во много раз. Пушнина не является предметом первой необходимости, и высокие цены на неё выгодны и промышленнику-охотнику, и, казалось бы, что фирмы, оправдав все свои затраченные и пущенные в оборот капиталы, должны бы удовлетвориться прибылью с пушнины, предоставив рядовому обывателю относительно дешёвую мануфактуру, чай, рыбу, понизив тем цену на хлеб, мяса, масло.

Когда были красноармейцы, то многие готовы были отдать все свои деньги, лишь бы остаться живыми, теперь же все забыто и дикая спекуляция правит рынком.

Обращаясь к руководителям крупных фирм, я прошу их изменить курс своей торговой политики, прошу дать населению области и положительные результаты от их мощных капиталов – понизить

ВЛАДИМИР ПЕСТЕРЕВ. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЯКУТИИ 1920 ГОДА.

Экскурс в историю

проценты своих прибылей на предметы первой необходимости. Не надо забывать и того, что если будет расстроено экономический тыл нашей армии, положение которой в настоящее время трудное, то все могущие произойти отсюда печальные события лягут тяжкой долей на тех, кто не шёл навстречу населению в экономической помощи, хотя и мог это сделать»⁸.

Реальное положение местного населения в улусах хорошо показывает статья некоего Шило «Жизнь бедняка в улусе», напечатанная в газете «Якутское земство» от 24 августа 1919 года. В статье Шило описывает жизнь якута-рабочего Батурусской волости и тойона богача.

«Бедняк якут Иван Тюрютин нанялся к богачу Ивану Гоголеву в работники за 220 рублей на всю летнюю страду с 9 мая по 14 сентября с.г. (1919). Тюрютин имеет семью: жену, дочь 16 лет, сына 13 лет. По условию, все четверо должны были работать на Гоголева. Своё жалованье Тюрютин забрал ещё в 1918 году то хлебом, то старой одеждой... да ещё задолжал ему, Гоголеву, 111 рубль. Ныне, в июне месяце, Тюрютин отказался служить у Гоголева и попросил расчёта. Хозяин Гоголев сперва просил Тюрютина остаться у него, потом угрожал ему судом, тюрьмой и, наконец, рассчитался с ним: взял у Тюрютина одну корову за 281 рубль (остались только две коровы) и снял с плеч жены Тюрютина последнюю рубашку, купленную у него же в счет жалованья за 50 рублей. Жена Тюрютина осталась совершенно голой. Тойон Гоголев этим не ограничился: привёл к Тюрютину наследного старосту, который настаивал, чтобы тот поступил обратно к хозяину на прежних условиях. Тюрютин за прежнее жалованье служить и остаться у Гоголева отказался. Тогда его насильно повели в Управу, где улусный голова В.Г. Попов 2-ой 1-го июля сего года заставлял Тюрютина поступить обратно к своему хозяину, но когда Тюрютин категорически отказался, его заперли в арестное помещение при Управе. Его освободили только через два дня, при этом вынесли какое-то постановление, которое Тюрютину не прочли, копию не выдали и составляли постановление в его отсутствие.

Вот такова действительная жизнь якутского рабочего. Он совершенно бесправен: заправили улуса с ним могут сделать, что угодно... Якутские тойоны, ошеломленные в дни революции, теперь забрали в свои руки потерянную ими власть, заняли прежнее господствующее положение, возвратили свои поте-

ранные права на бесконтрольное хозяйничанье и закабаление якутского рабочего...

Шило»⁹.

В декабре 1919 года был совершён антиколчаковский переворот и установлена советская власть. Первым мероприятием советской власти стала национализация частных промышленных и торговых предприятий, банков, транспортных средств и земель. Государственной собственностью были объявлены земля, электростанция, почта, типографии, кустарные промышленные заведения и т. д. Большевики установили командно-административный метод управления, ввели продовольственную развёрстку и различные государственные повинности. Все это тяжёлым бременем легло на плечи местного населения.

Для решения продовольственного кризиса была установлена норма продуктового пайка для горожан города Якутска на 1920 год. Хозяйственная разруха и неразбериха, классовое противостояние привели к тому, что власти были вынуждены ввести карточную норму распределения продуктов.

Понятно, что в такой обстановке нормы отпуска товаров и предметов первой необходимости городскому населению были далеки от настоящей требуемой нормы. При выдаче этой минимальной нормы власти руководствовались разделением потребителей на отдельные категории.

В категорию «А» входили все трудящиеся от 16 лет и старше, занимавшиеся тяжёлым физическим трудом и состоявшие на службе в правительственных и общественных учреждениях. Под эту категорию попадали также и члены профессиональных союзов и других рабочих организаций, но только в том случае, если в уставы этих союзов и организаций был включён пункт, что его члены по первому требованию революционных властей обязаны явиться к исполнению неотложных работ.

Категория «Б» включала трудящихся от 16 лет и старше, занимавшихся умственным и лёгким физическим трудом, состоявших на службе в правительственных и общественных учреждениях, а также членов профсоюзов и других рабочих организаций, если в уставы этих союзов и организаций был включен такой же пункт, как и в предыдущем случае.

Категория «В» состояла из лиц от 16 лет, состоящих на службе в правительственных и

⁸ Якутский областной вестник. 1919 г. 7 августа. № 167.

⁹ Якутское земство. 1919 г. 24 августа. № 30. – С. 4.

общественных учреждениях, или из лиц того же возраста, не состоящих членами профсоюзов и рабочих организаций, членом таких союзов и организаций, в уставы которых не был включён пункт о трудовой повинности.

Категория «Г» – подростки и дети с 2 до 16 лет, категория «Д» – дети до 2 лет.

Для получения набора товаров и предметов первой необходимости по карточкам согласно нормы, служащие и рабочие правительственных и общественных учреждений, а также члены союзов и рабочих организаций категории «А» и «Б» должны были иметь особые удостоверения от своих учреждений и организаций с указанием категории, Ф.И.О. и номера продовольственной карточки. Если в карточке значились два лица, имеющие право на получение усиленной нормы (категорий «А» и «Б»), то каждое такое лицо должно было иметь особое удостоверение.

1 мая 1920 года Президиум Якутского губсовнархоза в своем постановлении об отпуске нормы товаров и продовольствия обязал профсоюзы и другие рабочие организации прислать в Продовольственный отдел копии своих уставов или выписку из них. В фонде Якутского губернского Совета народного хозяйства, хранящемся в Национальном архиве РС (Я), находится документ, показывающий нормы отпуска товаров и предметов первой необходимости, установленные для городского населения на май 1920 года:

«Сахар: взамен сахара на май месяц отпускается монпансье.

по карточкам лиц категорий «А» и «Б», для всех членов семьи по одному фунту на душу (1 фунт = 409, 51241 г. – прим. К.П.)

по карточкам лиц категории «В», для всех членов семьи по полфунта на душу.

Чай: на карточку одинокого – четверть кирпича, на карточку 2 и 3 лиц – полкирпича, на карточку 4 и 5 лиц – три четверти кирпича, на карточки 6 и более лиц – по одному кирпичу. На карточки лиц категорий «А» и «Б» прибавляются по четверть кирпича на карточку сверх указанной нормы»¹⁰.

Враги советской власти использовали в своих интересах экономические трудности, возникшие в первые годы советской власти:

–неудовлетворённость населения в самых элементарных, насущных товарных потребностях;

– нужду и голод в улусах и наслегах;
–продолжение продразвёрстки периода «военного коммунизма»;
– политику классового расслоения и изоляции;
– конфискации имущества репрессированных;
– различные реквизиции местных ревкомов:
– проведение и введение местных натуралогов и развёрсток;
– непонимание темными массами населения истинных причин экономической разрухи.

В 1928 году бывший председатель Ревкома ЯАССР П.А. Слепцов-Ойунский в письме членам бюро Якутского обкома указывал следующие объективные причины развития повстанчества в 1921–1922 годах:

«...Небывалый товарный голод, не было предметов первой необходимости, не было сбыта продуктов сельского хозяйства.

Конец продразвёрстки и начало продналога при полном отсутствии снабжения населения продуктами промышленности.

Экономический кризис вызвал массовую тревогу и недовольство советской властью. Это недовольство середняцких масс и тойонатства подстёгивалось реквизициями зимней одежды, трудовой повинностью, командованием ревкомов...»¹¹

Экономический кризис в Якутии стал одной из причин возникновения и развития повстанчества в 1921–1922 годах. Колчаковские офицеры во главе с В.А. Коробейниковым умело использовали захваченные ими на реке Мая товарно-материальные ценности «Холбоса» и Центросоюза – весом 570500 кг., общей стоимостью 850 тысяч золотых рублей – с захваченных пароходов «Соболь», «Киренск» (с четырьмя баржами) для привлечения в свои ряды темной, обнищавшей массы населения.

¹⁰ НА РС (Я), ф. 51, оп. 1, д. 17.

¹¹ В.И. Пестерев. Гражданская война на северо-востоке России и антикоммунистические выступления в Якутии. 1918–1930 гг. Я. 2008. – С. 76.